

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

7 2020
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 7 (297) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Владимир Игоревич Арнольд* (1937–2010), советский и российский математик.

Владимир Арнольд родился в Одессе, а рос и учился в Москве. Его отец, Игорь Владимирович Арнольд, был известным математиком, членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР. Мать, Нина Александровна Исакович, была искусствоведом, работала в Пушкинском музее.

Будучи студентом третьего курса механико-математического факультета МГУ, Арнольд вместе со своим учителем Колмогоровым решил 13-ю проблему Гильберта, показав, что любая непрерывная функция трех переменных может быть представлена в виде суперпозиции непрерывных функций двух переменных. Этот результат составил кандидатскую диссертацию Арнольда, защищенную в Институте прикладной математики имени М. В. Келдыша. В том же институте Владимир Игоревич защитил докторскую диссертацию «Проблемы устойчивости движения в классической и небесной механике», которая содержала результаты, ставшие основой широко известной КАМ-теории, названной по первым буквам фамилий ее создателей: Колмогоров, Арнольд, Мозер.

Арнольд широко известен как один из создателей теории особенностей, находящей многочисленные приложения как в математике, так и вне ее. Он внес огромный вклад в множество разделов математики. Его имя — во многих названиях теории динамических систем: теорема Лиувилля — Арнольда, язык Арнольда, диффузия Арнольда, кошка Арнольда и т. д. Симплектическая топология возникла из гипотезы Арнольда о числе неподвижных точек симплектоморфизма, сформулированной в середине 60-х годов. Современное возрождение вещественной алгебраической геометрии связано с работой Владимира Игоревича о расположении овалов вещественной плоской алгебраической кривой. Его работа о когомологиях группы крашенных кос была одним из исходных пунктов современной теории конфигураций гиперплоскостей. Труды Арнольда по классификации критических точек функций привели, в частности, к созданию теории многогранников Ньютона. Странная двойственность Арнольда для 14 исключительных уни-модальных особенностей — один из первых примеров

явления зеркальной симметрии. Работы Владимира Игоревича широко известны и используются в физике и механике.

До последнего времени Арнольд работал в Математическом институте имени В. А. Стеклова в Москве и в Университете Париж-Дофин, а также возглавлял Московское математическое общество. По состоянию на 2009 год он имел наивысший индекс цитирования среди российских ученых.

В последние годы жизни Владимир Игоревич много занимался новыми для себя задачами комбинаторики, теории чисел и дискретной математики. Ему принадлежит большое количество новых наблюдений, открытий интересных закономерностей и гипотез в этой области (в частности, задача о мятом рубле). Много внимания он уделял защите среднего и высшего математического образования в нашей стране и во всем мире.

Большая часть жизни Владимира Игоревича была тесно связана с журналом «Функциональный анализ и его приложения». С момента создания журнала в течение почти сорока лет он был членом его редколлегии, почти десять лет был главредом. Самый первый выпуск журнала открывался статьей Арнольда «О характеристическом классе, входящем в условие квантования». При его непосредственном участии журнал стал одним из авторитетных математических изданий.

Владимир Игоревич опубликовал более 500 статей и около 50 книг. Его «Математические методы классической механики» и «Обыкновенные дифференциальные уравнения» стали классическими университетскими учебниками.

Арнольд был лауреатом ряда советских, российских и международных премий, таких как премия Московского математического общества для молодых математиков, Ленинская премия (вместе с Колмогоровым), Крафордская премия (с Луисом Ниренбергом), премия Вольфа (с Шелахом), Государственная премия России, Премия Шоу (с Фаддеевым). Владимир Игоревич был иностранным членом ряда академий, почетным доктором нескольких университетов. В его честь одной из малых планет было присвоено имя *Vladarnolda*.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Железнова Н. Ф.

Некоторые вопросы теории и практики антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.....85

Знаменская С. В.

Проблемы судебной защиты права родителей на воспитание несовершеннолетних детей 87

Зорина Т. С.

Проблема применения упрощенной системы налогообложения в транспортно-экспедиторской деятельности89

Казюра Т. Г.

Развитие правового механизма использования электронных средств платежа как механизма противодействия коррупции.....92

Кислый А. А.

Злоупотребление правом в семейных отношениях и способы защиты93

Кислый А. А.

Проблемы злоупотребления правом в гражданских правоотношениях96

Ковалева Е. Ю.

Уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица: разработанность темы исследования99

Ковальская О. Н.

Терминологические проблемы определения жилищно-коммунального хозяйства 103

Koshkin V.

Once again about efficiency of the International Criminal Court 105

Красавина О. Н.

Сроки применения взыскания в виде увольнения с государственной гражданской службы в связи с утратой доверия 110

Лузина У. С.

Типовой Кодекс этики и служебного поведения как предмет правового регулирования морально-этического облика депутата..... 113

Меринова Ю. Д.

Проблемы оспаривания сделок с неравноценным встречным исполнением обязательств 114

Меринова Ю. Д.

Особенности оспаривания подозрительных сделок по признаку цели причинения вреда кредиторам 116

Наумова А. А., Галанина А. С., Батанов А. Н.

Психолог как субъект уголовного процесса ... 118

Одинцов Ю. В.

Общая собственность супругов: имущественные права и обязанности 119

Пиров К. Р.

Институт юридической ответственности в земельном законодательстве Российской Федерации 121

Рашидов Ш. Т., Нечепурнов А. В.

Проблемы реализации принципа справедливости в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации 124

Романькова И. А.

Особенности производства расследования в форме сокращенного дознания 126

Сенников Д. Э.

О некоторых вопросах формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 129

Смирнов В. А., Гойник А. А. Особенности проведения отдельных процессуальных и следственных действий по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности 132	Темченко Д. П. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий на примере государственных программ..... 141
Смирнов В. А., Гойник А. А. Проблемы, возникающие при расследовании преступлений коррупционной направленности и возможные способы их преодоления 136	Уварова Ю. А. Трансграничная несостоятельность (банкротство) в международном частном праве..... 144
Сосновская Е. А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних..... 138	Федотов А. В. Антикоррупционная политика Банка России и пути ее реализации..... 145
	Чикарёва Е. П. Право на обязательную долю в наследстве 148

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Некоторые вопросы теории и практики антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов

Железнова Наталья Федоровна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследовано понятие и значение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Автор обращает внимание на недостаточное правовое регулирование антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, которое носит не системный характер, что в особенности проявляется при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на муниципальном уровне.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, антикоррупционная экспертиза, коррупция, коррупционные риски, противодействие коррупции.

Складывающаяся в России антикоррупционная политика подразумевает под собой разработку и реализацию совокупности мер, способов и средств, способствующих противодействию коррупции как на федеральном, так и региональном и муниципальном уровнях.

Ряд исследователей под антикоррупционной политикой понимают деятельность, которая осуществляется специально уполномоченными органами государственной и муниципальной власти, а также их должностными лицами по противодействию и профилактике коррупции [5, с. 30].

Другие авторы проводят разграничения между политикой и деятельностью, не смотря на наличие между ними общих признаков и характеристик. По их мнению, термин «политика» является более широким, поскольку включает в себя не только разработку необходимой нормативно-правовой базы, конкретных мер и средств по противодействию коррупции, но и политическую составляющую [7, с. 15].

Реализация антикоррупционной политики является невозможной без построения целостной институциональной системы, отвечающей международным требованиям и стандартам в сфере противодействия коррупции.

Правовое обеспечение антикоррупционной политики осуществляется по следующим направлениям:

1) принятие специального антикоррупционного законодательства;

2) внесение необходимых изменений и дополнений в действующие нормативно-правовые акты с учетом антикоррупционных требований;

3) совершенствование статуса органов государственной и муниципальной власти и их служащих;

4) организация и проведение антикоррупционной экспертизы.

Таким образом, антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов выступает важнейшим направлением антикоррупционной политики, не только на федеральном, но и на региональном и муниципальном уровнях.

Правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов заложены Федеральным законом от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [1] (далее — Закон об антикоррупционной экспертизе). Недостатком данного закона следует назвать отсутствие в нем легального определения антикоррупционной экспертизы. Данный законодательный пробел восполняется в научной литературе. Так, под антикоррупционной экспертизой нормативных правовых актов и их проектов ряд авторов понимают совокупность действий, регламентированных нормами законодательства, которые осуществляются специально уполномоченными субъектами в целях проведения оценки разрабатываемого нормативного правового акта либо его проекта на предмет соответствия требованиям Конституции РФ и законодательству, а также на предмет наличия либо отсутствия условий для проявления коррупции — коррупциогенных факторов [4, с. 39].

Другие признают антикоррупционную экспертизу в качестве составной и неотъемлемой части правовой экспертизы [8, с. 142].

Третьи указывают на недопустимость признаний понятий правовой и антикоррупционной экспертизы равнозначными. Не смотря на наличие общих признаков, данные институты характеризуются наличием отличительных особенностей, которые сводятся к предмету, целям, субъектам исследования [3, с. 28].

По нашему мнению, данные понятия, действительно, являются схожими, но различными по своей направленности, содержанию, правовой регламентации. Это накладывает отпечаток и на особенности процедуры и методик их проведения, перечне уполномоченных субъектов проведения экспертиз и т. д.

Так, если проведение правовой экспертизы того или иного нормативного акта преследует общую цель — выявление в нем различных противоречий и недостатков правового характера, не соответствие положениям Конституции РФ и других законодательных актов, то предназначение антикоррупционной экспертизы сведено к выявлению и устранению коррупционных факторов, что позволяет говорить о ее обособленном характере. Соответственно, если выводы экспертов при проведении правовой экспертизы заключаются в установлении отсутствия или наличия факта противоречия Конституции России или другим федеральным законам, то при проведении антикоррупционной экспертизы ее эксперты направляют наличие или отсутствие в конкретном нормативном акте коррупционных факторов.

В качестве другого отличительного признака между ними следует назвать уровень правовой регламентации. Если регулирование правовой экспертизы осуществляется в основном подзаконными нормативными правовыми актами, то вопросу проведения антикоррупционной экспертизы посвящен отдельный федеральный закон.

Различными являются и сроки проведения экспертиз. Если в отношении основного срока проведения правовой и антикоррупционной экспертизы действующим законодательством не предусмотрено различий, и он составляет 30 дней, то касательно возможности его продления имеются расхождения, поскольку специальный Закон об антикоррупционной экспертизе не предусматривает возможности продления соответствующей экспертизы в отличие от правовой экспертизы.

Одна из основных задач антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов заключается в выявлении и предупреждении коррупционных факторов.

Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, а также Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов утверждены Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [52]. Данным нормативным правовым актом тщательным образом осуществлено раскрытие коррупционных фак-

торов, а также изложены практические рекомендации, способствующие их выявлению. В то же время в практике имеются случаи использования муниципальными образованияами собственных методик проведения антикоррупционных экспертиз, что, с одной стороны, может расширить потенциал антикоррупционной экспертизы, учитывая специфические особенности того или иного муниципального образования, но, с другой стороны, вряд ли способствует повышению эффективности антикоррупционной экспертизы, поскольку разрабатываемые муниципальными образованияами собственные методики не исследованы на универсальность и применимость в конкретных условиях [6, с. 4].

Обратим внимание на то обстоятельство, что перечень коррупционных факторов, содержащихся в Методике, утвержденной Постановлением Правительства РФ, является исчерпывающим, что фактически не позволяет его расширительно толковать. В этой связи решение данного вопроса представляет особую важность. Как представляется, перечень коррупционных факторов необходимо сделать открытым.

В качестве другой важнейшей проблемы, связанной с применением вышеуказанной Методики, многими авторами небезосновательно называется отсутствие в ней конкретных и понятных способов, позволяющих на практике выявлять коррупционные факторы, а также алгоритма действий эксперта при анализе нормативного акта на коррупционность [9, с. 52].

Таким образом, правом проведения антикоррупционной экспертизы наделены непосредственно органы местного самоуправления, которые вправе принимать собственные методики выявления коррупционных факторов, которые нередко противоречат как законодательству субъектов РФ, так и федеральному законодательству, регламентирующему проведение антикоррупционной экспертизы.

Проведение антикоррупционной экспертизы на муниципальном уровне проявляется особенно остро, что обуславливается различными причинами:

- 1) несовершенством законодательной техники местных законодателей;
- 2) нехваткой квалифицированных сотрудников, осуществляющих проведение антикоррупционной экспертизы, их недостаточной правовой грамотностью и осведомленностью в рассматриваемом вопросе. Поэтому методологическую и правовую помощь в этом должны оказывать субъекты РФ. Необходимо также наладить более эффективное и оперативное межведомственное взаимодействие муниципальных образований не только с органами федеральной власти субъектов РФ, но и с правоохранительными органами (Прокуратурой, региональными управлениями Минюста России);

недостаточное финансирование проведения антикоррупционной экспертизы.

Несмотря на сформированную нормативную правовую базу, правовое регулирование антикоррупци-

онной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов характеризуется наличием ряда недостатков и противоречий. Все эти вопросы требуют своего законодательного разрешения, что существенным образом

повысит значение и эффективность антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов как средства профилактики и противодействия коррупции.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 29. — Ст. 3609.
2. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 10. — Ст. 1084.
3. Воронина, Ю. И. Антикоррупционная экспертиза законодательных актов (их проектов) в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): Дис.... канд. юрид. наук. Тюмень, 2016. — 218 с.
4. Гулягин, А. Ю. Экспертиза нормативных правовых актов как юридическое средство противодействия коррупции // Юридический мир. — 2009. — № 12. — с. 37–39.
5. Ишеков, К. А. Нормативное правовое регулирование антикоррупционной политики: проблемы и перспективы // Российский следователь. — 2017. — № 24. — с. 28–32.
6. Маслакова, Е. А. Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов и их проектов // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2015. — № — 4. с. 3–5.
7. Торопова, Е. Е. Антикоррупционная политика в России в сфере государственной и муниципальной службы // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2017. — № 4. — с. 14–16.
8. Третьякова Е.-Д. С. Правовая экспертиза нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (конституционно-правовое исследование на материалах деятельности территориальных органов Министерства юстиции Российской Федерации Сибирского федерального округа): Дис.... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. — 253 с.
9. Чернышева, Л. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. — 2017. — № 6. — с. 50–53.

Проблемы судебной защиты права родителей на воспитание несовершеннолетних детей

Знаменская Светлана Васильевна, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В настоящее время в российских судах увеличилось количество споров, связанных с воспитанием детей. Процесс рассмотрения дел и исполнения судебных решений, касающихся судьбы детей, является сложным и весьма неоднозначным и неразрывно связан со многими психологическими аспектами лиц, участвующих в нем, которые также необходимо принимать во внимание.

Специфической чертой родительских прав является одновременно осуществление родителями своих обязанностей в отношении детей. Содержание родительских прав и обязанностей тесно связано с нормами нравственности и морали, что характеризует родителей как воспитателей. Но это не единственная черта прав и обязанностей родителей как воспитателей. Существенные черты родительских прав и обязанностей отражены в поло-

жения Семейного кодекса РФ. Их можно обобщить следующим образом:

— родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (п. 1 ст. 61 СК РФ). Данная норма права распространяется и на родительские права и обязанности по воспитанию ребенка;

— родительские права относятся к числу прав, ограниченных временем (за исключением случаев досрочной регистрации брака несовершеннолетнего в соответствии с п. 2 ст. 21 СК РФ и п. 2 ст. 13 СК РФ, а также эмансипации несовершеннолетнего, которому исполнилось 16 лет (ст. 27 СК РФ)). Ограничение родительских прав имеет существенное значение в разрешении споров об алиментных обязательствах родителей в отношении несовершеннолетнего;

— при осуществлении родителями своих прав и исполнении ими своих обязанностей приоритет имеют интересы ребенка (п. 1 ст. 65 СК РФ). Особое значение интересам ребенка придается в спорах, когда между интересами родителей (или одного из родителей) и интересами ребенка возникли или могут возникнуть противоречия;

— родители имеют преимущественное перед всеми другими лицами право на воспитание своего ребенка (п. 1 ст. 63 СК РФ).

Конституция РФ и Семейный кодекс РФ предусматривают общие права и обязанности родителей: защищать права и интересы своих детей с учетом их интересов.

Кроме того, родители в силу семейного законодательства вправе общаться с ребенком, участвовать в его воспитании, если ребенок проживает отдельно (п. 1 ст. 66 СК РФ), получать информацию о несовершеннолетнем из воспитательных и лечебных учреждений, учреждений социальной защиты и др. (п. 4 ст. 66 СК РФ). Право требовать возврата своего ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или судебного решения закреплено в ст. 68 СК РФ.

В соответствии с п. 3 ст. 62 СК РФ несовершеннолетние родители, независимо от их возраста, также имеют право признавать и оспаривать свое отцовство и материнство на общих основаниях (ст. 48, 52 СК РФ); требовать при условии достижения ими возраста четырнадцати лет установления отцовства в отношении своих детей в судебном порядке (ст. 49 СК РФ).

Все вопросы, касающиеся воспитания детей, должны решаться родителями по их взаимному согласию, исходя из интересов детей и с учетом мнения детей (п. 2 ст. 65 СК РФ), а учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, — обязателен (ст. 57 СК РФ). Разногласия между родителями по вопросам воспитания детей могут быть разрешены по обращению родителей (или одного из них) в органы опеки и попечительства или в суд.

К таким спорам относятся споры об установлении и оспаривании отцовства; определение места жительства ребенка при раздельном проживании его родителей; определение порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя.

Споры, связанные с лишением и ограничением родительских прав, образуют особую и самостоятельную категорию споров о детях, поскольку чаще всего направлены на защиту интересов ребенка от самого родителя. При этом иском по спорам о лишении родительских прав может выступить не только второй родитель, но и прокуратура и орган опеки и попечительства.

Проблемы споров о воспитании детей возникают в ходе рассмотрения дела и на стадии исполнения решений. Чаще всего при рассмотрении иска по существу суды сталкиваются с проблемами правильного определения фактических обстоятельств, выявлением наличия нарушенного права заявителя; правильным применением сложившейся судебной практики. На стадии апелляционного рассмотрения судам не хватает времени на рассмо-

трение дела, что может привести к отмене решения и негативно повлиять на судьбу ребенка.

Суды сталкиваются и с несовершенством современного законодательства при разрешении споров о воспитании детей. Чаще всего норма права толкуется не так широко, как этого требуют установленные по делу обстоятельства при разрешении споров, а иногда наоборот — расширительное толкование ставит перед судом задачи поиска решения спора по своему внутреннему убеждению.

Так, статья 129 Семейного кодекса РФ не содержит указания на прекращение или сохранение прав и обязанностей родителей при их согласии на усыновление (удочерение) ребенка. Автор предлагает дополнить указанную норму следующим содержанием: права и обязанности родителя, давшего согласие на усыновление (удочерение) ребенка, сохраняются до фактического установления усыновления (удочерения) в отношении ребенка, за исключением случаев, когда ребенок в установленном законом порядке помещен на полное государственное обеспечение.

Статья 73 Семейного кодекса РФ, регулирующая споры об ограничении родительских прав, при рассмотрении дел судом толкуется иногда расширительно, и суд строго ограничивает действие нормы рамками установленных обстоятельств по конкретному делу.

Гражданский процессуальный кодекс РФ практически не содержит норм, регламентирующих участие несовершеннолетнего в судебных спорах. При разрешении вопросов об определении места жительства ребенка, порядка общения с ребенком одним из родителей участие ребенка необходимо на всех стадиях судебного разбирательства. Только таким образом суд может дать объективную оценку представленным сторонами доказательствам и сопоставить их с интересами самого ребенка. Это становится особенно важным, когда сторона, не согласившаяся с решением суда первой инстанции, обжалует его. Суд апелляционной инстанции, не располагая временем на рассмотрение дела, изучает его только на бумажном носителе, чаще всего руководствуется сложившейся практикой, не видя всю глубину ситуации и не вникая скрупулезно в проблему интересов самого ребенка. В результате отмененное решение суда приводит к необратимым последствиям для сторон. Автор считает, что в структуру Гражданского процессуального кодекса РФ необходимо включить специальную главу об особенностях участия несовершеннолетних во всех процессуальных качествах, возможных для них, предусмотрев нормативные положения об их дееспособности, об участии на различных стадиях процесса, особенностях опроса (допроса) по существу дела, процессуальных правах (в зависимости от качества процессуальной фигуры), участии специалиста-психолога, представителя органа опеки и попечительства и т. д. Затронутая проблема пересмотра решений на апелляционной стадии также актуальна. Требуется более тщательное рассмотрение дел о спорах в отношении несовершеннолетних детей судом апелляционной инстанции в случае когда какая-либо из сторон обжалует решение.

Для разрешения проблемы автор предлагает внести дополнения в Гражданский процессуальный кодекс РФ путем внесения гражданско-процессуальных норм, ставящих споры о детях в отдельную категорию дел, требующих пересмотра по правилам производства суда первой инстанции в любом случае при наличии апелляционной жалобы какой-либо из сторон. Также, автор предлагает внести дополнения в Гражданский процессуальный кодекс РФ в виде правовых норм, предлагающим судьям, рассматривающих споры о воспитании детей в первой инстанции, при вынесении решения выражать в письменном виде особое мнение относительно установленных обстоятельств дела.

Существуют и проблемы с исполнением судебных актов, вынесенных по результатам разрешения спора о детях. На практике приставы-исполнители неизбежно сталкиваются с несовершенством исполнительного законодательства и часто руководствуются не нормами права, а собственным видением ситуации. Так, исполнение решения об определении места жительства ребенка невозможно без участия второго родителя, а решение суда об отобрании ребенка — без представителя органа опеки и попечительства. Автор для решения проблемы предлагает дополнить Федеральный закон «Об исполнительном производстве» статьей 76.1 «Исполнительное производство по делам из семейных отношений». Согласно нововведениям судебный пристав-исполнитель после возбуждения исполнительного производства по делам из семейных правоотношений сможет установить должнику срок для добровольного исполнения решения суда. В случае, если должник не исполнит решение суда без уважительных причин в установленный для добровольного исполнения решения суда срок, норма права предусматривает штрафные санкции к должнику или иные меры воздействия. Участие второго родителя при исполнении решения суда об определении

места жительства ребенка согласно нововведениям будет являться обязательным. Отказ родителя от личного участия в процедуре передачи ему ребенка без уважительных причин будет являться основанием для прекращения исполнительного производства.

По спорам о взыскании алиментов на содержание детей, также нередко возникают трудности с исполнением судебных актов. Причиной является недосказанность правоприменителя о способе исполнения решения суда. Так, при удовлетворении требований о взыскании алиментов в долевом отношении к заработку на двоих и более детей судами нередко не принимается во внимание тот факт, что дети достигают совершеннолетия в разное время. В свою очередь, достижение одним из детей, на содержание которых взысканы алименты, 18 лет в соответствии с п. 1 ст. 81 СК РФ влечет изменение размера алиментов, определяемых судебным решением. В связи с этим, есть предложение о необходимости внесения дополнительных норм права в Гражданский процессуальный кодекс РФ. Новая норма права обяжет суд при вынесении решения в его резолютивной части указывать способ перечисления алиментов конкретно по каждому ребенку с обозначением срока окончания алиментных обязательств.

В заключение хочется отметить следующее. С какими бы проблемами не сталкивалось судопроизводство при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, автор полагает, что главным принципом в отправлении правосудия всегда должен быть интерес ребенка. Именно интересы детей должны быть отправной точкой при разрешении споров и являться связующим звеном между ребенком, родителями и государством. Принципу интересов ребенка должны следовать все участники судебного процесса, что позволит избежать детской душевной травмы или хотя бы значительно минимизировать детские переживания.

Литература:

1. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // КонсультантПлюс — надежная правовая поддержка. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 10.02.2020).

Проблема применения упрощенной системы налогообложения в транспортно-экспедиторской деятельности

Зорина Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Увеличение объема и быстрая смена технологий перевозок вынуждают участников транспортного процесса искать более эффективные пути доставки грузов, что, в свою очередь, приводит к возникновению новых видов

транспортно-экспедиционной деятельности и соответственно появлению новых видов услуг, предлагаемых заказчику. Такие услуги часто выполняются вне рамок договорных моделей, которые предусмотрены действующим

законодательством. Поэтому проблемы с налогообложением таких видов услуг встречаются довольно часто.

Оказание транспортно-экспедиционных услуг по международным направлениям является особым видом деятельности, связанным с территорией двух и более государств. Государственное влияние на рынок транспортно-экспедиторских услуг, к сожалению, крайне слабо. По мнению К. В. Холопова, О. В. Соколовой: «Рынок транспортно-экспедиторских и транспортно-логистических услуг в России является полностью открытым. Отсутствуют какие-либо барьеры по входу на рынок и выходу из него. Сегодня ни один российский нормативный акт не регулирует публичные отношения субъектов на этом рынке» [4].

С этим мнением нельзя ни согласиться, поскольку на данный момент действительно отсутствуют барьеры, такие как лицензирование и квотирование, для входа на рынок транспортно-экспедиторских услуг. Но, это также порождает за собой проблему учета и контроля за транспортно-экспедиторской деятельностью внутри страны. Сегодня сложно определить количество компаний, занимающихся транспортно-экспедиторской деятельностью, на территории Российской Федерации поскольку отсутствуют крупные провайдеры и агрегаторы рынка.

В первую очередь нужно четко разграничить услуги по грузоперевозкам и транспортно-экспедиционные услуги. Если договор перевозки регулирует только сам процесс по перемещению груза, то договор транспортной экспедиции регулирует организацию процесса доставки груза из одного пункта в другой и включает оказание посреднических услуг по перевозке. В случае, когда компания является собственником транспортных средств, она может перевозить груз по договору перевозки на прямую заказчику, не используя услуги экспедитора.

Для успешного функционирования любой компании необходимо грамотно отнестись к выбору налогового режима. Для правильного определения более подходящего налогового режима необходимо принимать во внимание организационно-правовой статус фирмы, количество сотрудников, объемы и масштаб планируемых сделок, а также величину выручки за налоговые периоды. В нашей стране основная часть экспедиторских компаний существуют в рамках малого и среднего бизнеса. Такие компании могут и используют упрощенную систему налогообложения (далее УСН). Привлекательность УСН в первую очередь объясняется небольшой налоговой нагрузкой, а также относительно простой схемой ведения учета и сдачи отчетности, особенно для индивидуальных предпринимателей.

Такая система предлагает на выбор два разных способа налогообложения, различие состоит в налоговой базе, ставке и порядке расчета. Так для УСН с объектом «Доходы» налоговая ставка составляет всего 6 % с объема поступлений денежных средств, а с 2016 г. региональные власти получили право снижать налоговую ставку до 1 %. Для УСН с объектом «Доходы минус расходы» налоговая

ставка составляет 15 % от разницы между полученными доходами и оплаченными расходами, но и она может быть уменьшена региональными законами до 10 %.

УСН «Доходы» обладает возможностью уменьшения авансовых платежей по единому налогу за счет перечисленных в этом же квартале социальных взносов с заработной платы сотрудников. Государство позволяет компаниям уменьшить таким образом единый налог к уплате до половины. При УСН «Доходы минус расходы» можно учитывать перечисленные страховые взносы с заработной платы в расходах при расчете налоговой базы, однако такой порядок действует и при общей системе налогообложения (далее ОСН).

Очевидным плюсом использования УСН «Доходы» при экспедиторской деятельности заключается в том, что компании нет необходимости доказывать обоснованность и правильное ведение и принятие к учету расходов. Достаточным будет фиксация доходов в книге учета доходов и расходов и по итогам сдачи декларацию по УСН без переживаний о проверках. Это сильно упрощает процесс учета и экономит большое количество ресурсов, поскольку при расчете налоговой базы расходы не участвуют вообще.

УСН «Доходы минус расходы» в отличии от УСН «Доходы» должны подтверждать свои расходы правильно оформленными документами, но споров об их обоснованности намного меньше, поскольку существует строго определенный перечень расходов, которые можно принять к учету. Он приведен в статье 346.16 НК РФ [1].

Экспедиторские компании, использующие УСН не являются плательщиками НДС при реализации услуг. Это можно отнести к преимуществу по сравнению с ОСН так, как НДС сложен в администрировании и способен провоцировать большое количество споров.

Налоговые органы реже проводят выездные проверки компаний, использующих УСН по сравнению с ОСН.

Огорчающим моментом в использовании УСН экспедиторскими компаниями является ограничение круга клиентов и заказчиков теми, кому не нужен входящий НДС. В большинстве случаев клиенты, которым нужен входящий НДС, отказываются работать с экспедиторской компанией по упрощенной системе.

Применение УСН в транспортно-экспедиторской деятельности зачастую скрывает множество спорных ситуаций и различных трактовок определения налогооблагаемой базы и видов расходов, которые на нее влияют. Обобщение часто возникающих спорных ситуаций свидетельствует о том, что перевозчику, при решении спора необходимо опираться на Письмо Минфина РФ от 25.07.2012 N 03-11-06/2/96 [2], где рассмотрен классический случай спорных правоотношений. «Согласно условиям заключенного договора экспедитор (применяет УСНО с объектом налогообложения «доходы») обязуется от своего имени и за счет клиента организовать выполнение услуг, связанных с перевозкой груза клиента. В свою очередь, клиент обязуется уплатить вознаграждение и возместить

расходы, понесенные экспедитором в связи с выполнением обязанностей по договору. Для осуществления перевозки экспедитор от своего имени заключает договор с перевозчиком.

В данном случае договором предусмотрено, что возмещение затрат, понесенных в связи с выполнением обязанностей по договору, осуществляет организация-клиент и эти затраты не являются расходами организации-экспедитора. В результате денежные средства, поступившие в счет возмещения затрат от организации-клиента, не учитываются в составе доходов организации-экспедитора при определении налоговой базы по налогу, уплачиваемому в связи с применением УСНО. У организации-экспедитора налогооблагаемыми признаются доходы в виде вознаграждения по договору» [5].

Указанное ранее правило действует в том случае, когда клиент возмещает затраты экспедитора, применяющего УСН, которые не являются расходами экспедитора. В случаях, когда клиент возмещает затраты, являющиеся расходами экспедитора Общество (применяет УСНО с объектом налогообложения «доходы минус расходы») заключает договоры транспортно-экспедиционного обслуживания импортируемых грузов, согласно которым оно не является перевозчиком. Сумма вознаграждения в договоре не указывается, так как в течение года она зависит от характера груза. В рамках выполнения обязательств по названному договору общество как оказывает собственные услуги (проект ГТД, содействие при таможенном оформлении и др.), так и привлекает сторонние организации (хранение груза на складах временного хранения (далее СВХ), складская обработка, упаковка, доставка груза автомобильным транспортом и др.). Услуги сторонних организаций являются обязательными, так как груз по импорту/экспорту автоматически попадает на склады СВХ пограничного пункта пропуска. По итогам выполнения работ (услуг) общество составляет общий акт, включающий стоимость собственных услуг и услуг сторонних организаций.

В соответствии с Письмом Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ от 19.04.2010 N 03-11-06/2/61, организации, применяющие УСН и исполняющие обязанности экспедитора в рамках договора транспортной экспедиции, не являющиеся перевозчиками, при определении налоговой базы учитывают:

- доходы в виде вознаграждения по договору;
- суммы возмещения затрат, осуществленных экспедитором за клиента, если эти затраты учтены экспедитором в составе расходов.

Если организация-экспедитор оказывает клиенту дополнительные услуги (хранение груза, осуществление погрузочно-разгрузочных работ, доставку груза автомобильным транспортом и др.), плата за их выполнение также включается в состав доходов [3].

По мнению А. Г. Снегирева: в том случае если «согласно договору о транспортной экспедиции сумма вознаграждения включает в себя суммы возмещения затрат, осуществленных экспедитором за клиента, а также суммы оплаты дополнительных услуг, то при определении налоговой базы по налогу, уплачиваемому в связи с применением УСН, у экспедитора будут учитываться все поступившие от клиента по вышеуказанному договору денежные средства» [5, с. 37].

Однако зачастую на этапе подписания договора транспортной экспедиции невозможно определить точную сумму экспедиторского вознаграждения, поскольку она может выражаться в процентном соотношении от всех понесенных затрат экспедитора на определенную перевозку. В том случае если «...организации, применяющие УСН и исполняющие обязанности экспедитора в рамках договора транспортной экспедиции, не являющиеся перевозчиками, при определении налоговой базы учитывают доходы в виде вознаграждения по договору без учета суммы возмещения затрат, осуществленных организацией-экспедитором за грузоотправителя или грузополучателя-клиента. Однако, если установить размер вознаграждения не представляется возможным, вся сумма указанных денежных средств включается в состав доходов, учитываемых при определении базы по «упрощенному» налогу. Причем, если организация-экспедитор оказывает клиенту дополнительные услуги (хранение груза, осуществление погрузочно-разгрузочных работ), плата за их выполнение также включается в состав доходов» [5].

Таким образом, определение налогооблагаемой базы при специальном режиме налогообложения — УСН на прямую зависит от условий договора транспортной экспедиции, которые компания заключает со своими клиентами. Описание ключевых условий сотрудничества в договоре транспортной экспедиции поможет избежать споров с налоговыми органами.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 30.10.2017) // Собрание законодательства РФ, 07 августа 2000.
2. Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ от 25 июля 2012 г. N 03-11-06/2/96 Об учете при применении УСН доходов от транспортно-экспедиционной деятельности. Система ГАРАНТ.
3. Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ от 19 апреля 2010 г. N 03-11-06/2/61 Об определении налоговой базы плательщиком УСН, оказывающим транспортно-экспедиционные услуги. Система ГАРАНТ.

4. Холопов К.В., Соколова О.В. Проблемы функционирования и основные направления построения и регулирования российского рынка международных транспортно-логистических и транспортно-экспедиторских услуг // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 1. с. 68.
5. Снегирев, А. Г. Возмещаемые затраты — доходы экспедитора-«упрощенца»? // Транспортные услуги: бухгалтерский учет и налогообложение. 2017. № 3. с. 34–40.

Развитие правового механизма использования электронных средств платежа как механизма противодействия коррупции

Казюра Тимур Геннадьевич, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Электронные деньги — термин, употребляющийся во многих значениях, связанных с использованием компьютерных сетей и систем хранимой стоимости для передачи (хранения) денежных средств. В последние годы в РФ прослеживается устойчивая тенденция к росту числа несанкционированных операций с использованием систем дистанционного банковского обслуживания. Обналичивание электронных денег предполагает возможность изменения формы денежных средств, и в связи с этим актуализируется реальная потребность в создании правового механизма приостановления перевода денежных средств для предотвращения их незаконного использования.

Ключевые слова: электронные средства платежа, коррупция, несанкционированные операции, незаконные транзакции.

Электронные деньги — термин, употребляющийся во многих значениях, связанных с использованием компьютерных сетей и систем хранимой стоимости для передачи (хранения) денежных средств. По обычаю, под ними подразумеваются системы хранения и передачи как традиционных, так и негосударственных (частных) валют. Обращение электронных денег осуществляется по правилам, установленным (согласованным) с Банком России и по собственным правилам негосударственных платежных систем.

В последние годы в Российской Федерации прослеживается устойчивая тенденция к росту числа несанкционированных операций с использованием систем дистанционного банковского обслуживания [1]. По информации Банка России [2], в 2017 г. их было совершено более 400 тыс. на общую сумму более 4,5 млрд руб., из которых 2,58 млрд руб. приходилось на несанкционированные операции с использованием платежных карт, эмитированных кредитными организациями. Количество таких операций на протяжении 2018–2019 гг. постоянно увеличивалось. В то же время объем несанкционированных операций, совершенных с использованием платежных карт, эмитированных на территории Российской Федерации, в 2017 г. составил 1,08 млрд руб., что меньше аналогичного показателя за 2016 г. на 6,1 % [3].

При постепенном сокращении доли несанкционированных операций, осуществляемых с использованием банкоматов и платежных терминалов, наблюдается некоторый прирост числа несанкционированных транзакций, осуществленных посредством сети Интернет, а также средств мобильной связи.

Обналичивание электронных денег предполагает возможность изменения формы денежных средств. Так, купюры мелкого номинала можно конвертировать в более крупные купюры, в чеки, иные финансовые документы. При этом сотрудники финансовых учреждений должны осознавать, что на стадии размещения легче пресечь незаконные финансовые операции.

Банком России подготовлены поправки к Положению о требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств [4], которыми введены дополнительные требования к банкам и иным организациям, проводящим платежи.

Вместе с тем у злоумышленников остается возможность использовать схемы, в которых зачисление денежных средств на счет получателя производится весьма быстро [1]. В этой связи целесообразно переработать положения ст. 9 Закона № 161-ФЗ и ряда норм других законодательных актов в целях формирования реально работающей системы остановки и возврата платежей. Для этого Банку России в масштабах национальной платежной системы следует нормативно урегулировать такое понятие, как запрос отмены перевода. Подобные запросы должны быть стандартными и производиться в режиме реального времени, обрабатываясь всеми участниками рынка переводов.

В условиях высокой скорости проведения расчетов, многообразия форм ЭСП, значимого уровня технической оснащенности преступников актуализируется реальная потребность в создании правового механизма приостановления

новления перевода денежных средств для предотвращения их незаконного использования.

Банк, как ОПДС, имеет возможность провести проверку транзакции и при возникновении сомнений уведомить об этом клиента. Понятно, что подобные обязательства для него дополнительная нагрузка, однако именно такой подход в состоянии повысить деловую репутацию кредитной организации.

Для этого на службу экономической безопасности банка должна быть возложена обязанность по проверке обоснованности отказа от проведения платежа и разрабо-

тать алгоритм выявления правомерности отказа лица от совершения перевода.

Таким образом, Банком России разработан ряд стандартов по обеспечению информационной безопасности банковской системы, нарушение которых может влечь различные виды ответственности. Это, однако, не умаляет актуальности разработки мер по усилению контроля за регистрацией и использованием ЭСП в целях предотвращения обналичивания электронных денег в противоправных целях.

Литература:

1. Бажанов, С. В., Бут Н. Д. Состояние законности в кредитно-финансовой сфере в условиях экономического кризиса // Юрист. 2017. N 1. с. 12–17.
2. URL: Обзор о несанкционированных переводах денежных средств (2017 год): http://www.cbr.ru/PSystem/P-sys/survey_2017.pdf (дата обращения: 12.02.2020).
3. URL: http://www.cbr.ru/credit/Gubzi_docs/survey_transfers_16.pdf (дата обращения: 13.02.2020).
4. Утв. Банком России 9 июня 2012 г., N 382-П.

Злоупотребление правом в семейных отношениях и способы защиты

Кислый Артем Анатольевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья посвящена исследованию применения института злоупотребления правом в семейных отношениях и способов защиты от злоупотребительного поведения, предусмотренные действующим семейным законодательством. Автор приходит к выводу о необходимости более широкого понимания злоупотребления правом в семейных отношениях — не только, как злоупотребление родительскими правами, а как злоупотребление правами участников семейных отношений (семейными правами), что должно найти отражение в семейном законодательстве.

Ключевые слова: злоупотребление правом, осуществление прав в противоречии с их назначением, ущерб интересам ребенка, семейные права, родительские права.

Межотраслевая природа категории «злоупотребления правом» вполне допускает применение указанного института не только к гражданским правоотношениям, но и к отношениям, регулируемым семейным законодательством, тем более что такая возможность предусмотрена Семейным кодексом Российской Федерации (далее — СК РФ). Так, в силу прямого указания в статьях 4 и 5 СК РФ гражданское законодательство может применяться для регулирования семейных отношений, не нашедших правовой регламентации в семейном законодательстве, как непосредственно, так и по аналогии.

Действующее семейное законодательство в отличие от гражданского, не разработало легального понятия злоупотребления правом в принципе, несмотря на то, что СК РФ содержит пять упоминаний о злоупотреблении семейными правами. Отправной точкой к пониманию института злоупотребления правом является норма статьи 7 СК РФ, которая, во-первых, предписывает осуществлять се-

мейные права, не нарушая права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан; во-вторых, презюмирует охрану семейных прав законом, за исключением случаев, при которых эти права осуществляются в противоречии с их назначением [1].

Необходимо отметить, что некоторые исследователи полагают, что злоупотребление правом в семейных отношениях и есть осуществление прав в противоречии с их назначением [7, с. 8]. Такие выводы, на наш взгляд, могут подтверждаться сходством правовых конструкций статьи 7 СК РФ и статьи 10 ГК РФ, регламентирующей институт злоупотребления правом в гражданских правоотношениях, в части правовых последствий — отказ в охране прав, которыми лицо злоупотребило, в семейном законодательстве, и частичный или полный отказ в защите права в гражданском законодательстве.

При этом обратим внимание, что семейное законодательство оперирует понятием «охрана прав», в то время как гражданское законодательство говорит о «защите

прав». Несмотря на тот факт, что некоторыми учеными поддерживается позиция об идентичности (синонимичности) указанных понятий [8, с. 124], мы полагаем, что категория «охрана прав» несколько шире понятия «защита прав». Так, режим охраны прав законом декларируется в отношении всей совокупности прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, в то время как механизм защиты этих прав «включается» в случае их нарушения. Кроме того, в случае отказа в защите семейное право сохраняется — не получая защиты, оно продолжает охраняться законом.

Такая позиция, на наш взгляд, не противоречит легальной формулировке, содержащейся в статье 7 СК РФ, которая помимо положения о возможности отказа в охране прав в случае, если они осуществлялись в противоречии их назначению, содержит запрет на нарушение прав иных лиц при таком их осуществлении. Мы полагаем, что в контексте современного семейного законодательства категория «осуществление прав в противоречии с их назначением» имеет также более широкое значение, чем понятие злоупотребление правом, которое является ее разновидностью. Иначе семейное законодательство пошло бы по пути гражданского, сконструировав конструкцию статьи 7 СК РФ путем заключения понятия злоупотребления правом «в скобки» после указания на осуществление прав в противоречии с

их назначением. Однако, законодатель не пошел по этому пути. Возможно, это связано с тем, что все указанные в семейном законодательстве случаи злоупотребления правом касаются родительских прав и прав лиц, их заменяющих (усыновителей, опекунов и попечителей).

Так, в п. 2 статьи 56 СК РФ законодатель наделяет ребенка правом на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих) с установлением способов такой защиты — судебного посредством обращения в суд) и внесудебного (неюрисдикционного) посредством обращения в органы опеки и попечительства. Аналогичное право на защиту от злоупотреблений со стороны опекуна (попечителя) и способы защиты согласно статье 148 СК РФ предоставлены детям, находящиеся под опекой (попечительством) [1].

Статьи 69 и 141 СК РФ устанавливают специальные исключительные правовые последствия при наличии фактов злоупотребления родительскими правами. Так, согласно статье 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они злоупотребляют своими родительскими правами. В соответствии со статьей 141 СК РФ злоупотребление родительскими правами в отношении усыновленного ребенка является основанием для отмены усыновления [1].

При этом нормой, закрепляющей понятие злоупотребления родительскими правами, по логике, выступает статья 65 СК РФ, закрепляющая запрет на осуществление родительских прав в противоречии с интересами детей, а также ответственность родителей, осуществляющих родительские права в ущерб правам и интересам детей. Ука-

занная норма соотносится с понятием «осуществление прав в противоречии с их назначением», закрепленным в статье 7 СК РФ, как частное (специальное) с общим, не порождая при этом противоречий.

Аналогичное понимание злоупотребления родительскими правами положено и в основу отечественной судебной практики, однако, последняя, «опуская» понятие «противоречие интересам детей», используемое законодателем в статье 65 СК РФ, применяет исключительно формулировку — «ущерб интересам детей», наличие которого при выявлении фактов злоупотребительного поведения со стороны родителей является основанием их привлечения к установленной законом ответственности. Это говорит о понимании правоприменителем злоупотребления правом через призму семейного правонарушения. Впрочем, в зависимости от характера злоупотребления родительскими правами, речь может идти не только о семейном правонарушении, но и об административном правонарушении или уголовном преступлении.

Так, согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 N 44, под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например создание препятствий к получению ими общего образования, вовлечение в занятие азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению алкогольной и спиртосодержащей продукции, наркотических средств или психотропных веществ, потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, вовлечение в деятельность общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности в соответствии со статьей 9 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», статьей 24 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [3].

Таким образом, правоприменитель определяет злоупотребление родительскими правами как использование этих прав в ущерб интересам детей, включая указанные в качестве примера случаи, перечень которых не является исчерпывающим.

В отличие от семейного законодательства, регламентирующего вопросы злоупотребления исключительно родительскими правами, судебной практике уже давно известны случаи злоупотребления иными семейными правами. Так, можно предположить, что новая тенденция для реализации института злоупотребления правом в семейных и иных, связанных с ними правоотношениях, создана так называемым делом Фроловых против Суздалевой.

Суд усмотрел в недобросовестном поведении суррогатной матери факт злоупотребления и отказал в защите права, предоставленного статьей 51 СК РФ, согласно которой лица могут быть записаны родителями ребенка только с согласия суррогатной матери [1], постановив из-

менить актовую запись о рождении детей и передать их биологическим родителям [9].

Другим примером выступает дело против Подгорной М. С. и Макарова Е. И., со слов которых последний был указан в записи об отцовстве в качестве отца ребенка, не являясь при этом его биологическим родителем. Суд счел такое поведение злоупотреблением правом с его стороны и намерением обойти предусмотренную законом процедуру усыновления [5].

Возрастает количество таких категорий дел, в которых стороны ссылаются на злоупотребление правом в форме ограничения на выезд за пределы Российской Федерации несовершеннолетних детей, наложенного по заявлению родителя, проживающего отдельно от ребенка. По указанным категориям дел уже сложился судебный прецедент. Верховный Суд разъяснил, что злоупотребление правом имеет место в случае произвольного препятствования одним из родителей ребенка, без учета интересов несовершеннолетнего его выезду за пределы страны применительно к конкретной поездке на определенный срок [4].

Указанная судебная практика, не ограничивающаяся применением института злоупотребления одними лишь родительскими правами, должна, на наш взгляд, подтолкнуть отечественного законодателя к более широкому пониманию злоупотребления правом в семейных отношениях — не только, как злоупотребление родительскими правами, а как злоупотребление правами участников семейных отношений (семейными правами), что должно найти отражение в семейном законодательстве.

Что касается способов защиты от злоупотребления родительскими правами, то они названы законодателем в статье 56 СК РФ, согласно которой при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд [1]. Таким образом, семейное законодательство предусматривает два способа защиты — внесудебный (неюрисдикционный) и судебный.

При этом, на наш взгляд, оба предусмотренных способа обладают недостатками в части их реализации ребенком. Так, внесудебный способ защиты от злоупотреблений, которым могут воспользоваться дети любого возраста, сводится в СК РФ только к обращению за защитой в орган опеки и попечительства, в то время, как объективно существует еще одна правовая возможность — обращение за защитой прав к прокурору, который согласно статье 45 ГПК РФ может инициировать судебный способ защиты, обратившись в суд с заявлением в защиту прав несовершеннолетнего ребенка [2]. О такой возможности статья 56 СК РФ умалчивает.

Реализация судебного способа защиты несовершеннолетним, достигшим 14-летнего возраста, также осложнена. Во-первых, право на судебную защиту, предоставленное статьей 56 СК РФ ребенку старше 14 лет, не согласовано с судебным способом защиты, предусмо-

тренным статьей 70 СК РФ, по делам о лишении родительских прав в случае их злоупотребления.

Указанная статья называет категории лиц, по заявлению которых рассматриваются дела о лишении родительских прав. Ими являются один из родителей или лиц, их заменяющих, прокурор, а также орган или организация, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей) [2]. Несовершеннолетний ребенок старше 14 лет не назван статьей 70 СК РФ в качестве лица, по заявлению которого рассматриваются указанные дела.

Впрочем, несмотря на указанное противоречие, гражданское процессуальное законодательство наделяет ребенка в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет правом лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы в случаях, предусмотренных законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений. Однако суд в соответствии со статьей 37 ГПК РФ вправе привлечь к участию в таких делах законных представителей несовершеннолетних [2]. Законодатель ничего не говорит о случаях самостоятельной защиты несовершеннолетними своих прав от посягательств родителей, при которых последние не могут выступать их представителями.

Очевидно, что в таких случаях суд будет вынужден привлечь для участия в деле органы опеки и попечительства, которые, в свою очередь, руководствуясь п. 2 статьи 64 СК РФ, обязаны назначить ребенку представителя [1]. Однако указанная норма ничего не говорит о том, кто может быть таким представителем. Кто должен или может быть представителем, данная норма не разъясняет. Можно предположить, что при предъявлении требования о защите в отношении одного родителя, представителем ребенка должен выступать другой родитель.

В случаях предъявления требований сразу к обоим родителям вопрос не решен. В таких ситуациях стоит разделить позицию Доржиевой С. В., предлагающей назначать представителем ребенка адвоката, дополнив ч. 4 статьи 37 ГПК РФ положением о том, что «в случае обращения в суд несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет за защитой своих прав и законных интересов против обоих родителей или единственного родителя в соответствии с п. 2 статьи 56 Семейного кодекса РФ суд обязан назначить ему в качестве представителя адвоката» [6, с. 42]. Аналогичное положение должно дополнить и норму п. 2 статьи 56 СК РФ. За представителем органа опеки и попечительства должна будет сохранена возможность дать объективное заключение по делу.

С учетом таких рекомендаций судебный способ защиты прав ребенка от злоупотребления родительскими правами стал бы более эффективным в части его реализации.

В целом нам представляется, что упоминание о злоупотреблении правами в статье 69 СК РФ подтверждает

исключительный характер этой нормы и не исключает включения злоупотребления правом в формулировку п. 2 статьи 7 СК РФ.

Необходимо отметить, что правовым последствием злоупотребления правами может стать не только отказ в защите права, но и применение иных мер, в частности, лишение субъективного права и как следствие прекращение правоотношения (лишение родительских прав). Учитывая это, полагаем, что норму статьи 7 СК РФ не-

обходимо дополнить по типу статьи 10 ГК РФ, регламентирующую злоупотребление правом в гражданских правоотношениях, указав в качестве общих правовых последствий злоупотребления семейными правами, по аналогии с гражданским законодательством, полный или частичный отказ в защите и возможность применения иных мер (возмещение имущественного вреда, компенсация морального вреда и иные меры).

Литература:

1. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, N 1, ст. 16
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, N 46, ст. 4532
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 N 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // «Российская газета», N 262, 20.11.2017
4. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.10. 2014 по делу № 57-КГ14-7 // [Электронный ресурс]: Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. — режим доступа: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=611794 (дата обращения: 08.02.2020)
5. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28.09.2017 по делу номер № 33-29700 // [Электронный ресурс]: Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. — режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/4ea4e22f-5917-458f-8209-afeb622c5ed7> (дата обращения: 08.02.2020)
6. Доржиева, С. В. К вопросу о защите прав ребенка от злоупотреблений со стороны родителей // Евразийская адвокатура. — 2017. — № 4. — с. 41–44
7. Рясенцев, В. А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // «Советская юстиция», 1962, N 9, стр. 8–9.
8. Смирнов, А. П. Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестник Томского государственного университета. — 2010. № 331. — с. 123–125
9. Черенева, В. В. Суд Петербурга обязал суррогатную мать отдать родившихся у нее детей // «Российская газета», 18.05.2017

Проблемы злоупотребления правом в гражданских правоотношениях

Кислый Артем Анатольевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья раскрывает содержание легального определения понятия «злоупотребление правом» в гражданском законодательстве посредством анализа его достоинств и недостатков, а также выявления проблем, связанных с несовершенством правовой конструкции нормы о злоупотреблении правом и трудностями ее реализации в правоприменительной сфере. Автор акцентирует внимание на излишней перегруженности нормы, регламентирующей злоупотребление правом, оценочными понятиями, не позволяющими четко установить факты злоупотребления правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, действия в обход закона, недобросовестное осуществление гражданских прав, пределы осуществления гражданских прав, противоправная цель.

Правовым отношениям, вне зависимости от их характера, свойственны два рода взаимообусловленных проблем: во-первых, это проблемы, связанные с несовершенством правовой нормы, регламентирующей

эти отношения; во-вторых, проблемы, обусловленные сложностью реализации этой несовершенной нормы. Отечественные нормы о злоупотреблении правом — не исключение.

Институт злоупотребления правом в гражданских правоотношениях нашел правовую регламентацию в статье 10 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), регулирующей пределы осуществления гражданских прав. При этом предложенное законодателем легальное определение категории «злоупотребление правом» в современной редакции статьи 10 ГК РФ крайне неудачно, что порождает собой проблемы несовершенства правовой конструкции нормы о злоупотреблении правом, которые, в свою очередь, позволяют оставлять безнаказанными факты злоупотребления правом. Указанные обстоятельства свидетельствуют о высокой степени актуальности рассматриваемого вопроса.

Статья нацелена на осуществление объективного анализа легального определения понятия злоупотребления правом с тем, чтобы определить его достоинства и недостатки и выявить проблемы злоупотребления правом.

Так, в п. 1 статьи 10 ГК РФ злоупотребление правом определено посредством перечисления недопустимых в силу прямого указания конкретных видов осуществления гражданских прав, при оставлении общего перечня таких видов открытым. Так, законодатель включил в понятие злоупотребления правом следующее:

- осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу;
- действия в обход закона с противоправной целью;
- иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [1].

Таким образом, отечественный законодатель под злоупотреблением правом понимает, прежде всего, заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, в том числе с противоправной целью или с намерением причинить вред другому лицу.

При этом, среди отечественных цивилистов не сформировано единой позиции по вопросу о том, является ли злоупотребление правом поведением лица, лежащим в рамках дозволенной модели осуществления гражданских прав или же оно выступает гражданским правонарушением. У обеих позиций есть свои приверженцы.

Так, А. С. Шабуров понимает под злоупотреблением правом самостоятельный вид правового поведения [7, с. 413], что говорит о его осуществлении в рамках дозволенной модели реализации гражданских прав.

В. А. Белов под злоупотреблением гражданским правом предлагает понимать правомерные действия, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана) либо с иными, не охраняемыми правопорядком намерениями [4, с. 516].

Вторую позицию на сущность злоупотребления правом разделяют О. С. Поротикова, С. Г. Зайцева, А. В. Волков, И. А. Покровский и многие иные отечественные цивилисты. Так, О. С. Поротикова считает злоупотребление правом особым гражданским правонарушением [6, с. 106], а С. Г. Зайцева — отдельным видом правонарушения, выявление которого осложнено пове-

дением нарушителя, укладывающимся в рамках «правового поля» [5, с. 16].

Включение норм о злоупотреблении правом в статью, получившую название «пределы осуществления гражданских прав» по логике законодателя свидетельствует о понимании злоупотребления правом в качестве нарушения тех самых пределов, что позволяет понимать рассматриваемую категорию через призму правонарушения. Указанный вывод подтверждается и последней трансформацией конструкции статьи 10 ГК РФ, которая расширила санкции за злоупотребление правом, придав им открытый характер, посредством указания на возможность применения «иных мер, предусмотренных законом» [1]. Такие меры могут выражаться в понуждении к совершению тех или иных действий, применении последствий недействительности сделки, лишении права и иных мерах.

В целом, институт злоупотребления правом в действующей редакции статьи 10 ГК РФ обладает рядом достоинств по сравнению с предшествующей ее редакцией.

Во-первых, законодатель удачно ушел от понимания злоупотребления правом через действия граждан и юридических лиц, заменив указанную формулировку на более подходящую в контексте наименования статьи, регулирующей злоупотребление правом — «осуществление гражданских прав» [1]. Удачность такого изменения заключается в том, что злоупотребление правом может проявляться как в активном поведении участника гражданских отношений посредством совершения им конкретных действий, так и в пассивном поведении, формой которого является бездействие.

Во-вторых, отказ от указания разновидностей лиц, которые могут злоупотреблять правом (граждане и юридические лица) также вполне обоснован, поскольку норма адресована всем участникам гражданских правоотношений. В-третьих, законодатель изменил и характер правовых последствий, возникающих в случае выявления злоупотребления правом, а также расширил их. Так, если ранее суд мог отказать в защите права, которым злоупотребило лицо, то теперь это не право, а обязанность суда. При этом с учётом характера и в зависимости от последствий злоупотребления, суд наделён возможностью отказать полностью или частично в защите права. Указанная новелла должна носить положительный характер.

Законодатель дополнил санкцию за злоупотребление правом в случае, когда оно повлекло нарушение права другого лица, возможностью последнего требовать возмещения причиненных ему убытков.

Однако, несмотря на указанные достоинства трансформированной нормы о злоупотреблении правом, она по-прежнему обладает рядом недостатков, порождающих множество проблем, связанных с ее реализацией в правоприменительной деятельности. Основной из таких проблем, на наш взгляд, является перегруженность указанной нормы оценочными понятиями, которые не дают четкого представления о том, когда именно имеет место

злоупотребление правом, или вовсе применение терминов и категорий, не нашедших легальной правовой регламентации.

Так, оценочный характер носят такие понятия, как «исключительность намерения» на причинение вреда другому лицу, «заведомость», «недобросовестность». Указанные оценочные понятия не обладают достаточно ясным содержанием и не приводят исчерпывающих признаков злоупотребления правом, а служат лишь формой типизации каких-либо признаков или обстоятельств. Наличие указанных обстоятельств, в свою очередь, обуславливает широкое судебское усмотрение, на откуп которого законодатель отдал установление фактов злоупотребления правом.

Однако, отсутствие достаточно четких и конкретных формулировок, указанных в статье 10 ГК РФ, привело и к отсутствию единообразной практики по вопросу выявления злоупотребления правом и применения неблагоприятных последствий к лицу, злоупотребившему своими правами.

Зачастую, оценочные понятия достаточно удачно конкретизируются в судебной практике, несмотря на то, что последняя не является источником отечественного права. Однако, в случае с категорией злоупотребления правом и составляющими ее оценочными понятиями, в судебной практике они не нашли должного раскрытия, что порождает массу проблем при реализации нормы о злоупотреблении правом на практике. Так, понятие добросовестности правоприменитель пытается раскрыть через другую категорию — недобросовестное поведение, которое представляет собой «очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения». Вот что по этому поводу говорит судебная практика: «Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения» [2].

Аналогичная позиция изложена несколькими годами позже в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 за 2018 год [3].

Анализ конкретизированного судами понятия недобросовестности показал, что судебная практика не привнесла ничего нового в понимание сущности злоупотребления правом, а, так же как и законодатель, перегрузил рассматриваемое понятие такими оценочными катего-

риями, как «очевидность отклонения», «добросовестное поведение», что не позволяет четко определить наличие факта злоупотребления правом.

Еще больше проблем порождает выявление действий, совершенных в обход закона с противоправной целью, как одной из разновидностей злоупотребления правом, поскольку указанное понятие не раскрыто ни законодателем, ни правоприменителем.

Пункт 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» определяет, что к сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений статьи 10 и пунктов 1 или 2 статьи 168 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию (например, по правилам статьи 170 ГК РФ) [2]. Некоторые судебные акты также указывают на возможность совершения действий в обход закона, но не раскрывают указанное понятие. Такое положение дел фактически позволяет судам устанавливать факты такого недобросовестного поведения по своему усмотрению, что препятствует формированию единообразной судебной практики.

Возможность применения правовых последствий при злоупотреблении правом также поставлена законодателем в зависимость от судебного усмотрения — учета судами характера и последствий допущенного злоупотребления, что не приносит определенности в вопросе реализации указанных последствий.

Таким образом, статья 10 ГК РФ, выступающая единственной общей нормой, регулирующей запрет злоупотребления правом, не содержит четких критериев применения данной категории на практике, что является основной проблемой института злоупотребления правом в гражданских отношениях сегодня. Единственным выходом из сложившейся ситуации должна стать кропотливая работа законодателя по конкретизации оценочных понятий, используемых в качестве критериев определения случаев злоупотребления правом, а также по легальной регламентации терминов, которые названы в качестве проявления злоупотребления правом, но не нашли раскрытия ни на законодательном, ни на правоприменительном уровне.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // «Российская газета». N 238–239. 08.12.1994.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета». N 140. 30.06.2015.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // «Бюллетень Верховного Суда РФ». N 1. Январь 2019.

4. Белов, В. А. Гражданское право. Т. I. Общая часть. Введение в гражданское право: учебник для бакалавриата и магистратуры / В. А. Белов. М.: Издательство Юрайт, 2014. 622 с.
5. Зайцева, С. Г. К вопросу о способах противодействия проявлению феномена «злоупотребления правом» в реальной жизни // Юрист. 2003. № 9. С. 15–18.
6. Поротикова, О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: монография / О. А. Поротикова. М.: Издательство Юрайт, 2018. 241 с.
7. Шабуров А. С. Поведение людей в правовой сфере. Правомерное поведение. Правонарушение // Теория государства и права: учебник / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Первалова. М., 2010.

Уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица: разработанность темы исследования

Ковалева Елизавета Юрьевна, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

В статье раскрывается актуальность темы незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица и степень ее разработанности в научной литературе.

Ключевые слова: юридическое лицо, незаконное образование, уголовное законодательство.

Переход от плановой к рыночной экономике, осуществленный в нашей стране в 1990-е годы, сложно оценить однозначно с точки зрения правильности и эффективности. Как и другие, рыночная экономическая модель имеет свои достоинства и недостатки, что подтверждается теорией и анализом практики ее применения. Основанная на принципах ограниченного вмешательства государства в хозяйственную деятельность, свободного предпринимательства, многообразия форм собственности рыночная экономика предоставила возможность открытия бизнеса всем гражданам, исходя из их личных интересов и навыков. При этом индивид вправе по своему усмотрению организовать процесс производства товаров и услуг, определив, что и как производить, кому и по какой цене реализовывать произведенную продукцию, каким образом и на что тратить полученную прибыль.

Говоря о связи государства и рыночной экономической модели, стоит отметить, что вмешательство государства в рыночную экономику обусловлено тенденциями частого изменения условий рынка. Государство избавляет рынок от некачественного товара, вводя санкции против деятельности фирм; посредством законодательства защищает права производителей и потребителей, обеспечивает право собственности, противодействует монополии. Уголовное законодательство выступает одним из главных средств борьбы с криминализацией экономики. В Уголовном кодексе РФ преступлениям в сфере экономической деятельности посвящена глава 22, регулирующая ее различные сферы. Таковой, например, выступает предпринимательская деятельность.

Сейчас в России, даже несмотря на недостаточную поддержку государством малого и среднего бизнеса, этот

род деятельности остается очень популярным. Однако не всегда предприниматели «ведут игру» по установленным правилам, соблюдая законодательство и действуя в правовых рамках. Это происходит не только в процессе предпринимательской деятельности, но и на этапе ее зарождения — при образовании юридического лица. В этом случае речь может идти о незаконном образовании юридического лица через подставных лиц — деянии, предусмотренном ст. 173.1 УК РФ. Новая статья была введена в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом № 419-ФЗ от 07.12.2011 г.

Несмотря на актуальность темы и растущий к ней служебный и профессиональный интерес со стороны Федеральной налоговой службы Российской Федерации, сотрудников правоохранительных органов, нотариусов, банков, бизнес-сообщества — тех, кто сталкивается с ней на практике, имеющийся на настоящее время теоретический материал, который мог бы выступить в качестве методической помощи, видится недостаточным. Отчасти это связано с тем, что ст. 173.1 УК РФ является относительно «молодой» — в уголовном законодательстве она существует менее 10 лет; естественно, что теоретический материал по статьям, содержащимся в Уголовном кодексе с момента его вступления в законную силу, шире по содержанию и превалирует в количественных показателях. Также на меньшую степень изученности темы незаконного образования юридического лица влияет и правоприменительная практика. Как правило, от уровня распространенности преступления зависит теоретическая разработанность темы и наличие информационного материала. Так, многократное и регулярное практическое применение статьи закона предполагает частое обращение к теории права. При этом популярными,

проблемными, и потому наиболее важными, для правоприменителя остаются вопросы, связанные с особенностями квалификации и разграничением смежных преступлений, криминологическими характеристиками деяния и лиц, совершивших его; механизмом совершения преступления, анализом обобщения правоприменительной практики и статистики. Это та информация, способная оказать положительное влияние на эффективность работы: увеличение процента раскрываемости и сокращение численности преступных деяний, предупреждение совершения новых преступлений.

Имеющийся теоретический материал, посвященный изучению темы незаконного образования юридического лица, условно можно разделить на научную и учебную литературу, научные статьи, диссертации.

Научные статьи — наиболее популярный способ изложения материала по данной теме. Одни статьи представляют собой общий тематический обзор или мини-исследование, направленное на всестороннее рассмотрение и анализ темы, включающее в себя историю возникновения и развития статьи в уголовном законодательстве, оценку уголовно-правовой характеристики преступления, анализ проблем квалификации и разграничения смежных преступлений. В качестве примера можно перечислить следующие статьи: Багаутдинов Ф. Н. «Создание фирм через подставных лиц» [1], Габов А. В. «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица в российском уголовном праве» [2], Ермаков С. В. «Уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица через подставных лиц и незаконное использование документов (статьи 173.1, 173.2 УК РФ)» [3], Урда М. Н. «Уголовно-правовая характеристика незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ)» [4], Устинова Т. Д. «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» [5], Яни П. С. «Образование юридического лица через подставных лиц» [6]. Другие статьи, как правило, привлекают внимание обзором нюансов, связанных с темой незаконного образования юридического лица, а также анализом наиболее дискуссионных вопросов. Например, в статьях Волколуговой В. А. [7], Прокументова Л. М. [8] поднимается вопрос об обусловленности криминализации деяния, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ, и целесообразности выделения его в отдельную норму. Чирков Д. К. рассматривает актуальность введения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве, в частности, за преступления, связанные с деятельностью «фирм-однодневок» [9]. Ильина М. Г. исследует вопрос психического отношения субъекта к незаконному образованию юридического лица [10]. Зачастую научные статьи всецело посвящены теме уголовно-правовой квалификации и связанным с ней спорным вопросам. Это достаточно объемный информационный блок в рамках темы незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, ему уделяется повышенное

внимание авторов по причине практической актуальности, растущей правоприменительной практики и появлению в связи с этим новых вопросов, требующих своевременного отклика и изыскания продуктивного решения. Можно выделить следующие статьи, направленные на преодоление различных трудностей при квалификации деяний по ст. 173.1 УК РФ: Гук Д. В. «Проблемные вопросы уголовно-правовой квалификации использования «фирм-однодневок» для хищений денежных средств, выделенных на закупки для государственных нужд» [11], Егорова Н. А. «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица: проблемы квалификации и правовой регламентации ответственности» [12], Малянова К. П. «Проведение судебных экспертиз в процессе расследования преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица» [13], Назырова Н. А. «Вопросы расследования преступлений, предусмотренных статьей 173.1 уголовного кодекса Российской Федерации» [14], Науменко О. А. «Особенности возбуждения уголовного дела по факту незаконного образования юридического лица» [15], Панкратьев А. Н. «Некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за создание подставных организаций в целях уклонения от уплаты налогов и сборов» [16].

Таким образом, можно сделать вывод, что научные статьи являются наиболее популярным способом изложения материала благодаря своей доступности, удобства использования — большинство статей находятся в свободном доступе для просмотра и бесплатного скачивания в сети Интернет, в электронной версии периодических изданий. Также от других видов научной и научно-популярной литературы статьи отличает высокий уровень информативности при лаконичности изложенного текста, актуальность содержания и свежий материал ввиду более частого издания (как правило, ежемесячно).

Существенный вклад в виде монографий и учебных пособий в исследование темы преступлений, связанных с незаконным образованием юридического лица через подставное лицо, внесли ученые, занимающиеся проблематикой экономических преступлений, среди них: Н. А. Лопашенко [17], И. Н. Соловьев [18], В. И. Тюнин [19; 20].

Вопросы уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере создания и реорганизации юридических лиц рассматривались в кандидатских диссертациях Е. В. Батуриной [21], М. Г. Ильиной [22], Е. В. Петухова [23], З. Д. Рожавского [24]. В рамках данных диссертаций рассматривались как общие вопросы, связанные с уголовно-правовой характеристикой и проблемами квалификации деяния, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ, так и отдельные вопросы, касающиеся механизма совершения подобных преступлений и политики противодействия, оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере создания и реорганизации юри-

дических лиц. В отличие от научных статей, которые представляют собой мини-исследование по теме, диссертация — полноценное исследование с применением критического мышления автора, позволяющего изучать имеющиеся теоретические наработки и производить их анализ с формулированием обоснованных выводов и вынесением обоснованной оценки, интерпретации. Несомненным плюсом диссертаций является их практическая польза, она заключается в возможности применения полученных результатов в деятельности правоохранительных органов и иных государственных структур в целях минимизации последствий и предупреждения преступлений, связанных с незаконным образованием юридического лица. В качестве примера практической пользы диссертации можно привести создание Е. В. Батуриной классификации форм фиктивного предпринимательства на основе проведенного анализа уголовных дел, возбужденных по ст. 173.1 УК РФ. Также результаты диссертаций могут быть использованы при разработке проектов нормативных правовых актов, в преподавательской деятельности и при подготовке учебно-методических пособий.

Среди авторов имеются те, чьи научные труды представлены разными видами научных публикаций либо несколькими научными публикациями одного вида. Как правило, сфера научных интересов этих авторов — экономические преступления и уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности. В качестве примера можно привести работы В. И. Тюнина, включающие в себя научные статьи, написанные в том числе в соавторстве, и учебные пособия [19; 20; 25]. Перечисленные публикации посвящены как исследованию уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности, так и конкретно теме незаконного образования юридического лица. В рамках темы, посвященной ст. 173.1 УК РФ, значимыми являются научные труды И. Н. Соловьева, также представленные научными статьями и учебными пособиями [18; 26; 27]. Наличие у автора публикаций в виде диссертаций и ряда научных статей может быть обу-

словлено не только профессиональными интересами, но и особенностями образовательной программы магистратуры и аспирантуры — обязательным написанием и опубликованием научных статей по теме диссертации. Это же требование установлено по отношению к соискателям ученой степени. Например, Е. В. Петухов на момент защиты кандидатской диссертации по теме «Уголовно-правовая охрана отношений в сфере создания и реорганизации юридических лиц» имел опубликованные научные статьи по теме диссертации, часть из которых была опубликована в научных изданиях, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций, раскрывающие проблемы уголовно-правовой охраны отношений в сфере создания и реорганизации юридических лиц [28; 29].

При изучении темы незаконного образования юридического лица стоит также обратить внимание на теоретический материал, посвященный проблеме существования фирм-однодневок [30; 31; 32; 33]. Проследить связь фирм-однодневок с темой незаконного образования юридического лица не составляет труда, т. к. практически все такие фирмы оформляются на подставное лицо (лиц), понятие которого фигурирует в тексте ст. 173.1 УК РФ и за образование (создание, реорганизацию) юридического лица через которого наступает уголовная ответственность.

В качестве заключительного слова уместным будет привести утверждение Ю. В. Голика о том, что преступность нельзя вырвать из нашей жизни во всем ее многообразии. Она имманентно присуща человеческому обществу и окончательно исчезнет, видимо, с исчезновением последнего человека. Побороть ее нельзя, но бороться нужно. При этом приемы и методы борьбы необходимо постоянно совершенствовать, подгоняя их под постоянно меняющиеся условия жизни [34, с. 13]. Таким образом, чем выше будет степень изученности и разработанности темы, тем существеннее будет вклад теории права в решение проблемы незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица.

Литература:

1. Багаутдинов, Ф., Мирзанурова Н. Создание фирм через подставных лиц // *Законность*. — 2015. — № 6 (968). — с. 24–26.
2. Габов, А. В. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица в российском уголовном праве // *Вестн. Том. гос. ун-та. Право*. — 2019. — № 32. — с. 24–41.
3. Ермаков, С. В. Уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица через подставных лиц и незаконное использование документов (статьи 173. 1, 173. 2 УК РФ) // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2012. — № 5. — с. 126–129.
4. Урда, М. Н. Уголовно-правовая характеристика незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) // *Известия Юго-Западного государственного университета*. — 2014. — № 4 (55). — с. 51–52.
5. Устинова, Т. Д. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. — 2018. — № 12 (52). — с. 130–136.
6. Яни, П. С. Образование юридического лица через подставных лиц // *Законность*. — 2014. — № 5. — с. 35–39.

7. Волколупова, В. А. Вопрос о целесообразности выделения специальной нормы, регламентирующей ответственность за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица // Законность и правопорядок в современном обществе. Научный журнал. — 2013. — № 12. — с. 89–94.
8. Прокументов, Л. М. Обусловленность криминализации и декриминализации деяний // Уголовная юстиция. — 2014. — № 2 (4). — с. 76–79.
9. Чирков, Д. К. Актуальность введения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве // Актуальные проблемы экономики и права. — 2011. — № 4. — с. 86–88.
10. Ильина, М. Г. Содержание психического отношения субъекта к незаконному образованию юридического лица // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2015. — № 4 (63). — с. 52–54.
11. Гук, Д. В. Проблемные вопросы уголовно-правовой квалификации использования «фирм-однодневок» для хищений денежных средств, выделенных на закупки для государственных нужд // Бизнес в законе. — 2013. — № 1. — с. 50–52.
12. Егорова, Н. А., Лихолетов А. А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица: проблемы квалификации и правовой регламентации ответственности // Актуальные проблемы экономики и права. — 2015. — № 2. — с. 233–239.
13. Малянова, К. П. Проведение судебных экспертиз в процессе расследования преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица // Юристъ — Правоведъ. — 2018. — № 2 (85). — с. 88–92.
14. Назырова, Н. А. Вопросы расследования преступлений, предусмотренных статьей 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 3 (49). — с. 97–105.
15. Науменко, О. А. Особенности возбуждения уголовного дела по факту незаконного образования юридического лица // Вестник КРУ МВД России. — 2018. — № 1 (39). — с. 36–40.
16. Панкратьев, А. Н. Некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за создание подставных организаций в целях уклонения от уплаты налогов и сборов // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 12. — с. 93–95.
17. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 336 с.
18. Соловьев, И. Н. Государственные финансы. Уголовно-правовая защита. Учебное пособие. — М.: Проспект, 2016. — 240 с.
19. Тюнин, В. И. Преступления в сфере экономической деятельности: учебно-практическое пособие. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 384 с.
20. Тюнин, В. И. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 289 с.
21. Батурина, Е. В. Фиктивное предпринимательство как угроза экономической безопасности России: дис.... канд. экон. наук. Санкт-Петербургский ун-т МВД России, СПб., 2013.
22. Ильина, М. Г. Уголовно-правовые аспекты незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица: дис.... канд. юрид. наук. Омская акад. М-ва внутренних дел Российской Федерации, Омск, 2016.
23. Петухов, Е. В. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере создания и реорганизации юридических лиц: дис.... канд. юрид. наук. Краснодарский ун-т МВД России, Краснодар, 2015.
24. Рожавский, З. Д. Преступления, совершаемые с использованием фирм-однодневок: механизм и предупреждение: дис.... канд. юрид. наук. Саратовская гос. юридическая акад., Саратов, 2018.
25. Тюнин, В. И., Бадзгардзе Т. А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) // Российская юстиция. — 2012. — № 2. — с. 24–26.
26. Соловьев, И. Н. Уголовно-правовая характеристика ст. 173.1 УК РФ с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ // Российский следователь. — 2016. — № 1. — с. 44–51.
27. Соловьев, И. Н. Фирмы-однодневки: противодействие и проблемы уголовно-правовой квалификации // Налоговая политика и практика. — 2016. — № 1(97). — с. 50–55.
28. Петухов, Е. В. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица: признаки объективной стороны состава преступления // Юристъ-Правоведъ. — 2014. — № 4. — с. 118–120.
29. Петухов, Е. В. Разграничение незаконного образования юридического лица (статья 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) с иными преступлениями, связанными с созданием организаций // Общество и право. — 2015. — № 1. — с. 148–152.
30. Жубрин, Р. В. Противодействие использованию фирм-однодневок для совершения преступлений // Российский следователь. — 2014. — № 17. — с. 41–45.
31. Луппо, С. В. «Фирмы-однодневки» в России: правовое решение проблемы // Мир юридической науки. — 2012. — № 1. — с. 62–70.

32. Палишкина, О. В., Гапоненко В. Ф. Деятельность фиктивных коммерческих организаций как угроза экономической безопасности государства // Бизнес в законе. — 2012. — № 4. — с. 155–158.
33. Садуллаева, А. А. Уголовно-правовое противодействие «фирмам-однодневкам» в экономическом обороте // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2013. — № 1. — с. 87–91.
34. Преступность, уголовная политика, закон. Под редакцией профессора А. И. Долговой. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016. — 553 с.

Терминологические проблемы определения жилищно-коммунального хозяйства

Ковальская Ольга Николаевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Ключевые слова: Российская Федерация, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера ЖКХ, ЖКХ, Калининградская область, дефиниция ЖКХ

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что в законодательстве до сих пор нет единообразного закрепления того, что следует понимать под жилищно-коммунальным хозяйством. Для того чтобы разрешить данную проблему, требуется исследовать актуальное отечественное законодательство и вычленить главные элементы содержания, указанного выше понятиям. Кроме того, нами будут исследованы недостатки действующего российского законодательства, выявлены проблемы, имеющихся к настоящему времени подходов по определению того, что следует понимать под жилищно-коммунальным хозяйством.

В настоящее время сфера жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ) является одной из самых обширных отраслей отечественной экономики. Она одновременно действует и касается большого количества ежедневных интересов граждан России, а также органов государственной и муниципальной власти. На качество жизни населения современного российского общества влияет совокупность показателей, которые характеризуют финансовый, социальный, культурный, физический и морально-нравственный уровень жизни населения государства. Общество имеет настоятельную потребность в хорошо налаженной и безопасной работе каждого элемента ЖКХ, при том, что работа каждого элемента не является идеальной. Государственная власть должна решить основную задачу, а именно — обеспечить наиболее эффективные условия для жизни населения государства. Мы полагаем, что общественные интересы в сфере ЖКХ до сих пор не полностью урегулированы. Такое положение обусловлено тем, что происходит большое количество изменений, а также усложняются общественные отношения, в связи с этим, юридическая регламентация не успевает за развитием общества.

Целью принятия, использования и совершенствования жилищно-коммунального законодательства, является обеспечение конституционного права граждан на жилище, подержание его безопасности, неприкосновенности, а также

недопустимости незаконного лишения жилища. Кроме того, гражданин имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться жилыми помещениями, имеющимися у него на праве собственности, если это не противоречит положениям Жилищного кодекса Российской Федерации [2], а также иных законодательных и подзаконных актов.

В жилищное законодательство входит большое количество нормативно-правовых актов, которые закрепляют, изменяют либо отменяют жилищно-правовые нормы. Общественные отношения в жилищной сфере постоянно изменяются, а также подвергается значительному регулированию со стороны государственных органов, однако, это не умаляет количество проблем в данной сфере. Позитивной чертой российского жилищного законодательства является то, что оно соответствует положениям международного права.

Положительным изменением в современном жилищно-коммунального законодательства, является принятие Федерального закона от 21.07.2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» [4]. Данный закон регламентирует отношения, которые появляются в ходе формирования, развития и использования государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства. Согласно положениям названного закона, под жилищно-коммунальным хозяйством принимается определённая область деятельности, а именно жилищный фонд, управление общим имуществом в многоквартирном доме, содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме, предоставление коммунальных услуг и поставка ресурсов. В свою очередь, в Федеральном законе от 21.07.2007 г. № 185-ФЗ «О фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» [5] были закреплены основы финансирования субъектов РФ, а также муниципальных образований в ходе осуществления ремонта в многоквартирных домах.

Необходимо отметить, что дефиниция ЖКХ часто применяется в различных подзаконных нормативных пра-

вовых актах Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Так, в Распоряжении Правительства РФ от 21.01.2016 г. № 80-р [6], утвердившем стратегию развития ЖКХ в РФ на период до 2020 года, имеется важная особенность, состоящая в том, что это единственный подзаконный акт, который содержит в себе определение ЖКХ на федеральном уровне. В соответствии с данным Распоряжением под ЖКХ понимается базовая отрасль отечественной экономики, которая обеспечивает население жизненно необходимыми услугами, а промышленность необходимой инженерной инфраструктурой, но при этом, вышеуказанное определение не полностью раскрывается сферы ЖКХ.

Надо сказать, что ЖК РФ не включает в себе легального определения ЖКХ. Лишь статье 4 кодекса закреплено, что предметом жилищного законодательства является система жилищных отношений. В этой же статье закрепляется список субъектов жилищно-коммунальных отношений. Особенностью жилищно-коммунальных отношений является то, что они тесно связаны с иными отраслями отечественного законодательства, в том числе, градостроительной, земельной и гражданской.

Кроме того, ЖК РФ дает множество ссылок на Бюджетный кодекс Российской Федерации, где закрепляется список отношений, входящих в ЖКХ, при этом ЖКХ является одной из статей расходов бюджета. В соответствии с БК РФ ЖКХ включает в себя следующие виды отношений: жилищное хозяйство, коммунальное хозяйство, благоустройство, прикладные научные исследования в сфере ЖКХ и иные вопросы в сфере ЖКХ. Эта формулировка даёт нам основание признать, что в настоящее время нет однозначного определения ЖКХ, а также списка отношений, которые в него должны быть включены. В связи с отсутствием чёткости в описании отношений, входящих в ЖКХ, в него могут быть включены различные виды отношений.

Помимо названных актов, ЖКХ регламентируется актами, которые издаются Министерством финансов Российской Федерации. Согласно данным актом жилищно-коммунальное хозяйство это один из видов экономической деятельности. Также имеется, следующее определение: ЖКХ — это вид экономической деятельности, направленной на обеспечение жизнедеятельности населения, создание комфортных условий проживания граждан в своих жилищах и на благоустроенных территориях; жилищно-коммунальные хозяйства включают в себя виды деятельности, услуги, работы, поимено-

ванные в квалификационных характеристиках видов деятельности в Приказе Минстроя России от 27.04.2016 года № 286/пр «Об утверждении собирательных классификационных группировок отрасли ЖКХ» [7] и иных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность в сфере ЖКХ.

Выработка и закрепления единого определения ЖКХ важно не только с точки зрения научной, но и прикладной. Отсутствие легального определения ЖКХ, ведет к тому, что в субъектах сущность ЖКХ формулируется различным образом. Также в законодательстве большинства субъектов Российской Федерации отсутствует закрепление дефиниция ЖКХ. В Постановление Правительства Калининградской области от 01.02.2017 г. № 26 «О Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Калининградской области, внесении изменений в постановление Правительства Калининградской области от 24 июня 2016 года № 325 и признании утратившими силу отдельных постановлений (пунктов постановлений) Правительства Калининградской области» также отсутствует определение ЖКХ. В отдельных статьях имеются упоминания о развитии жилищно-коммунального хозяйства, содействию организациям жилищно-коммунального хозяйства и так далее.

Всё это ведёт к усложнению регламентирования общественных отношений в указанной сфере, в том числе, и применении мер административного наказания.

При формулировании дефиниция ЖКХ требуется принимать во внимание, что это область включает в себя различные сферы и имеет значительную экономическую составляющую, которая регламентирует функционирование множества организаций, осуществляющих предоставление гражданам жилищно-коммунальных услуг. Поэтому полагаем, что в нормативно-правовые акты необходимо включить комплексное определение ЖКХ, которое будет включать в себя как правовые, так и социальные, и экономические отношения.

Считаем, что можно сформулировать дефиницию ЖКХ следующим образом — это комплексная отрасль экономики, имеющая своей целью обеспечения населения Российской Федерации условиями, которые позволят полноценно проживать в жилище, включающая в себя функционирование уполномоченных субъектов по предоставлению газ-, электро-, тепло- и водоснабжения жилищного фонда, а также осуществление его ремонта и благоустройства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 251-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г.: введ. Федер. законом Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 52-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32, ст. 3301.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 2004 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 дек. 2004 г. // Рос. газ. — 2005. — № 1. — 12 янв.

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 июля 1998 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 17 июля 1998 г. // Рос. Газ. — 1998. — № 153–154. — 12 авг.
4. О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства: федер. зак. от 21.07.2014 № 209-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 04 июля 2014 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 09 июля 2014 г.: в ред. федер. зак. от 27.12.2019 № 523-ФЗ // Рос. газ. — 2014. — № 163. 23 июля.
5. О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства: федер. зак. от 21.07.2007 № 185-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 06 июля 2007 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июля 2007 г.: в ред. федер. зак. от 27.12.2019 № 469-ФЗ // Рос. газ. — 2007. — № 162. — 27 июля.
6. Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распор. Правительства РФ от 26.01.2016 № 80-р: в ред. распоряж. Правительства РФ от 18.10.2018 № 2253-р // Собр. зак. РФ. — 01.02.2016. — № 5, ст. 758.
7. Отраслевое тарифное соглашение в жилищно-коммунальном хозяйстве Российской Федерации на 2017–2019 годы: утв. Общероссийским отраслевым объединением работодателей сферы жизнеобеспечения, Общероссийским профсоюзом работников жизнеобеспечения 08.12.2016 в ред. от 03.08.2018 // Солидарность. — 2017. — № 4. — 25 янв.

Once again about efficiency of the International Criminal Court

Valentin Koshkin, a postgraduate student
Sun Yat-sen University (Guangzhou, China)

*The practice of the International Criminal Court (ICC) today still receives wide attention at the international level, what is caused by disputes on the question of efficiency of international criminal law in general. In order to give the answer and appropriate recommendations on this question this article identifies the basic goals of international criminal law; contains consideration of the positions of disputing parties from two central aspects of a dispute: legal and political aspects. The review of the legal aspect is based on estimating arguments and counter-arguments about the legal obstacles to accession to the ICC. The consideration of political aspect mainly includes the evaluation of the practice of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) and the ICC, because of a dispute on the political **impartiality of these courts**. The author focused mainly on assessing the position of Russian jurists. The last part of the work presents the recommendations on the dispute and **briefly summarizes** the considered issues.*

Keywords: International Criminal Law, International Criminal Court, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Rome Statute, Russia

Introduction

Over the past half-century, the international community set up a variety of international and regional human rights protection systems, but millions of people still continue to be victims of genocide, war crimes and crimes against humanity. Only a few of those responsible for such crimes are brought to justice in their own countries, so most of the crimes are committed in the belief that justice will be avoided. The international community has long sought to create a permanent international criminal court, but due to various disagreements, this question has been postponed for a long time. In 1998 the Rome Statute established the International Criminal Court (ICC), the permanent judicial body, which has been part of the global justice system since 2002. It is also important to mention several ad hoc tribunals, such as The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), the International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), the Special Court for Sierra Leone (SCSL) and the Special Tribunal for Lebanon (STL). But in this article, the author wishes to

dwell in greater detail on the activities of the ICC and the ICTY. This year Serbia marked the 20th anniversary of the NATO bombing of the former Yugoslavia which lasted for 11 weeks without breaks. In this regard, despite the ICTY's closure in 2017, the author considers it important to look into the practice of this Tribunal.

Before consideration of the positions of disputing parties, it is necessary to identify the basic goals of international criminal law used to justify its creation and continued existence. The four most popularly accepted purposes of international criminal law are: deterrence, retribution, condemnation, and reconciliation (Choi 2014). In theory, the goals described above are logically justified and clear, and the necessity of their achievement is irrefutable. However, the question of identification of goals in theory and the question of their achievement in practice are two absolutely different questions. There are disputes in the international scientific community and on the intergovernmental level on the question of efficiency of international criminal law and achievement of its original goals. The

key point of this dispute lies in the activity and practice of the ICC and ad hoc tribunals, such as the ICTY.

I. Legal arguments against the International Criminal Court

One of the problems, which does not allow the ICC to fully carry out its activities is connected with the incorporation of the Rome Statute and the implementation of its provisions in the current Constitutions. About 70 member-states of The United Nations, including the United States, China and Russia still have not joined the International Criminal Court.

Russia is one of the countries that refused to become a member of the International Criminal Court. The main reason lies in the fact that some of the articles of the Rome Statute contradict the Constitution of the Russian Federation and the fundamental international legal instruments. According to paragraph 1 of article 61 of the Constitution, a citizen of the Russian Federation cannot be deported from the Russian Federation or extradited to another state [12]. Taking into account the constitutional and legal meaning of the concepts of expulsion and extradition, ratification of the ICC Statute by Russia requires the prior amendment to this article. Moreover, this prohibition is enshrined in Chapter 2 of the Russian Constitution, which means that such amendments are impossible without the adoption of a new Constitution.

Under the «Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, including Diplomatic Agents», a Head of the state is under international protection, whenever he or she is in the territory of a foreign state. At the same time, the Rome Statute in Article 27 establishes the irrelevance of reference to the official position of the accused, which involves the application of the Statute for the Heads of States and Government, members of the government and parliament.

At the same time, the Rome Statute of the ICC in this article conflicts with article 91 and Article 98 of the Russian Constitution, which guarantee the inviolability of the President, of the members Federation Council and the State Duma [13]. The exceptions to the «non bis in idem» principle (the prohibition to judge twice for the same crime), which are enshrined in paragraph 3 of article 20 of the Rome Statute contradict article 50 of the Constitution, which does not allow for any exceptions to this principle [14].

In conclusion, realists and supporters of non-alignment of Russia to the ICC point out that the analysis of the Statutes and practice of existing international courts shows that the unconditional recognition of their jurisdiction almost always means not only a legal conflict with the Basic Law of the country concerned but also the rejection of the use of the most important principles of the Basic Law. That is the voluntary withdrawal of the important elements of the national legal sovereignty in favour of the International Court. Such an approach of universalization of international criminal law seems to be unacceptable for many countries, including Russia. Because that leads to the undermining of the foundations of International law — the principle of the sovereignty of the states and the principle

of the creation of the United Nations as an association, but not a withdrawal of sovereignty (Zorkin 2016).

II. Legal arguments in support of the International Criminal Court

Turning to the counter-argument to the legal obstacles to accession to the International Criminal Court, first of all, it is necessary to point out that the compromise was reflected in the final version of the Rome Statute, which was aimed to eliminate possible conflicts of national law and the provisions of the Rome Statute. This solution consists in the fact that article 102 differentiates the concept of «extradition» and «surrender». «Extradition» means delivery of a person by one state to another under the provisions of the international treaty, convention or national legislation regulations. «Surrender» means the delivering of a person by a state to the Court in accordance with the Rome Statute of the ICC (Bohush, Trikoz 2010, 38). With this in mind, each state should independently evaluate the necessity for changes in their constitutional acts.

The second factor that complicates the situation — is an issue of immunity of senior government officials and parliamentarians. Waiver of immunity is required according to the Rome Statute in order to ensure the smooth transfer of these persons to the jurisdiction of the International Criminal Court. Some states use the formal interpretation in accordance with the goals of the ICC. That is, to interpret constitutional provisions as providing immunity by virtue of official status only in relation to national courts rather than international. In this case, it will not be necessary to begin a laborious process of amending the Constitution. Using such techniques, Spain, Italy, Norway and Switzerland evade making any changes to their basic laws during the process of ratification.

The Swiss Federal Council has established that Article 25 of the Constitution does not create any obstacle to the possible surrender of Swiss citizens of the ICC. Taking into account the arguments of the Federal Council, the Swiss Parliament has decided that the amendments to the Constitution are not required. In Spain, the State Council also has considered that the obvious contradiction between the Constitution and the Statute of the ICC can be resolved by way of interpretation, and has decided not to amend the Constitution. Germany has chosen a different way. Here, the Bill on Amendments to the Constitution was adopted before the ratification of the ICC Statute. In derogation from the principle of non-extradition of its own citizens, the possibility of extradition of Germans in the member states of the European Union or surrender to the ICC was provided.

Another variant of removing contradictions between the Constitution and the Statute of the ICC can be reached by adopting a single amendment. Such an approach has been adopted by France, where the Constitution was amended (article 53–2) according to which «the Republic recognizes the jurisdiction of the International criminal court in accordance with the signed agreement». Implicitly, this means recognition of the priority of the norms of the ICC Statute on constitutional provisions (Duffy 2000, 6).

It appears that Russia, as the country with an extremely complex process of amending the Constitution, can apply the experience of States that have successfully resolved described legal collisions. Summarizing the existing international experience, two basic ways to solve these problems can be offered. The first way lies in amendments to the Constitution. For example, such an approach was applied, in France, Brazil, Belgium, Germany.

Interestingly, in the majority of the countries, the changes are related only to procedural aspects. They did not affect the actual contradictions between the Constitution and the Rome Statute of the ICC but merely clarified several provisions. The majority of states that have ratified the ICC Statute (Eastern Europe, Latin America) chose the different way — the way of interpretation of the current Constitution in accordance with the provisions of the Rome Statute. Consistent with international law interpretation has long been known in legal theory and has been demanded by the practice of constitutional justice (Tuzmukhamedov 2002, 168). Such kind of interpretation of the national legislation wide provides opportunities particularly to the states, enshrining the priority of international law over domestic law at the constitutional level (in particular the Russian Federation).

Supporters of the ICC do not agree with the point of view that the International Criminal Court infringes on the sovereignty of states. One of the «Founding Fathers» of international criminal law Professor M. Cherif Bassiouni emphasized that « [the ICC] is not a supranational body, it is an international body that is identical to other existing ones. The ICC cannot larger than any state in the framework of existing international law (Cryer 2006, 984). Philippe, Mark and Philippe Sands (2003, 181) suggest that the ICC is nothing more than an extension of national jurisdiction. Therefore, the ICC does not affect national sovereignty». Russian professor I. Blishenko supposes, that the principle of sovereignty does not contradict the idea of the creation of the ICC, but also plays the role of the prerequisite for the implementation of claims of the international community to a state. Therefore, the proper organized ICC is intended to be a safeguard against undue interference and violations of the sovereignty of states (Blishenko, Fisenko 1994, 48).

Finally, supporters of the ICC believe, that the Court not only does not contradict the principle of state sovereignty but also becomes its important guarantee. Firstly, the creation of the ICC on the basis of an international agreement is the implementation by states of their sovereign rights. Secondly, the ICC defends the States against the most serious violations of their sovereignty (the crime of aggression). Thirdly, the International Criminal Court, acting as an additional level of justice, guarantees states the opportunity to exercise their sovereign right to prosecute international crimes in the case of impossibility of implementation of the national jurisdiction.

III. Political arguments against international criminal law

One of the other reasons why the Rome Statute has not been signed or ratified by many countries including the Rus-

sian Federation can be connected with a certain distrust of the current system of international criminal law. These countries believe that the ICC has not still reached goals used to justify its creation. Non-aligned countries are unable to accept the precedents of international criminal justice going beyond the limits of its sovereignty and its jurisdiction. Moreover, the argument of possible politicization of the Court can be put forward, because the International Criminal Court is entitled in its own discretion to decide what state and in what cases demonstrates an unwillingness or inability to investigate crimes and to prosecute suspects (Zorkin 2015). As a result, the Court in its discretion determines the legitimacy of international interference in domestic affairs.

Some decisions of international courts are taken on the background of powerful information war against political leaders of one of the parties to the conflict, with a distinct preliminary accusatory bias in respect of that party as well as with the use of falsified evidence, that is, in the spirit of the policy of «double standards». In this respect, the particular concern is caused by the practice of international courts of the implementation of the legal novels, which go beyond the international law and receive legitimation in the decisions of these courts as a precedent (Sidorov 2016, 114). That raises a reasonable suspicion that external forces, having an opportunity of hidden pressure on the courts, will be able to use such practice in order to remove unwanted state leaders from the political scene or make internal changes in «interfering» countries.

The above point of view is often supported by examples from the practice of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. The Tribunal is often criticized, especially by the Russian and Serbian authorities for being biased, what results in a much larger number of convicted Serbs and stricter sentences against them. 60 % of the defendants were Serbs and Montenegrins. Almost all military and civilian command of Serbia was imprisoned in Hague. Croats accounted for only 18 % of all the defendants, but all Croatian generals were acquitted. As a result, according to the judges' opinion, all the of crimes during the 4-year war were committed solely by Serbs. That fact makes the conflict «the struggle between good and evil». The justification of war crimes committed by Croats injured consciousness of the Serbian nation.

Sometimes, the Tribunal reached the point of absurdity. In 1995, Nebojsa Evrich, Serbian reporter jokingly told American reporters that Gruban Malic — one of the most brutal war criminals, suspected of mass rape of Muslim women. According to Avrich, all his «crimes» Malich committed in the Omarska camp. The story of Malich immediately caused a great public resonance: the judge of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Richard Goldstone, a professor of international criminal law at Harvard University and author of the UN Council report about the crimes of the Israeli army during Operation «Cast Lead», immediately included Malich in the number of wanted Serbian war criminals. Later it became clear that Gruban Malic is a fictional character in the story called «The Hero on a Donkey or The Time of Shame» and written by Miodrag Bulatovic. Deception

revealed immediately, but Malic was removed from the list of suspects only in 1998.

In 2005, the ICTY has charged the Prime Minister of Kosovo Ramush Haradinaj. He was accused of conducting operations directed on forcible evictions of Serbs and Romany people, as well as on reprisals against Romany people and ethnic Albanians suspected of collaboration with the Serb forces. The Tribunal pronounced the verdict of not guilty to Ramush Haradinaj on all 37 points of accusations.

Earlier in May 1999, the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia brought charges against the former president of Yugoslavia Slobodan Milosevic for war crimes in Kosovo in 1999. Milosevic and four senior Yugoslav leaders were accused of five counts, qualified as crimes against humanity: murder, persecution on political, racial and religious grounds, deportation and one item that was qualified as a violation of the laws or customs of war. During the protection part of the process against Milosevic were presented strong evidence that the reason of mass exodus of the population from Kosovo (one of the main charges against Milosevic) was not connected with the orders of the authorities of the Federal Republic Yugoslavia and the real reason was in the bombings of NATO. The provided materials not just completely confuted the indictment against Milosevic, but also showed the involvement of the Tribunal in concealing the real perpetrators of the Yugoslav tragedy.

In 2006, the ICTY refused Milosevic in providing urgent medical care. Due to the deterioration of the state of health of the former president, the trial was interrupted 22 times. Milosevic petitioned for treatment in Russia, having declared that the medical measures taken at the place of arrest have not yielded the result and had exclusively superficial character. The Tribunal refused him, explaining the refusal with the fact that the link to disease is only a pretext in order to escape from the Court. However, in the similar case of Ramush Haradinaj the suspect was released from custody in three months after arrest to the native village of Glodzhane (headquarters of the Liberation Army of Kosovo) for the period before the trial begins (Bohush, Trikoz 2010, 45). Besides, in March of 2016, it became known that the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, in fact, actually acquitted the former president of Yugoslavia Slobodan Milosevic, having found him not guilty of genocide in Srebrenica. At the same time, the Court did not make any official statements and the justification itself was included in the text of the verdict on another defendant — Radovan Karadzic. The Hague Tribunal found evidence against Milosevic insufficient.

The modern practice of the International Criminal Court also causes disappointment of the present Russian authorities. The reason lies in the groundlessness of a position of court on events in the Crimea and the east of Ukraine since the end of 2013. According to the ICC «Report on Preliminary Examination Activities» (2016), the ICC described Crimea as «an international armed conflict between Ukraine and the Russian Federation», the conflict in Donbass as «domestic, but

with signs of international involvement». However, the Revolution of «Euromaidan» and coming to power of nationalists caused less attention. «Events on the Maidan of Independence» as calls them the ICC, are not followed by the list of possible crimes. On the contrary, the situation in Crimea and in the east of Ukraine is followed by a detailed list of probable crimes. According to the ICC Report, «since the assumption of control by the Russian Federation over the territory of Crimea, some 19,000 residents of the region have reportedly become internally displaced within mainland Ukraine. A large proportion of this number of internally displaced persons is believed to be of Crimean Tatar ethnicity. Under the application of Russian law throughout the territory, members of the Crimean Tatar population and other Muslims residents in Crimea have also reportedly been subjected to harassment or intimidation, including a variety of measures such as entry bans to the territory, house searches, and restrictions on their freedom of expression, assembly and association». The above position is not only inconsistent with Russia's position but calls into question the Minsk agreement, which sets the goal to stop the bloodshed.

In conclusion, Russia cannot accept the situation when the ICC starts to investigate the Ukrainian crisis and Crimean return to Russia through the definitions of «internal armed conflicts», «war crimes», «crime of aggression». In the conditions of «new cold war» Russia opposes the ICC's jurisdiction over war crimes committed in internal armed conflicts. All the given above examples of international criminal law in action are characterized by Russian authorities as negative and directed against the Russian Federation and allies, but not to achieving common goals of international criminal law. Therefore, in November of 2016, Russian President Vladimir Putin has signed a decree to withdraw Russia from the International Criminal Court (Baidakova 2016).

IV, Political arguments in support of international criminal law

Supporters of accession of Russia to the Rome Statute, on the contrary, point out that the Russian government, resolving an issue of ratification of the Statute, should understand that refusal of ratification once again put the Russian Federation out of the European family of Nations as it already was when Russia was not the member of the Council of Europe. Moreover, most of the European states, especially members of the European Union, support ratification of the Statute. Russia should not oppose United Europe, but, on the contrary, to cooperate with it. Along with a large number of the states, the idea of the ICC is supported also by a number of the influential international organizations, for instance, Amnesty International. The Organization emphasizes (2014), that «the ICC incorporates the best-evolved, most comprehensive understanding of what constitutes a fair trial. It ensures that the accused receives a public and fair hearing conducted impartially. Only the ICC presents a workable framework for the functioning of an international justice system which will affirm the basic human rights of all people of all nations and will deliver the world from a so-called war on terror which ends up

producing terror of its own.» Nevertheless, in modern conditions, the position of Amnesty International seems to be too surrealistic.

In response to the realists' argument about the political inexpediency of joining the International Criminal Court, the ICC proponents point out, that Russia can get certain benefits from joining the ICC. Particularly, Russia, as well as other countries, may be interested in giving the ICC anti-terrorism mandate. Professor R. Sievert (2006, 109) suggests using the ICC as a universal court for terrorists. The need for such court is caused by the complexity of legal prosecution of members of the multinational terrorist organizations by separate jurisdictions. For example, after the act of terrorism during the Boston marathon, it has become clear that some terrorists can be potentially requested by judicial systems of both Russia and the United States. Therefore, the ICC may become the proper court for the sentencing of the terrorists. The court is beginning to move in the right direction — in August of 2016, the ICC sentenced the first Islamist rebel Al-Mahdi to nine years for destruction of Timbuktu antiquities (Sterling 2006). This case can be characterized as a positive example of international criminal law in action.

V. Recommendations

No doubt, that the world community of sovereign countries needs certain universal norms of international criminal law and judicial institutions, responsible for monitoring compliance with these norms. The transfer of the function of criminal prosecution to these institutions is quite justified in case the sovereign state cannot cope with this function for some reasons and asks the international community for help. Of course, it is unacceptable to let the persons guilty of terrorism and other crimes against humanity evade responsibility. The question is to ensure these universal norms comply with a Constitution and the system of legal statutes adopted by the international community. At the same time, judicial institutions must respect the accepted universal norms. However, in modern conditions that seem to be hard to achieve and that is not only the fault of international courts.

One of the most serious problems of the international law enforcement is the fact that 10 Fundamental Principles of international law formulated in the UN Charter are not interconnected in a strict legal system, which would allow applying these principles without legal collisions. As a result, one can assume that there is nothing more important than sovereignty and territorial integrity of the state, and others that the territorial integrity and sovereignty can be neglected. Against the background of such collisions, the attempts to force through

international criminal courts the «right of the strongest» became possible.

Russian professor and Chairman of the Russian Constitutional Court Valery Zorkin (2016) believes, that in order to solve this problem, it is necessary to refer to the legal understanding of the Fundamental Principles of the UN Charter in their interconnected system integrity. Furthermore, it is necessary to give the strict legal definition of the conditions and sufficient limits of the international bodies' intervention in the internal affairs of sovereign states. Must be identified conditions and situations when certain fundamental principles get priority. In addition, the circle of competencies of the states and supranational bodies in the sphere of international criminal law has to be codified.

Conclusion

The world situation with the accession to the ICC can be called a «litmus test» to identify the level of confidence in the international criminal law. As long as there is a dispute between opponents and supporters of joining the ICC, remain aligned and non-aligned with the ICC countries, it seems to be hard to answer unambiguously the question whether the International Criminal Court has achieved the goals of its creation and continued existence. On the one hand, the position of one party is based on the arguments about the violation by the Court of the principle of state sovereignty, the complexity of implementation in the national legislation of the provisions of the Rome Statute, politicization and the partiality of international courts (ICTY; ICC). After consideration of the first position, it can be said that non-aligned countries believe that the existing system of international criminal law has not achieved goals used to justify its creation and continued existence. On the other hand, the opponents, in turn, give examples of successful implementation and execution of the Rome Statute. It is emphasized that the ICC does not affect state sovereignty. Moreover, political advantages from accession, potential opportunities of the ICC for the prosecution of the international terrorists are given. Thus, arguments and counter-arguments of both sides have their reasons and deserve attention. The author submits it would be incorrect to conclude that the position of any of the parties is correct or wrong, or that the international criminal law to the full extent achieved or did not achieve its goals. Therefore, the author sticks to a more reserved and compromise position on this question. Instead of further disputes, it is more important to refer to the legal understanding of the conceptual issues of international law. Without that, we will not be able to build an effective and credible system of international criminal law institutions.

References:

1. Jonathan H. Choi. 2014. Early Release in International Criminal Law. The Yale Law Journal. no. 6. <http://www.yalelawjournal.org/note/early-release-in-international-criminal-law> (last visited: 22.12.2019).
2. V.Zorkin. 2015. Law- and only law. Rossiyskaya Gazeta [Russian Gazette]. <https://rg.ru/2015/03/23/zorkin-site.html> (last visited: 22.12.2019).
3. V.Zorkin. 2016. The right of force and the force of law. Rossiyskaya Gazeta [Russian Gazette]. <https://rg.ru/2015/05/28/zorkin-site.html> (last visited: 22.12.2019).

4. Baidakova. 2016. Moscow defended itself from Hague. *Novaya Gazeta* [New Gazette]. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/11/16/70557-pochemu-rossiya-otkazalas-ratifikirovat-rimskiy-statut-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda> (last visited: 22.12.2019).
5. Lattimer, Mark and Philippe Sands (eds). 2003. *Justice for Crimes Against Humanity*. Oxford: Hart. P. 181.
6. Duffy H. National Constitutional Compability and the International Criminal Court. 1/2000. *Duke Journal of Comparative and International Law*.
7. G.Bohush, E.Trikoz. 2010. *International Criminal Court: Discussions, Problems and Solutions*. 1st ed. Moscow: European Commission,
8. Robert Cryer. 2006. *International Criminal Law vs State Sovereignty: Another Round?* 5/2006. *The European Journal of International Law*.
9. B.Tuzmukhamedov *The Rome Statute of the International Criminal Court: Possible questions the constitutionality*. 2/2002. *Moscow magazine of international law*.
10. Blishenko. I.Fisenko. 1994. *International Criminal Law*. 2nd ed. Moscow: Kniga.
11. ICC. Report on Preliminary Examination Activities. 2016. https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE_ENG.pdf (last visited: 22.12.2019).
12. Amnesty International. *Prosecuting Crimes in the Name of International Justice*. 2014. <http://www.amnestyusa.org/our-work/issues/international-justice/international-criminal-court?id=1021003> (last visited: 22.12.2019).
13. Constitution of the Russian Federation (was adopted by national referendum in 12.12.1993). Art.61, Par.1. *Compendium of legislation of the Russian Federation*. 14.04.2014. — N 15. — P. 1691.
14. Constitution of the Russian Federation (was adopted by national referendum in 12.12.1993). Art.91. *Compendium of legislation of the Russian Federation*. 14.04.2014. — N 15. — P. 1691.
15. Constitution of the Russian Federation (was adopted by national referendum in 12.12.1993). Art.50. Par.2. *Compendium of legislation of the Russian Federation*. 14.04.2014. — N 15. — P. 1691.

Сроки применения взыскания в виде увольнения с государственной гражданской службы в связи с утратой доверия

Красавина Ольга Николаевна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Федеральными законами предусмотрено расторжение служебного контракта по инициативе представителя нанимателя в случае утраты доверия к государственному гражданскому служащему за совершение коррупционного правонарушения, указанного в законе. В статье рассматриваются изменения правовых норм, регулирующих сроки, в течение которых применяется взыскание в виде увольнения с государственной гражданской службы в связи с утратой доверия, установление срока применения взыскания со дня совершения правонарушения, судебная практика и позиция Конституционного суда РФ по применению сроков для данного вида взыскания.

Ключевые слова: государственная служба, противодействие коррупции, увольнение, утрата доверия, пресекательный срок.

Одной из острых и обсуждаемых проблем современного российского общества безусловно является улучшение качества государственного управления, успешное решение которой сложно представить без совершенствования механизма юридической ответственности государственных гражданских служащих.

После введения в законодательство о государственной гражданской службе норм, предусматривающих увольнение гражданского служащего в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения, возникло много вопросов по реализации этих правовых норм.

Анализ судебной практики указывает на увеличение за последние годы судебных споров по обращениям государственных и муниципальных служащих с требованиями о признании незаконными решений представителя нанимателя об увольнении в связи с утратой доверия и восстановлении на службе.

Одним из оснований для оспаривания решения работодателя в отдельных случаях является привлечение к ответственности за пределами срока, установленного законом для применения дисциплинарного взыскания в виде увольнения за совершение коррупционного правонарушения.

Как указано в законе, увольнение в связи с утратой доверия применяется не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении гражданским служащим коррупционного правонарушения, не считая периодов его временной нетрудоспособности, пребывания его в отпуске, других случаев его отсутствия на службе по уважительным причинам, и не позднее трех лет со дня совершения им коррупционного правонарушения. В указанные сроки не включается время производства по уголовному делу [1].

Необходимо отметить, что последней редакцией данной нормы [2] скорректирован срок применения данного взыскания и определены периоды, которые в него не входят, установлен срок применения взыскания со дня совершения правонарушения.

В предыдущей редакции закона, действующей до 3 августа 2018 года [3], предусматривалось, что взыскания, предусмотренные статьями 59.1 и 59.2 Федерального закона о государственной гражданской службе, применяются не позднее одного месяца со дня поступления информации о совершении гражданским служащим коррупционного правонарушения, не считая периода его временной нетрудоспособности, пребывания его в отпуске, других случаев его отсутствия на службе по уважительным причинам, а также времени проведения проверки и рассмотрения ее материалов комиссией по урегулированию конфликтов интересов и не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении коррупционного правонарушения.

Отсутствие в норме закона привязки срока для применения взыскания в виде увольнения за коррупционные правонарушения с днем совершения такого правонарушения, учитывая, что сроки применения дисциплинарного взыскания в ст. 58 Федерального закона о государственной гражданской службе установлены с учетом даты обнаружения и совершения дисциплинарного проступка, вызывало различное понимание правовых норм и приводило к разрешению споров в судебном порядке.

Анализ судебной практики указывает на логичность и последовательность выводов суда при рассмотрении споров о сроках применения взыскания в виде увольнения по утрате доверия.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда, рассматривая дело по иску С. к Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Свердловской области о признании незаконными приказа и решения комиссии, восстановлении на работе, взыскании денежного содержания за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда, по апелляционной жалобе истца поддержала решение суда первой инстанции и отклонила доводы апеллянта в части нарушения порядка увольнения, которое выразилось в том, что увольнение произведено за пределами срока, установленного ч. 5 ст. 58 Федерального закона о государственной службе [1], посчитав, что соблюдение запретов, связанных с прохо-

ждением гражданской службой, относится к общим обязанностям гражданского служащего, а не к должностным, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых служащий может быть привлечен к дисциплинарной ответственности, соответственно, нарушение запрета, связанного с гражданской службой, не является дисциплинарным проступком и к нему не применяются общие сроки привлечения к дисциплинарной ответственности.

Нарушение запретов, связанных с гражданской службой, и указанных непосредственно в законе, является самостоятельным основанием для прекращения служебного контракта, освобождения служащего от занимаемой должности и увольнения с гражданской службы. Закономерно суд пришел к выводу, что «положения ст. 58 Федерального закона о государственной гражданской службе, регламентирующие порядок применения и снятия дисциплинарного взыскания за совершение дисциплинарного проступка, в частности, часть 5 данной статьи, согласно которой дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев со дня совершения дисциплинарного проступка, применению в рассматриваемом споре не подлежат» [4].

Схожую позицию заняла Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Калмыкия, рассматривая гражданское дело по иску К. к Управлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Республике Калмыкия с аналогичными требованиями о восстановлении на работе, согласившись с доводами апелляционной жалобы истца о нарушении установленного законом предельного шестимесячного срока для применения дисциплинарного взыскания в виде увольнения за совершение коррупционного правонарушения, и, как следствие, нарушения самой процедуры увольнения.

Согласно материалам дела информация о совершении гражданским служащим К. коррупционного правонарушения в части непредоставления части сведений за 2015 год, касающихся доходов по решению суда, а также расходов по приобретению жилого дома с земельным участком, поступила к представителю нанимателя в виде представления прокурора Республики Калмыкия 09 января 2017 года. «Исходя из указанной даты, учитывая шестимесячный пресекательный срок, установленный законом, последним днем привлечения К. к ответственности являлось 09 июля 2017 года. Приказ руководителя Управления Росприроднадзора по Республике Калмыкия об увольнении К. издан лишь 04 августа 2017 года» [5].

Суд пришел к выводу, что у работодателя отсутствовали основания для освобождения К. от занимаемой должности и увольнения с гражданской службы по обстоятельствам, указанным в письмах прокуратуры, по причине истечения сроков привлечения к дисциплинарной ответственности, соответственно постановленное по делу решение подлежит отмене.

Вопрос срока для применения дисциплинарного взыскания за совершение коррупционного правонарушения

неоднократно рассматривался в Конституционном Суде РФ.

Рассматривая заявления о нарушении конституционных прав частью 3 статьи 59.3 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в части неустановления срока для применения дисциплинарного взыскания за совершение коррупционного правонарушения, исчисляемого со дня совершения такого правонарушения, Конституционный Суд РФ не усматривал нарушение конституционных прав заявителей и в своих определениях неоднократно указывал, что «закрепление частью 3 статьи 59.3 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» шестимесячного срока со дня поступления информации о совершении коррупционного правонарушения срока, который является по своему характеру пресекательным, призвано ограничить период неопределенности правового положения государственного гражданского служащего, находящегося под угрозой увольнения со службы в связи с утратой доверия, и тем самым направлено на защиту прав и законных интересов лиц, проходящих государственную гражданскую службу. Установление срока применения взыскания в виде увольнения за коррупционное

правонарушение имеет целью создание дополнительных гарантий от произвольных (незаконных) увольнений с государственной гражданской службы, не предполагает его произвольного применения и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права государственных гражданских служащих.

Разрешение же вопроса об установлении срока применения взыскания, исчисляемого со дня совершения коррупционного правонарушения, требует внесения изменений в действующее законодательство и не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации» [6].

Таким образом, установленный законодателем для применения взыскания в виде увольнения за коррупционное правонарушение трехлетний срок со дня совершения коррупционного правонарушения [2] подтверждает выводы Конституционного суда РФ, и на наш взгляд, является более логичным, исходя из аналогии установления сроков привлечения к дисциплинарной ответственности [7] и с учетом публичных интересов, социальной значимости и опасности коррупционных правонарушений, ответственность за которые установлена в виде увольнения в связи с утратой доверия.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 27 декабря 2019 г.) (ред. от 16 декабря 2019 г.) // «Российская газета» от 31 июля 2004 г. № 162; «Российская газета» от 19 декабря 2019 г. № 286.
2. Федеральный закон от 16.12.2019 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 27 декабря 2019 г.) (ред. от 16 декабря 2019 г.) // «Российская газета» от 19 декабря 2019 г. № 286.
3. Федеральный закон от 3.08.2018 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 3 августа 2018 г.) (ред. от 3 августа 2018 г.) // «Российская газета» от 6 августа 2018 г. № 170.
4. Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 13 октября 2017 г. по делу № 33–15903/2017// Текст официально опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».
5. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 16 января 2018 г. по делу № 33–3/2018// Текст официально опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 1858-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бронниковой Оксаны Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части 1 статьи 59.2 и частью 3 статьи 59.3 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Текст официально опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».
7. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 27 декабря 2019 г.) (ред. от 16 декабря 2019 г.) // «Российская газета» от 31 июля 2004 г. № 162; «Российская газета» от 19 декабря 2019 г. № 286.

Типовой Кодекс этики и служебного поведения как предмет правового регулирования морально-этического облика депутата

Лузина Ульяна Сергеевна, магистрант юридического факультета;

Научный руководитель: Недзелюк Татьяна Геннадиевна, кандидат исторических наук, профессор
Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

Основная цель состоит в изучении правовой природы и механизма реализации правил депутатской этики, а также ответственности за нарушение депутатами моральных норм. Проведен сравнительный анализ трех Кодексов: Кемеровской области, Новосибирской области и Свердловской области. Выявлены сходства и расхождения. Пришли к выводу, что необходимо разработать Кодекс депутатской этики.

Ключевые слова: депутатская этика, нравственное поведение депутата, кодекс депутатской этики, моральные нормы, ответственность депутата.

В последние годы наиболее четко проявляется интерес к формированию и развитию у парламентариев и в обществе в целом морально-этического мышления. Выступая представителем избирателей, депутат наделяется соответствующими правами и обязанностями, реализация которых позволяет быть активным участником государственно-властных отношений, действовать в интересах избирателей. Беспрепятственное и эффективное осуществление депутатом своих прав и обязанностей обеспечивается соответствующими гарантиями, которые выступают важнейшим условием реализации полномочий депутата [5].

Следуя логике, депутат является государственным гражданским служащим, 23 декабря 2010 г. президиум Совета при Президенте Российской Федерации одобрил «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих». Далее в 2011 г. регионы утвердили Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих субъектов РФ. Мы провели анализ трех Кодексов этики, сравнили, как реализуется механизм регулирования морально-этических норм в разных регионах страны.

В основе всех кодексов этики находится Типовой Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих. Нами проведен анализ кодексов Новосибирской области, Кемеровской области и Свердловской области.

По структуре Кодексы схожи, но все же существуют различия, так например, в Новосибирском и Кемеровском Кодексах по 4 раздела и 28 и 27 пунктов, а в Свердловском — 4 главы и 32 пункта. Кемеровский и Новосибирский более схожи между собой, в Свердловском более детально проработаны нюансы.

Название разделов сибирских кодексов: Общие положения, затем основные принципы и правила служебного поведения государственных гражданских служащих, затем этические правила служебного поведения государственных гражданских служащих и заключительный раздел, это ответственность за нарушение положений Кодекса.

Вообще, Свердловский Кодекс довольно интересный. К примеру, главы ответственности за нарушения нет, но про ответственность говорится в Главе 1. Общие положения. «п. 6. Нарушение гражданским служащим норм настоящего Кодекса подлежит моральному осуждению, а в случаях нарушения им законодательства Российской Федерации и Свердловской области гражданский служащий несет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации». Так же в 1 главе добавлены строки и пункты, которых нет в двух других [2]:

— Настоящий Кодекс призван повысить эффективность выполнения гражданскими служащими своих должностных обязанностей, служит основой для формирования должной морали в сфере государственной гражданской службы Свердловской области, уважительного отношения к государственной гражданской службе Свердловской области в общественном сознании, а также выступает как институт общественного сознания и нравственности гражданских служащих, их самоконтроля.

— При заключении служебного контракта представитель нанимателя обязан ознакомить гражданского служащего с настоящим Кодексом.

— Знание и соблюдение гражданскими служащими норм настоящего Кодекса является одним из критериев оценки качества их профессиональной деятельности и служебного поведения.

Добавлен целый подпункт во Глава 2. Основные правила служебного поведения гражданских служащих [2]:

8–1. При взаимодействии друг с другом гражданским служащим необходимо:

- 1) оказывать поддержку и содействие в рамках соблюдения установленных законодательством Российской Федерации запретов и ограничений;
- 2) проявлять уважение и вежливость;
- 3) соблюдать субординацию;
- 4) самостоятельно исполнять должностные обязанности, определенные должностным регламентом, исключая их перепоручение;
- 5) проявлять сдержанность и стрессоустойчивость;

6) не допускать обсуждения в коллективе личных и профессиональных качеств гражданских служащих;

7) оказывать содействие в формировании взаимопонимания, взаимопомощи и доброжелательности в коллективе.

Добавлена Глава 4. Рекомендации к внешнему виду гражданских служащих (введена Указом Губернатора Свердловской области от 07.12.2018 № 661-УГ)

29. Внешний вид гражданских служащих при исполнении ими должностных обязанностей должен способствовать уважительному отношению граждан к государственным органам, соответствовать общепринятому деловому стилю, который отличают официальность, сдержанность, традиционность, аккуратность.

30. Цветовые решения в одежде должны соответствовать классическому деловому стилю.

31. Деловой стиль для мужчин предполагает в том числе костюм классического покроя умеренных, неярких

тонов, допускаются пиджак и брюки, сорочка с длинным рукавом. В летнее время допускается сорочка с коротким рукавом.

32. Деловой стиль для женщин предполагает в том числе строгий костюм, допускаются жакет, юбка, брюки, платье классического покроя. При отсутствии жакета рекомендуется прикрывающий плечи рукав блузки или платья. Основные рекомендации к украшениям, макияжу и аксессуарам: умеренность и элегантность.

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы: на сегодняшний день сложилась ситуация недостаточной правовой регламентации отношений, связанных с морально-этическим обликом депутата. Необходимо разработка и принятие Кодекса депутатской этики, в котором должны быть отражены вопросы морально-этического облика и поведения депутатов, а также ответственность парламентариев за нарушение моральных норм.

Литература:

1. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) // «Официальные документы в образовании», № 36, декабрь, 2011
2. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Свердловской области: Указ Губернатора Свердловской области от 10.03.2011 № 166-УГ // «Собрание законодательства Свердловской области», 29.04.2011, № 3 (2011), ст. 220
3. Об утверждении кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Кемеровской области: Постановление Губернатора Кемеровской области от 24.03.2011 № 19-пг // «Электронный бюллетень Коллегии Администрации Кемеровской области» 29.03.2011
4. О Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Новосибирской области: Постановление Губернатора Новосибирской области от 13.05.2011 № 119 // «Советская Сибирь», № 96, 31.05.2011.
5. Апресян, Р. Г. Парламентская этика в России: современная диспозиция. — <http://adenayer.ru> — Информационный сайт российского Представительства Фонда им. Кондрада Аденауэра.
6. Любимов, А. П. Этика парламентария и нравственность законов (политическая этика) // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика: сб. науч. ст. М.: Эскимо 2017. с. 67–83.

Проблемы оспаривания сделок с неравноценным встречным исполнением обязательств

Меринова Юлия Дмитриевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Согласно п.1 статьи 61.2 возможность подачи заявления о признании сделки с неравноценным встречным исполнением обязательств ограничена одним годом до вынесения определения о принятии заявления о признании гражданина банкротом. Установление срока подозрительности до принятия заявления о признании должника банкротом объясняется тем, что признаки не-

платежеспособности возникают не одновременно, а течение определенного периода времени. В судебной практике возникают вопросы по поводу момента исчисления срока подозрительности у сделок, подлежащих государственной регистрации. Поскольку между моментом заключения договора и его регистрацией в соответствующих органах может иметь место значительный про-

межуток во времени, представляется, что разумнее исчислять срок не с момента регистрации оспариваемого договора, а с даты его заключения.

Неравноценное встречное предоставление означает, что переданное должником имущество имеет цену значительно ниже, чем цена выполненных им работ, услуг или переданного им имущества [1]. Например, суды признают таковым заключение сделки, если должник передает имущество, хотя заранее знает о том, что у контрагента нет и не будет возможности оплатить, выполнить работу, оказать услугу. В Законе не указано, что означает «значительно ниже». На практике суды для определения значительности сравнивают кадастровую и рыночную стоимость: поскольку кадастровая стоимость определяется «массово», то рыночная стоимость отличается от нее тем, что учитывает индивидуальные особенности объекта. Таким образом, суды должны определить, какие уникальные характеристики недвижимости изменили стоимость объекта. Не будет признаваться неравноценным встречным предоставлением действий, совершенные во исполнение публично-властных предписаний, поскольку административные отношения, в отличие от гражданско-правовых, не являются эквивалентно-возмездными. Так, нельзя оспорить действия по уплате обязательных платежей и санкций, поскольку их уплата не подразумевает наличие встречных обязательств со стороны налогового органа.

Несмотря на отсутствие положения Закона о банкротстве об оценке имущества, суды признают оценку рыночной стоимости имущества обязательной [2, с. 145]. Наличие экспертного заключения оценщика рассматривается как доказательство существенного превышения рыночной стоимости имущества стоимости переданного имущества [3].

Так, исходя из материалов Постановления Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.08.2018 N Ф01-2618/2018 по делу N А79-1127/2016 суд посчитал, что отчет арбитражного управляющего об оценке транспортных средств не является достаточным доказательством, суд указал на то, что в отчете не учитывался износ машин, их техническое состояние; с целью оценки не производился осмотр транспортных средств; арбитражный управляющий в свою очередь не воспользовался правом на ходатайство о проведении оценки. В итоге суд не признал сделки недействительными в виду того, что не доказана неравноценность встречного предоставления [4].

Законодатель умышленно исключил из предмета доказывания недобросовестность контрагента по данному основанию, поскольку при неравноценном встречном

предоставлении причиняется вред другим кредиторам, а соответственно презюмируется недобросовестность участников сделки. Данный подход законодателя был предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ. Заявители жалобы ссылались на то, что положение не учитывает степень добросовестности покупателя. Суд не нашел оснований для отмены, поскольку норма направлена на защиту интересов других кредиторов и соответствует Конституции РФ [5].

При обосновании заявления важно указать конкретного кредитора, в противном случае суд не удовлетворит заявление.

Арбитражные управляющие часто оспаривают договоры купли-продажи в качестве безвозмездных. Но как это возможно доказать, если в договоре указана цена? Обычно конкурсные или временные управляющие анализируют выписки с банковских счетов и обнаружив отсутствие перечислений денежных средств оспаривают такой договор. Кроме того учитывается отсутствие в переписки обсуждений относительно цены договора. Однако следует отметить, что не всегда подобный подход сбора доказательств является верным и в полной мере подтверждает, отсутствию заключенного договора в действительности.

Договоры перенайма обычно квалифицирует в качестве цессий и применяют к ним положения Главы 24 ГК РФ. Отмечают, что гражданским законодательством не предусмотрена безвозмездная цессия в арендных отношениях. Но иногда встречаются и противоположные мнения. Также договор цессии будет считаться безвозмездным, если отсутствует экономический интерес у должника при уступке прав требования или если, несмотря на содержащееся в договоре условие о цене, фактических действий по истребованию или по перечислению денежных средств осуществлено не было.

Судебная практика признает возможным обжалования по данному основанию и мирового соглашения, заключенного в другом исковом процессе.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что оспаривания сделок с неравноценным встречным исполнением обязательств на практике порой весьма затруднительно, это связано в первую очередь с отсутствием в полной мере раскрытия понятия «неравноценность», отсутствием точных критериев, по которым такую «неравноценность» можно проследить, а так же с вопросами достаточности доказательственной базы при оспаривании такой сделки. Несмотря на нерешенность многих проблем, наработка правоприменительной практики помогает в разъяснении некоторых аспектов проблемных ситуаций.

Литература:

1. «О несостоятельности (банкротстве)»: федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. — Ст. 4190
2. Абдулаев, А. Х. Проблемы применения норм о подозрительных сделках по признаку неравноценного встречного исполнения обязательств / А. Х. Абдулаев // Правовая культура. Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. — № 3 (22). — С 143–146.

3. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2018 г. по делу № А57–29874/2015 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «Консультант — Плюс».
4. Дело № А79–1127/2016: постановления Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.08.2018 N Ф01–2618/2018 // <http://kad.arbitr.ru>. 2018.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № сс граждан Колпаковой Светланы Александровны и Сычугова Валерия Васильевича на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»//СПС «Консультант — Плюс».

Особенности оспаривания подозрительных сделок по признаку цели причинения вреда кредиторам

Мерина Юлиа Дмитриевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Согласно п.2 статьи 61.2 сделка, совершенная должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, может быть подана в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом и после такого принятия [1] — срок подозрительности. Если сделка совершена в данный промежуток времени, то она может быть оспорена. Данный вид сделки имеет наиболее длинный срок подозрительности в виду опасности такой сделки для других добросовестных кредиторов.

Цель причинения вреда имущественным правам кредиторам будет иметь место при наличии обстоятельств, указанных в законе: безвозмездность сделки, заинтересованность контрагента и так далее. При доказывании рассматриваемого элемента Закон о несостоятельности (банкротстве) исходит из определенных опровержимых презумпций, что означает право контрагента доказывать отсутствие цели причинения вреда. Помимо традиционных безвозмездных сделок, как например дарение, таковыми судами признаются сделки, в которых просто отсутствует условие о цене. Так суд признал безвозмездным договор, в котором было положение о том, что порядок и сумма оплаты будут определены дополнительным соглашением. Оказалось, что такое соглашение так и не было заключено.

Причинение вреда имущественным правам кредиторов. При системном токовании Закона о несостоятельности (банкротстве) можно понять, что законодатель подразумевал возможность оспаривания, кроме того, сделок, которые еще не причинили вред кредиторам, но из условий которых ясно, что они могут причинить вред в будущем (например, если должник не передал вещь по договору купли-продажи, но очевидно, что цена сделки явно ниже среднерыночной). Причинение вреда кредиторам будет доказано, если, например, совершение сделки повлекло увеличение требований в реестре.

Недобросовестность контрагента означает, что другая сторона сделки знала о цели должника причинить вред

имущественным правам кредиторов к моменту совершения сделки. Законодательство РФ не содержит ни понятия добросовестности, ни критериев отнесения поведения к добросовестному/ недобросовестному.

Закон о несостоятельности (банкротстве) содержит случаи презюмирования недобросовестности контрагента:

1) заинтересованность второй стороны сделки.

Остановимся немного подробнее на понятии заинтересованного лица при проведении процедуры банкротства.

При применении данного понятия относительно случаев оспаривания сделок в рамках процедур банкротства, заинтересованными могут быть организаторы торгов, арбитражные управляющие и т. д.

Вне зависимости от того, должник юридическое лицо или гражданин, заинтересованным признается:

— лицо, которое может влиять на принятие решение другим лицом;

— лицо, являющееся аффилированным лицом должника (физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность [2]).

Заинтересованными по отношению к должнику — юридическому лицу признаются, в частности, руководитель должника, лица, входящие в совет директоров (наблюдательный совет), коллегиальный исполнительный орган или иной орган управления должника, главный бухгалтер (бухгалтер) должника.

Что касается должников-граждан, то заинтересованность по отношению к ним определяется семейным законодательством [3].

2) другая сторона знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника или о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника.

Постановлением Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [4] (далее — Постановление Пленума N 63) даны разъяснения относительно указанной выше презумпции недобросовестности контрагента. Так, презюмируется, что контрагент действовал недобросовестно, если в открытых источниках (например, в ЕФРСБ или газете «Коммерсант») опубликованы сообщения о намерении подать заявление о признании себя банкротом или о вынесении Определения Арбитражным судом о возбуждении производства по банкротному делу в отношении конкретного должника.

Судебная практика не признает наличие финансовых документов у кредитной организации достаточным доказательством недобросовестности.

Пункт 3 статьи 61.4. указывает на возможность оспаривания сделки с равноценным встречным представлением по основанию подозрительности с целью причинения вреда кредиторам. Но, как указывается, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ необходимо, чтобы встречное предоставление было совершено одновременно и сразу же после заключения договора.

Арбитражный суд Волго-Вятского округа от 20.11.2018 N Ф01-5203/2018 по делу N А17-10114/2016 в своем Постановлении справедливо отклонил довод судов первой и апелляционной инстанции о применении данной нормы, поскольку в договоре энергоснабжения, в отличие, например, от договора рознично купли-продажи, не может быть предусмотрено встречное предоставление непосредственно после заключения договора.

Таким образом, предмет доказывания при оспаривании сделок по п.2. ст. 61.2 Закона о банкротстве будет

отличаться тем, что необходимо обосновать наличие недобросовестности контрагента по сделке.

Нередки случаи оспаривания брачных договоров и соглашений о разделе имущества супругов. На практике может возникнуть вопрос, по какому основанию оспаривать такую сделку: по специальному банкротному или по основанию, предусмотренному ГК РФ, а именно как недействительность мнимой сделки. Каков критерий отграничения мнимой сделки от сделки, совершенной целью причинения вреда кредиторам? В мнимой сделки намерение недобросовестных участников сделки сводится к тому, чтобы, несмотря на заключенное соглашение, не создать правовых последствий. Например, при формальной перерегистрации права собственности сохранение общности имущества супругов. В подозрительной же сделке намерение участников направлено именно на причинение вреда кредиторам. Представляется, что соглашения о разделе имущества или брачный договор целесообразно оспаривать по основанию мнимости только в том случае, если последствия применяются не в процедурах банкротства.

Таким образом, из проведенного анализа мы выяснили, что основными признаками сделок с целью причинения вреда кредиторам безвозмездность сделки, заинтересованность контрагента (недобросовестность). Понятие «недобросовестности» законодательство не раскрывает, что, безусловно, является недоработкой. В связи с этим суды определяют недобросовестность контрагента по представленным доказательствам и своему личному убеждению. В связи с этим отсутствует единообразие судебной практики, и существует необходимость в законодательном урегулировании указанных аспектов.

Литература:

1. «О несостоятельности (банкротстве)»: федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. — Ст. 4190
2. О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»: закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС от 23.12.2010 N 63 // СПС Гарант. — 2010.

Психолог как субъект уголовного процесса

Наумова Антонина Александровна, студент;
Галанина Александра Сергеевна, студент;
Батанов Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный университет

В статье рассматривается участие психолога в уголовном процессе при работе с несовершеннолетним. Производится идентификация понятия «психолог». Рассматриваются виды профессиональной деятельности психолога. А также делается вывод о необходимости наличия опыта работы у психолога для его участия в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: психолог, уголовное судопроизводство, несовершеннолетний.

Согласно социологическим исследованиям, проблема преступности среди несовершеннолетних лиц не имеет тенденции к снижению за последние годы, а наоборот, приобретает более выраженный характер. Подобное явление, т. е. рост совершения преступлений лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, обуславливается различными факторами. Поэтому в современных реалиях так важно участие профессиональных психологических знаний в уголовном судопроизводстве.

Целесообразно отметить, что психолог для участия в уголовном судопроизводстве должен иметь опыт работы, поскольку несовершеннолетние могут находиться в нестабильном психологическом состоянии, и оказать наиболее качественную помощь в работе с детьми может только опытный психолог.

Важно отметить, что профессия психолог носит разносторонний и многообразный характер. Стоит отметить и наиболее часто встречающиеся специализации практикующих психологов:

— Коррекционный психолог, основным направлением деятельности которого является психологическая помощь и поддержка человека, особенно несовершеннолетних, страдающих задержкой или другими ярко выраженными особенностями психологического и социального развития, которые затрудняют интеграцию человека в общество.

— Социальный психолог, основным направлением которого является оказание психологической помощи людям, страдающим, алкогольной, наркотической или иной зависимостью, а также оказывает психологическую помощь людям, получившим разного рода психологические травмы.

— Юридический психолог, основным направлением которого является применение психологических знаний в следственной, судебной, пенитенциарной системах. Сферой деятельности для судебного психолога является исследование психологических особенностей поведения участников уголовного судопроизводства.

Детский психолог, основным направлением деятельности которого является преодоление психологических трудностей несовершеннолетних и малолетних, связанных с их социализацией.

Клинический психолог, основным направлением деятельности которого является психодиагностика, направленная на решение как диагностических, так и лечебных задач, так же данный специалист осуществляет психологическое консультирование в рамках профилактики, лечения и реабилитации человека.

Первая попытка привлечения лиц, занимающихся воспитанием и обучением, в уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних была предпринята уже в ходе судебной реформы 1864 г.

Действующее российское уголовно-процессуальное законодательство закрепляет специфику производства следственных действий, где в качестве обязательного или факультативного участника выступает психолог. Привлечение в уголовное судопроизводство того или иного психолога должно быть аргументированно и научно обоснованно.

При осуществлении допроса, опознания, очной ставки и проверки показаний, где участвует несовершеннолетний потерпевший или свидетель, который не достиг шестнадцатилетнего возраста (ч. 3 ст. 425 УПК РФ), либо достигшего шестнадцатилетнего возраста, но страдающего психического расстройства, участие психолога обязательно (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Таким образом, участие психолога в следственных действиях обусловлено законодательством Российской Федерации. Вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве обусловлено статьями 168 и 270 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Однако Уголовно-процессуальный кодекс не указывает, какими правами и обязанностями обладает психолог при проведении допроса и не предъявляет конкретных требований к этому специалисту. В УПК РФ, на наш взгляд, необходимо отразить приоритет участия психолога в следственных и судебных действиях с участием несовершеннолетних, закрепив положение о том, что в качестве психолога может быть допущено только лицо, имеющее высшее психологическое образование со специализацией в области детской, подростковой, юношеской психологии. [4, с. 126]

Цель участия психолога в уголовном судопроизводстве, в первую очередь это разъяснение мотивации пове-

дения несовершеннолетнего, а также квалифицированная помощь несовершеннолетнему, имеющему негативные индивидуально-психологические особенности в ярко выраженной форме или психические расстройства, создающие трудности при проведении следственных действий. [2, с. 569]

Психолог осуществляет меры, которые снижают психологическое давление детей на дачу свидетельских показаний или предоставлении иных доказательств, при помощи налаживания процесса общения и разъяснения несовершеннолетнему процедуру и процессу расследования.

В процессе уголовного судопроизводства специалист психолог должен обратить внимание следователя на психологические особенности допрашиваемого, которые могут препятствовать в получении показаний.

Стоит подробнее рассмотреть работу психолога с несовершеннолетними потерпевшим и свидетелем поэтапно:

1. Установление контакта является самой важной частью работы психолога, поскольку является основной для успешного взаимодействия и эффективной помощи несовершеннолетнего.
2. Заинтересованная беседа на отвлеченные темы.

Литература:

1. Гуковская, Н. И. Участие третьих лиц в допросе обвиняемого // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1974. Вып. 6. с. 110–112.
2. Зорина, Е. А., Шувалова, М. А. Проблема идентификации понятия «психолог» в уголовном судопроизводстве / Е. А. Зорина, М. А. Шувалова // Бюллетень Науки и Практики. — 2018. № 5. — с. 568–573.
3. Крутова, В. В., Левашов, И. В. Особенности участия психолога как специалиста на досудебной стадии уголовного судопроизводства / В. В. Крутова, И. В. Левашов // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. — 2018. № 1. — с. 253–255.
4. Машинская, Н. В. Проблемы обеспечения эффективного участия педагога и психолога в досудебном производстве по уголовным делам несовершеннолетних / Н. В. Машинская // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. — 2015. № 2. — с. 123–130.

3. Подготовительный этап — знание о том, что будет проходить на допросе, может помочь ребенку снизить тревогу несовершеннолетнего.

В процессе всего следственного действия психолог должен поддерживать несовершеннолетнего, а также проявлять к ребенку терпимость и понимание. В ходе следственных действий психолог должен отражать чувства ребенка, отслеживать его эмоциональное состояние, и поддерживать.

Некоторые авторы полагают, что участие психолога является излишним в уголовном судопроизводстве, поскольку присутствие при допросе посторонних лиц может оказать негативное воздействие на допрашиваемого. [1, с. 110]

Таким образом, необходимо привлекать для участия в уголовном судопроизводстве психолога, используя дифференцированный подход, учитывая в первую очередь профессиональные навыки последних. С целью обеспечения эффективного участия психолога в досудебном производстве по делам несовершеннолетних, а также для решения многих дискуссионных вопросов, связанных с их участием, законодателью прежде всего следовало бы закрепить в действующем УПК РФ процессуальный статус психолога. [3, с. 254]

Общая собственность супругов: имущественные права и обязанности

Одинцов Юрий Викторович, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Для начала стоит выяснить и понять, что же подразумевает слово «семья» с точки зрения современного мира и закона РФ?

Человечество тысячелетиями претерпевало изменения и рост интеллекта, морали, технологий, искусства и т. д. Также менялась структура семьи. От античности до двадцатого века в основном во всех государствах доминировал патриархат, дети не считались детьми в современном понимании, а женщины были почти во всём

бесправны. Благодаря множественным революциям, перестройкам и борьбе за права, в Новейшее время все развитые, цивилизованные государства (но не повсеместно в мире) имеют свод законов, общественных норм и понятий этики, которые максимально стремятся защитить интересы семейства и его членов, обеспечить комфорт и благоприятные условия.

Семьей в таком обществе считается группа от двух человек, связанных любовью или кровными родством,

общим бытом, ответственностью, взаимопомощью. Причём её члены вправе выбирать и варьировать семейные взгляды, ценности, формы.

По семейному кодексу явно и точно нигде не описывается, что же считается семьёй, но при этом кодекс защищает права всех членов, воспринимая каждого как свободную, независимую личность. СК РФ ст.1 п. 1: «Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства».

Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьёй всех её членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав».

Для законного статуса семьи нужно обязательно заключить брак, регистрируемый в ЗАГСе. С этого момента в жизнь молодожёнов вступает свод законов, регулирующий их правовую собственность, устанавливающий имущественные отношения, если супруги не выбрали договорный режим совместного имущества.

Договорный режим основывается на составлении брачного договора — документа, который регламентирует имущественные отношения супругов по их собственным, отличным от законов СК РФ условиям. При заключении договора до регистрации брака, документ вступает в силу сразу с момента этой самой государственной регистрации. Брачный договор заключается в письменной форме и должен быть нотариально удостоверен, иначе считается недействительным. (СК РФ ст. 41). Договор прекращает свое действие с момента расторжения брака, но, если в нем были предусмотрены обязательства, заключённые в брачном договоре на период после расторжения, они остаются в силе. (п. 3 ст. 43 СК РФ).

Также, если супруги или один из супругов потребует изменить или расторгнуть брачный договор, то суд вынесет решение на основе ГК РФ для расторжения договора или его изменения. Односторонний отказ от испол-

нения брачного договора не допускается (СК РФ ст. 43 п. 1,2.)

Что же является совместной собственностью?

- Имущество, нажитое супругами во время брака;
- Доходы, пенсии и прочие пособия и выплаты каждого из супругов;
- Движимость (автомобиль и т. д.) и недвижимость (жильё и т. д.);
- Ценные бумаги (вклады в банки, доли в капитале и т. д.);
- Прочее имущество.

Причем не имеет значение, на кого из супругов оформлена данная собственность.

Также существует раздельная, или по-другому личная собственность:

- Имущество каждого супруга до официального брака;
- Полученное в дар;
- Приватизированное имущество;
- В порядке наследования;
- По безвозмездной сделке;
- Личные вещи (кроме драгоценностей).

Раздел имущества, нажитого в браке, происходит после прекращения брака (развод, смерть), обычно делится поровну, в соответствии с нормами законодательства и СК РФ. В ситуациях, когда нарушались интересы одного из супругов в браке, имеется инвалидность, несовершеннолетние дети и прочее, суд может увеличить долю в пользу супруга с данными основаниями. Есть также вариант раздела имущества во время брачного союза, по причине взыскания задолженности второго супруга, дарения целого или части общего имущества родственникам и пр. Если был подписан брачный договор, то процесс регулируется по основаниям содержания документа. Но супруги могут самостоятельно решить данный вопрос, без вмешательства суда, при определённых обстоятельствах.

При смерти супруга, второй имеет законное право на определённую долю от имущества. Если покойный оставил после себя завещание, то данный документ даёт право в порядке очереди получить имущество, выпущенное в документе.

Литература:

1. Общая (совместная) собственность супругов // ВЛАДЕЙ ЛЕГКО. URL: (дата обращения: 10.02.2020).
2. Усанов, В. Семейный кодекс Российской Федерации. — Эксмо-Пресс, 2020. — 96 с.
3. Имущественные права и обязанности супругов // Мой Правовед. URL: <https://vladeilegko.ru/situations/chtovazhno-znat-ob-obshchey-sovmestnoy-sobstvennosti-suprugov/> (дата обращения: 10.02.2020).
4. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 10.02.2020).

Институт юридической ответственности в земельном законодательстве Российской Федерации

Пиров Комрон Рустамович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В данной статье автором анализируется законодательство РФ, содержащее нормы, регулирующие ответственность за правонарушения в области охраны и использования земель и акцентируется внимание на необходимость развития действующего законодательства за правонарушения в области земельных правоотношений.

Ключевые слова: земельное законодательство, земельные правоотношения, ответственность, развитие земельного законодательства.

Institute of legal responsibility in land legislation of the Russian Federation

In this article, the author analyzes the legislation of the Russian Federation, which contains the rules governing liability for offenses in the field of protection and use of land and focuses on the need to develop existing legislation for offenses in the field of land relations.

Keywords: land legislation, land relations, responsibility, development of land legislation.

Становление и развитие основ правового, демократического государства влияет на сохранение и рост авторитета и престижа государства внутри страны, восприятие России как надёжного и процветающего партнёра на внешней арене. Проблемы развития законодательства о юридической ответственности в области земельного права связано и с общими для российской правовой системы проблемами — определённой декларативностью норм права, отсутствием устоявшейся реализации норм права, значительное число пробелов в праве и законодательстве, невысокий ещё уровень правовой культуры и доверия к праву в обществе, недостаточный уровень развития права в целом, слабость правовых механизмов, а также приоритетное внимание к постоянному совершенствованию законодательства, а не к процессу его реализации. Что обуславливает актуальность изучения законодательства в области земельного права.

Конституция РФ закрепляет особо важное положение земли в действующем законодательстве, как наиболее значимый объект конституционно-правового регулирования [1], в связи, с чем законодательную базу о юридической ответственности в области земельных отношений возглавляет Конституция РФ. Земельный кодекс РФ в главе XIII содержит правовые нормы, устанавливающие виды ответственности за правонарушения в области земельных правоотношений, к таким относятся: уголовная, дисциплинарная, административная и гражданско-правовая [2].

Рассмотрение земельных споров остаётся значимой частью гражданского судопроизводства, важную роль в земельных отношениях играют гражданская и уголовная ответственность, а также ответственность в сфере экономической деятельности и трудовых отношений. Так

же стоит отметить, что Гражданский и Трудовой кодексы РФ регулируют основные вопросы гражданской, а также материальной и дисциплинарной ответственности в области земельных отношений.

Ответственность за нарушения порядка использования земельных участков может быть также установлена в законодательстве субъектов РФ. Например, в КоАП г. Москвы установлена следующая ответственность:

1) за нарушение требований и ограничений по использованию участка, которые (ч. 1 ст. 6.7 КоАП г. Москвы [4]):

— указаны в оформленном акте разрешенного использования земельного участка;

— установлены правовыми актами г. Москвы, устанавливающими документами на землю, проектной и другой документацией, которая определяет условия использования участка.

За это нарушение для организаций предусмотрен штраф в размере от 50 000 до 150 000 руб.

На практике возникает вопрос о критериях разграничения ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ [3] и ч. 1 ст. 6.7 КоАП г. Москвы. В каких случаях и по какой статье должен привлекаться нарушитель? Статья 8.8 КоАП РФ предусматривает ответственность за нецелевое использование земельного участка (т. е. его использование не в соответствии с установленной категорией). Законодатель разделяет понятия использования земель не по целевому назначению и нарушения их разрешенного использования. За нарушение разрешенного использования ответственность установлена в ч. 1 ст. 6.7 КоАП г. Москвы.

Квалифицироваться именно по ч. 1 ст. 6.7 КоАП г. Москвы, а не по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ должны, в частности, на-

рушения требований и ограничений по использованию земельного участка, установленных в договоре аренды.

К таким нарушениям относится, например, передача арендованного публичного участка в субаренду без согласия собственника или нарушение условий договора, которыми запрещено изменять функциональное назначение земельного участка;

за нарушение режима использования земель особо охраняемых природных территорий, земель природоохранного, рекреационного, историко-культурного назначения и других земель с особыми условиями использования, который установлен правовыми актами г. Москвы, документами о правах на землю (ч. 1 ст. 6.7 КоАП г. Москвы).

За такие нарушения для организаций предусмотрен штраф от 50 000 до 150 000 руб.

В данном случае отличие ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ очевидно. КоАП г. Москвы предусматривает ответственность за нарушение в отношении только указанных земель, при этом требования к ним должны быть установлены именно актами г. Москвы или документами о правах на землю.

Указанный выше пример наглядно показывает, что действующее законодательство за правонарушения в области охраны и использовании земель является достаточно сложным, в том числе и для субъектов земельных правоотношений. В связи с чем, полагаем, что действующее законодательство в области ответственности в земельных правоотношениях необходимо структурировать, так как основной целью земельной политики является формирование полноценной базы гражданского оборота земель, осуществление процесса преобразования земельных ресурсов в финансовые активы и включения их в финансово-кредитную систему государства [5].

Земельное право является одной из наиболее значимых и сложных отраслей частного права в правовой системе РФ. Развитие исследуемого института остаётся важной задачей в контексте развития правовой системы РФ в целом, экономических отношений в России. Законодательство РФ о юридической ответственности в сфере земельных отношений нуждается в дальнейшем эволюционном развитии, что и является гарантией преодоления актуальных проблем юридической ответственности в сфере земельных отношений, преодоления и устранения пробелов в национальном праве и законодательстве. Как указывает О. Е. Романова, развитие земельного законодательства должно исходить из целей и задач правового регулирования земельных отношений, особенности которых обусловлены спецификой объекта [7].

Развитие института связано и с развитием самого общества, и с развитием рассматриваемых отраслей и институтов права. Развитие российского законодательства, в связи с потребностями института юридической ответственности в земельном законодательстве РФ, должно основываться на:

— изучении национального опыта правового регулирования земельных отношений в России, учёте национальных интересов РФ;

— эволюции законодательства РФ с учётом международных и зарубежных стандартов в сфере исследования;

— развитию основ правового, демократического государства с их принципами верховенства права и закона, обеспечением прав граждан, остальных участников общественных отношений, в том числе и в сфере экономической деятельности.

Развитие законодательства РФ и перспективы земельных отношений связаны с дальнейшими тенденциями развития российского общества, развитием правовых механизмов, обеспечивающих реализацию норм права и в сфере юридической ответственности. Развитие правовой системы может основываться, в частности, на более широком использовании, помимо традиционных для российской правовой системы нормативно-правовых актов и договоров, и нетрадиционных источников права — правовых позициях судов, аналогии права и аналогии закона, правовой доктрине, правовом обычае и т. д.

Судебная защита прав, свобод и законных интересов граждан, других участников земельных отношений может основываться как на нормах действующего законодательства, международных договорах и обязательствах РФ, так и на перечисленных выше источниках.

Процессы социально-политической и экономической трансформации российского общества в 1990-е гг. стали предпосылкой для перехода страны к развитию рыночных, капиталистических отношений в земельных отношениях, что с приходом к власти здравомыслящего руководства в конце 1990-х — начале 2000-х гг. позволило осуществить определённый рывок в развитии этих отношений. Это создаёт объективные предпосылки для дальнейшего развития национальной правовой системы, в том числе развития правовых механизмов, совершенствования процесса реализации и исполнения действующего законодательства.

Следует выделить и роль нормативно-правового акта и договора как источников российского права, которая в перспективе будет укрепляться и расширяться. Однако российское общество и государство традиционно руководствуются и определёнными интересами, национальными ориентирами и ценностями, а также социально значимыми идеями, целями и программными установками.

Таким образом, перспективы земельных отношений, юридической ответственности в сфере исследования, связаны и с дальнейшим развитием правовой системы и законодательства, а также национальной экономики и внешнего экономического сотрудничества. Следует учитывать, что право является отражением общественных отношений и социальных реалий, и нельзя требовать от права и законодательства опережать развитие общественных отношений и самого общества.

Для действующего законодательства РФ в земельных отношениях на фоне недостатков института юридической ответственности, важна реализация таких мер:

развитие правовых механизмов, которые позволят более эффективно обеспечить реализацию норм действующего законодательства, в том числе и в сфере гармонизации норм разных отраслей и институтов законодательства РФ, в том числе и в сфере исследования;

приоритетом должно пользоваться выполнение закона, а не его постоянное совершенствование, которое должно проводиться по мере необходимости;

более широкое использование альтернативных источников права в целях устранения пробелов и недостатков в праве и законодательстве, расширения возможностей правового регулирования и правовой системы в целом.

Таким образом, для России предпочтительно постепенное, эволюционное развитие правовой системы и, в частности, правового регулирования земельных отношений, в том числе и в рамках международного экономического развития и интеграции, региональной интеграции, а также механизмов защиты прав и законных интересов РФ, граждан и юридических лиц, других участников общественных отношений в земельных и горных правоотношениях.

В этом контексте важно дальнейшее развитие экономических отношений, правовых механизмов в сфере земельного законодательства [6]. Должны обеспечиваться не только свобода предпринимательства, но и развитие его культуры. Развитие права тесно связано с обеспечением необходимых гарантий для дальнейшего развития экономики РФ, в том числе и защиты малого и среднего бизнеса, развития производительных сил. Это позволит ограничить, а отчасти и устранить значительное количество нарушений законодательства в сфере экономической деятельности, частного права в целом.

Совершенствование законодательства РФ в сфере исследования возможно только посредством поступательного, эволюционного процесса развития института юридической ответственности в сфере земельного права. Развитие российского права отражает и должно отражать социальные реалии, состояние российского общества, социальные и правовые явления в РФ. Сегодня происходят процессы сближения романо-германской и англо-американской правовых систем, тенденции их развития учитывают и другие правовые семьи. Судебная практика и судебные решения, правовой обычай и правовая доктрина могут в значительной мере помочь устранить пробелы в праве и законодательстве.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 29.10.2001 г. № 44. Ст. 4147.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.06.2019) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
4. Закон, г. Москвы от 21.11.2007 № 45 (ред. от 22.05.2019) «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. № 69. 12.12.2007.
5. Анохин, Е. И. Проблемы земельных отношений в современных условиях // Молодой ученый. 2010. № 3. с. 91–93. URL <https://moluch.ru/archive/14/1231/> (дата обращения: 24.06.2019).
6. Болтанова, Е. С. Юридическая ответственность за земельные правонарушения // Журн. рос. права. 2014. № 12. с. 88–97.
7. Романова, О. А. Развитие земельного законодательства: вопросы теории и практики // Lex russica. 2016. № 6. с. 132–145.

Проблемы реализации принципа справедливости в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

Рашидов Шамиль Тамирланович, студент магистратуры;
Нечепурнов Александр Валентинович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается принцип справедливости, закрепленный в Уголовном кодексе РФ, рассмотрены его основные положения, его место в уголовном праве. Обозначена актуальность нормативного закрепления принципа справедливости в уголовном праве. Рассмотрены основные проявления принципа справедливости, в частности рассмотрена его реализация при назначении наказания.

Ключевые слова: справедливость, принцип справедливости, уголовное право, Уголовный кодекс РФ, преступление, наказание.

Problems of realization of the principle of justice in the articles of a Special part of the Criminal code of the Russian Federation

The article discusses the principle of justice, enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation, its main provisions, its place in criminal law are considered. The urgency of the normative consolidation of the principle of justice in criminal law is indicated. The main manifestations of the principle of justice are considered, in particular, its implementation in sentencing is considered.

Keywords: justice, principle of justice, criminal law, Criminal Code of the Russian Federation, crime, punishment.

Принципиальность уголовного закона — это неотъемлемое качество действующего Уголовного кодекса РФ. Реализация уголовно-правовых норм невозможна помимо принципов уголовного закона. Принципы уголовного законодательства являются зеркальным отражением политической воли государства, правящего строя. Придерживаться принципов уголовного закона необходимо для того, чтобы понимать, толковать, а затем и эффективно применять уголовно-правовые нормы.

Любой процесс, будь то правотворческий или правоприменительный, в уголовном праве должен проверяться на соответствие принципам уголовного закона. Если смотреть на последние изменения и дополнения в уголовный кодекс, создается впечатление, что принципы уголовного закона в настоящее время являются лишь его украшением. Такое отношение к основополагающим началам необходимо изменить.

Принципом уголовного закона называется такая основополагающая идея (начало), которая пронизывает все структурные элементы УК РФ и является реализуемой в действительности среди уголовно-правовых норм субъектами правотворчества и правоприменения.

Полное, законодательное раскрытие содержания каждого принципа позволит избавиться от различных их пониманий на практике, а также минимизирует субъективное их толкование. Насколько же грамотно применяются принципы уголовного закона в действительности?

Согласно сущности принципа справедливости, регламентированного в ч. 1 ст. 6 УК РФ, а также такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ) наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к преступнику, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного им преступления [1].

Характер и степень общественной опасности — величины не постоянные. Поэтому большинство санкции Особенной части УК РФ имеют сложный состав и по степени определенности сформулированы как относительно определенные.

Для исполнения принципа гуманизма в российском уголовном законе предусмотрен перечень обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ), и вопреки принципу «*nulla poena sine lege*» (нет наказания без закона), регламентирован механизм назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ).

Но справедливость в воздействии на любую противоправную активность человека достигается только путем баланса позитивного и негативного государственного реагирования на совершенное им деяние. Поэтому УК РФ и содержит перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), который, в отличие от перечня обстоятельств, смягчающих наказание, строго ограничен, что говорит о «перевесе» государственного реагирования на преступность в сторону гуманного отношения к преступникам и нарушении указанного баланса.

Необходимо указать, что УК РФ не содержит механизм назначения более строгого наказания, наличие которого в уголовном законе имеет серьезную социальную обусловленность. Судебная практика имеет немало примеров, когда в результате нарушения каких-либо правил безопасности погибало очень большое количество людей (пожар в клубе «Хромая лошадь» (погибло 156 человек), крушение теплохода «Булгария» (погибло 122 человека), катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС (погибло 75 человек), крушение траулера «Дальний Восток» (погибло 69 человек), пожар в доме престарелых в станице Камышеватская в Краснодарском крае (погибло 63 человека) и т. д.), вместе с тем, виновники этих трагедий получали (или вероятнее всего получают в случае, например, с пожаром в торговом центра «Зимняя вишня» в результате которого погибло 64 человека и следствие по данному факту еще ведется) весьма незначительные в сравнении с наступившими последствиями наказания.

Гуманизм уголовной политики России, в основном, направлен на преступника, а не на лиц, признанных потерпевшими. С этим согласны практически все авторитетные ученые в области криминологии уголовного права. Именно поэтому следует согласиться с Н. Ф. Кузнецовой [4], которая понимала под восстановлением социальной справедливости в сфере уголовно-правовых отношений, в первую очередь, восстановление нарушенных преступлением интересов личности, общества и государства, а во вторую, — наказание для преступника.

В раках рассматриваемой нами проблематики необходимо подчеркнуть, что общество в целом негативно относится к гуманному, и уж тем более слишком гуманному отношению к преступникам. Как справедливо отмечают отдельные ученые, законодатель, конечно, очень гордится своим гуманизмом. Однако при этом он не понимает, или не хочет понять, что общество в целом отвергает эту гуманизацию. Результаты всех общероссийских социологических опросов свидетельствуют, что граждане ждут от власти ужесточения наказания. Вместе с тем она принимает абсолютно противоположные решения.

В этой связи необходимо отметить, что Президент РФ Д. Медведев еще в 2009 г. в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации указал следующее: «Уголовное наказание как на уровне закона, так и на стадии его применения судами должно быть адекватным совершенному преступлению и, соответственно, лучше защищать интересы общества и интересы потерпевшего». В своем таком же послании в 2018 г. Президент РФ В. Путин вновь обратил внимание на то, что нормы уголовного права должны жестко действовать в отношении преступлений против интересов граждан и общества в целом [2].

Следует отметить, что гуманизм российской уголовной политики на самом деле не имеет для Российского государства абсолютного значения. Подтверждением этому является ужесточение уголовных наказаний за ряд

преступных деяний (например, связанных с коррупционной, террористической деятельностью, посягательства на половую неприкосновенность личности).

Поэтому в поддержку выдвигаемой нами законодательной инициативы выступает теория пенализации, предполагающая ужесточение уголовного наказания за деяния, степень общественной опасности которых в силу изменившихся условий функционирования общества и государства увеличилась. В силу изложенного считаем целесообразным включить в Главу 10 «Назначение наказания» УК РФ статью следующего содержания:

Статья 64.1 Назначение более строгого наказания, чем предусмотрено за данное преступление

1. При наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно увеличивающих степень общественной опасности преступления, наказание за его совершение может быть назначено выше высшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

2. Исключительными могут быть признаны как отдельные обстоятельства, отягчающие наказание, так и совокупность этих обстоятельств.

3. При назначении наказания выше высшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, его срок или размер не может превышать одной трети срока или размера максимального вида наказания, предусмотренного данной статьей, и не может быть больше максимального срока или размера этого наказания, указанного в статье Общей части настоящего Кодекса, его регламентирующей.

Включение в УК РФ данной статьи в полной мере будет способствовать усилению аксиологической сущности российского уголовного закона, и, в первую очередь, усиления в нем ценности человеческой личности, жизни и здоровья, а также справедливости, как одной из высших проявлений позитивного развития общественных отношений. Она ни коим образом не будет противоречить принципу «*nulla poena sine lege*», поскольку в ней говорится о применении уже существующего наказания, предусмотренного российским уголовным законом, и максимальный предел его увеличения не превышает размера этого наказания, предусмотренный соответствующей статьей Общей части УК РФ.

В дополнении к этому эта статья не станет нарушать общий тренд гуманизма национальной уголовной политики поскольку будет применяться в исключительных случаях, устранив, в силу своей универсальности, необходимость ужесточения санкций за отдельные преступления, предусмотренные Особенной частью УК РФ, при увеличении их общественной опасности, а также случаи недовольства гражданами выносимыми судебными решениями, что в связи с этим снизит желание с их стороны совершать самосуды над причинителями вреда.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019)
2. Долженкова, Е. В. Основы социального государства/ Долженкова Е. В., Ларина О. Г., Емельянов А. С., Ноздрин И. О., Кухарев Ю. С.// Учебное пособие / Курск, 2016.
3. Сизов, А. А. Проблемы и пути совершенствования законодательства о системе уголовных наказаний/ Сизов А. А., Шахбазов Р. Ф., Сарбаев А. А.// В сборнике: Актуальные вопросы развития современного общества, сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции. 2016. с. 275–277.
4. Кузнецова, Н. Ф. Криминология: учебник/ Под ред. проф. Н. Ф. Кузнецовой, проф. В. В. Лунеева.-2-е изд., перераб. и доп.-М.:Волтерс Клувер, 2004.-640 с.

Особенности производства расследования в форме сокращенного дознания

Романькова Инна Андреевна, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Сокращённая форма дознания вошла в практику органов внутренних дел более 6 лет назад и рассматривается как наиболее перспективная. Суть данного института заключается в одновременном упрощении досудебного и судебного производства по делу. Сокращение достигается путем ограничения пределов доказывания и упрощения его средств. В досудебном производстве дознаватель может самостоятельно определить, какие доказательства собирать помимо установленных. Закон однозначно указывает и на то, что сокращенное дознание предусматривает дальнейшее рассмотрение дела в суде в особом порядке. Настоящая статья посвящена исследованию практики производства дознания в сокращенной форме, а также специфике реализации данного феномена. Так же в статье исследуется вопрос эффективности дознания в сокращенной форме и даются авторские рекомендации по совершенствованию данного процесса.

Ключевые слова: дознание, производство дознания в сокращенной форме, прокурор, дознаватель, преступление, потерпевший, подозреваемый.

В процессе преобразования предварительного расследования Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] был урегулирован порядок производства дознания в сокращенной форме. В УПК РФ была внесена новая глава «Дознание в сокращенной форме». Она регламентирует порядок производства дознания для определенных лиц по признакам одного или нескольких преступлений, которые закреплены в пункте 1 части 3 статьи 150 УПК РФ в ускоренной форме

Такая форма расследования возможна только по ходатайству подозреваемого об этом, а также при присутствии одновременно нескольких условий. К таким условиям относятся:

1) уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в пункте 1 части третьей статьи 150 УПК РФ;

2) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела;

3) отсутствуют предусмотренные статьей 226.2 УПК РФ обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме [2].

Таковыми обстоятельствами считаются: подозреваемым является несовершеннолетнее лицо; есть основания о применении мер медицинского характера или особый порядок судопроизводства; если подозреваемый совершил несколько преступлений и хоть одно из них не входит подследственность дознания; подозреваемый не знает языка, на котором ведется судопроизводство; возражение потерпевшего о такой форме дознания.

Можно сказать, что при такой форме дознания подозреваемое лицо совершает сделку признав вину и противоправный характер.

Самыми распространенными проблемами этой формы являются низкое качество составления процессуальных документов, часто неверный выбор тактики проведения допросов, ошибки, допускаемые в предмете доказывания и квалификации действий правонарушителей и другие, то есть все то, что характерно для дознания в общем порядке.

Стоит сказать, что кроме них существуют и некоторые проблемы, характерные только для дознания в сокращенной форме. Первой из них является проблема, ко-

торая актуализировалась в первое время по принятии закона о введении сокращенной формы дознания и на сегодняшний момент полностью решена, — это негласное игнорирование территориальными органами прокуратуры проведения дознания в сокращенной форме: на практике были случаи, когда прокуроры не утверждали обвинительные постановления, считая эту законодательную новеллу бессмысленной [3].

Однако применение данной формы было активизировано после выхода приказа Генеральной прокуратуры РФ от 3 июля 2013 г. № 262 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме» [10].

Важной проблемой правоприменения дознания в сокращенной форме называются сроки его проведения. Так, некоторые ученые отмечают, что дознание в настоящее время не отвечает требованиям оперативности. Сокращение сроков досудебного производства актуализирует ситуацию продления сроков, установленных законом. Срок сокращенного дознания начинается с момента вынесения постановления о его производстве и составляет 15 дней. Но данное постановление дознаватель должен вынести в течение 24 часов с момента поступления ходатайства от подозреваемого, которое согласно частям 2 и 3 ст. 226.4 УПК РФ он вправе заявить в течение 2 суток со дня, в который ему было разъяснено такое право в присутствии адвоката, обеспечить которого дознаватель должен в течение 24 часов [4]. Таким образом, происходит удлинение процедуры, а значит и сроков еще на 4 дня, что составляет 19 дней.

К тому же разъяснение дознавателем права на ходатайство подозреваемому происходит не сразу после поступления ему дела. В соответствии с ч. 9 ст. 226.7 УПК РФ если срок сокращенного дознания может быть продлен прокурором на 5 дней, то общий срок сокращенного дознания оформляется в рамках не менее 24-дневного срока [5].

Получается, что сокращенная процедура дознания по срокам незначительно уступает дознанию в обычной форме.

Серьезным вопросом, требующим внимания, является право на отмену расследования дела в сокращенной форме и рассмотрение уголовного дела в общем порядке. Закон предоставляет подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим или его представителям право заявлять ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке.

Многие авторы предполагают, что в этом случае необходимо заявление об отказе от сокращенной формы дознания по причине выгоды стороне защиты: изучив все материалы уголовного дела, обвиняемый и его защитник могут заявить такое ходатайство и получить время для более тщательной подготовки к защите [6].

Дознание в сокращенной форме должно быть осуществлено в течение 15 суток со дня, когда выносится поста-

новление о производстве дознания в сокращенной форме. С момента поступления ходатайства о таком производстве дознания дознаватель должен рассмотреть и вынести по нему решение в течение 24 часов. Подозреваемый может подать такое ходатайство в течение 2 суток, после того как он был уведомлен о таком праве.

Для обеспечения быстроты производства дознания в сокращенной форме, следовало бы рассмотреть тезис разъяснения подозреваемому лицу о возможности такой процедурой расследования, ее процессе, последствиях в момент разъяснения прав и обязанностей, предусмотренных статьей 46 УПК РФ, а не перед самим допросом, как это указано в части 1 статьи 226.4 УПК РФ.

Также следует обратить внимание на то, что условием для производства дознания в сокращенной форме является согласие потерпевшего (п.6 ч.1 ст.226.2 УПК РФ). Мнение потерпевшего об использовании такой формы дознания определяется только после принятия дознавателем постановления об удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме (ч.5 ст.226.4 УПК РФ). Если потерпевший будет не согласен на такую процедуру производства дознания, дознавателю придется отменять уже принятое решение. Поэтому следовало бы получить согласие потерпевшего или его отказ еще до того момента, как дознаватель удовлетворит ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме.

Из пункта 2 части 1 статьи 226.2 следует, что невозможно дознание в сокращенной форме, если есть причины для применения принудительных мер медицинского характера. Данное препятствие является преградой не только для сокращенного дознания, но и для дознания в общем порядке, так как для таких категория дел производство предварительного следствия обязательно, как следует из части 1 статьи 434 УПК РФ. В связи с этим, после установления оснований о применении принудительных мер медицинского характера, дознаватель не может вынести постановление о производстве дознания в общем порядке, как это указано в части 2 статьи 226.2 УПК РФ [9].

На нашей точки зрения, необходимо добавить часть 3 статью 226.2 УПК РФ следующего содержания: «при выявлении обстоятельств, предусмотренных пунктом 2 частью 1 статьи 226.2 прокурор должен вынести постановление о передаче материалов уголовного дела предварительному следствию для производства расследования».

В соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 226.2 УПК РФ, если лицо подозреваемое в совершении нескольких преступлений хоть по одному из них не подследственен дознанию, то данная категория не может расследоваться в форме сокращенного дознания. В первоначальный этап расследования не во всех случаях можно определить все эпизоды преступления. В процессе производства дела может измениться подследственность. Тогда у лица, которое призналось в совершении преступной деятельности теряется право на производство дознание в сокра-

щенной форме, а в связи с этим и смягчение наказания на одну вторую максимального срока или размера наиболее строго вида наказания, как этого требует часть 6 статьи 226.9 УПК РФ.

Опираясь на вышесказанное, можно предложить некоторую корректировку в главу о производстве дознания в сокращенной форме. Дополнение, которое касалась прав и обязанностей потерпевшего о том, чтоб сразу после признания лица потерпевшим разъяснить ему процесс производства дознания в сокращенной форме, а также его последствия. В то же время о его праве несогласия в случае подачи подозреваемым ходатайства о сокращенном производстве предварительного расследования [8].

Аналогично и с подозреваемым. Сразу после появления в деле лица, подозреваемого в совершении преступной деятельности, разъяснить ему о праве ходатайства производства дознания в сокращенные сроки. И при этом до удовлетворения данного ходатайства согласовать данный вопрос с потерпевшим.

Итоги производства дознания в сокращенной форме содержатся в обвинительном постановлении. Оно так же как и обвинительный акт подлежит подтверждению начальником органа дознания и прокурором. Но обвинительное постановление рассматривается прокурором в течении 3 суток, в то время как на принятие решение по обвинительному акту дается 2 сутки.

В обвинительном постановлении должны быть указаны все требования, предусмотренные для обвинительного акта. Но в обвинительном постановлении не указываются лица, подлежащие вызова в суд. Такой список указывается в приложенной справке к постановлению, в котором также указывается их место жительства и место нахождения. В отличии от обвинительного акта в обви-

нительном постановлении нет требований о сведения по гражданскому иску.

Правовая природа обвинительного акта совпадает с обвинительным постановлением. В обоих этих документах указываются итоговые решения по предварительному расследованию. Несмотря на различие наименований, к этим правовым актам могут предъявлены одинаковые требования.

Главным условием для производства дознания в сокращенные сроки является признание вины подозреваемым, характер и размер причинного вреда. Этим самым подозреваемый облегчает процесс доказывания вины органами дознания. А согласие потерпевшего на такой порядок производства содействует мирности судопроизводства и формирует благоприятные условия для быстрого расследования и судебного разбирательства. Существенным моментом при дознании в сокращенной форме является очевидность, которое выражается в предоставлении подозреваемым информации, способствующей более быстрому и правильному расследованию [9].

Как видно из главы 32.1 УПК РФ вопрос о вине и наказании определяется в основном по результатам деятельности, т. е. если дело рассматривалось в порядке сокращенного дознания суд должен будет вынести наказание предусмотренным частью 6 статьи 226.9 УПК РФ. В результате наступает возможность утраты судом принципа независимости и самостоятельности при рассмотрении уголовных дел.

Таким образом, значение производства дознания в сокращенной форме направлено на ускорение, оперативность, упрощение процесса, сокращение процессуальных издержек сторон.

Литература:

1. Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019)
3. Сильвестров, П. С., Марфицин П. Г. Проблемы правоприменения при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2015. — № 5–6. — с. 312–314
4. Васильева, А. А., Гаврилова Е. А. Сокращённое дознание: проблемные вопросы, основные направления их совершенствования // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 2 (17). — с. 38–42.
5. Кувалдина, Ю. В., Лазарева В. А. Сокращенное дознание: соответствует ли процедура назначению уголовного судопроизводства? // Вестник Самарского государственного университета. — 2014. — № 11/1 (122). — с. 53.
6. Рамазанов, Т. Б., Кабурнеев Э. В., Алиммирзаев А. А. Доказывание в сокращенной форме дознания // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Право. — 2014. — Вып. 2. — с. 143–147.
7. Лазарева, В. А. Порядок и проблемы рассмотрения судом уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением // Юридический вестник Самарского университета. — 2016. — № 3. — с. 72–74.
8. Анненкова, А. С. Дознаватель и следователь: должны ли быть одинаковыми процессуальные полномочия? // Прокурор. 2015. № 1. 82 с.
9. Лазарева, В. А. Порядок и проблемы рассмотрения судом уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением // Юридический вестник Самарского университета. — 2016. — № 3. — с. 72–74.
10. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 3 июля 2013 г. № 262 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме».

О некоторых вопросах формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

Сенников Дмитрий Эдуардович, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Современное государственное устройство в Российской Федерации — результат многолетнего осмысления роли государства в организации жизни общества, отечественного и международного опыта истории государственности, начиная со времен первых государств и до современного устройства мира. При этом в разное время приоритеты, расставляемые при организации государства и жизни общества, а также формы выражения воли народа и государства, были абсолютно различны. Несомненно, во многом на это влиял уровень прогресса, науки, экономики и населения. Соответственно, в разные исторические эпохи существовали разные взгляды на принципы управления государством. Так, в середине предыдущего тысячелетия монархия была универсальной формой правления, а унитаризм — основной формой государственного устройства. Однако с течением времени учеными и политиками стали формироваться различные формы и виды управления государством, которые имели свои плюсы и минусы, применение которых приводило как к технологическому и социальному прорыву, так и к разрушению существующих условий и деградации некогда великих государств.

Несомненно, история Российской Федерации является неотъемлемой частью мировой истории, переживавшей различные потрясения. Эти потрясения могли быть как в форме распространенных для других государств явлений (например, феодальная раздробленность, существовавшая во многих европейских государствах, в том числе в Древней Руси), так и является совершенно прецедентными явлениями (например, установление социализма в рамках целого государства, беспрецедентные потери в Великой Отечественной войне). Кроме того, говоря об отечественной истории, нельзя не брать во внимание территориальное положение российского государства, которое во многом влияло на социальное, экономическое и политическое развитие. Таким образом, рассуждая об институтах государства, призванных выступать источником создания того или иного регулирования общественных отношений, необходимо иметь в виду как общие с иностранными государствами факторы, так и исторические, социальные и иные особенности российского государства.

12 декабря 1993 года российское государство, впервые используя инструмент «прямой демократии», воплотило в жизнь так называемую теорию «общественного договора», установив основные принципы и правила жизни российского общества. Конституция Российской Федерации, принятая в этот день, стала результатом многолетней истории России, соединив в себе как отече-

ственный, так и зарубежный опыт. При разработке Конституции Российской Федерации в качестве своеобразных «образцов» использовались в частности Конституции советского периода, которых за историю Совета ССР было 4 только на уровне самого СССР (необходимо отметить, что помимо Конституций СССР были и конституции союзных республик, конституции некоторых автономных республик, поэтому определенный реальный конституционный опыт в российской истории имел место быть), а также некоторые конституции западных стран (например, Конституция Соединенных Штатов Америки) [6].

Учитывая статус Конституции Российской Федерации в системе отечественного нормативного правового регулирования, споры о ее содержании не утихают на самых разных уровнях и спустя 25 лет со дня ее принятия. Пиком таких споров и обсуждений стало Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 года. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в указанном Послании сформулировал ряд тезисов, которые впоследствии стали называть «конституционной реформой». В тезисах, прозвучавших в указанном Послании, был сделан определенный акцент на роли Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в системе управления государством. Так, среди прочего было озвучено, что Совет Федерации будет напрямую участвовать в формировании кабинета министров в Российской Федерации (назначение руководителей всех так называемых силовых ведомств Президент может проводить по итогам консультаций с Советом Федерации [4]), будет иметь право отрешать от должности судей Конституционного Суда и Верховного Суда, а также принимать участие в назначении прокуроров субъектов Российской Федерации. Расширенные полномочия Совета Федерации Российской Федерации, которые потенциально могут быть закреплены в Конституции Российской Федерации, являются дополнением к той значительной роли Совета Федераций в структуре органов управления современным российским государством.

Говоря о роли Совета Федерации, необходимо иметь в виду ряд факторов, которые напрямую влияют на его деятельность.

Во-первых, в соответствии со статьей 1 Конституции Российской Федерации Российская Федерация — это федеративное государство. Соответственно, Россия есть государство, состоящее из субъектов Федерации, обладающих определенной компетенцией, то есть имеющих права и обязанности [5]. Наряду с этим такая форма го-

сударственного устройства как федерация, в том числе и отечественная федерация как форма государственного устройства, обречена на нахождение в состоянии федерализма, то есть в состоянии выстраивания отношений федерации и ее субъектов как в правовом, так и в политическом поле.

Во-вторых, необходимо учитывать порядок формирования Совета Федерации в контексте существования федерации и федерализма. Согласно части 2 статьи 95 Конституции Российской Федерации в Совет Федерации входят: по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации — по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти; представители Российской Федерации, назначаемые Президентом Российской Федерации, число которых составляет не более десяти процентов от числа членов Совета Федерации — представителей от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Состав Совета Федерации, равно как и порядок наделения полномочиями членов Совета Федерации неоднократно изменялся, однако, как указывают некоторые авторы, существующая сегодня система представляет собой «демократизированный» вариант формирования указанного органа власти [7].

Таким образом, роль и место Совета Федерации в российском законодательном процессе во многом определяется состоянием федеративных отношений в Российской Федерации, а также порядком и характером образования законодательных и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации и степенью вмешательства в этот процесс федеральной власти.

Проводя анализ порядка формирования органов власти субъектов, первоначально необходимо отметить, что пунктом «н» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации установлено, что установление общих принципов организации органов государственной власти отнесено к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Наряду с этим, в соответствии с частью 1 статьи 77 Конституции Российской Федерации система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом. Таким образом, при учете того, что общие принципы организации органов государственной власти отнесены к предметам совместного ведения субъектов и Российской Федерации, общие принципы организации органов государственной власти **субъектов** Российской Федерации фактически отнесены к компетенции Российской Федерации, обладающей правом на издание федеральных законов. Следовательно, с учетом того, что

определения «общие принципы» в отечественном законодательстве не закреплено, федеральный центр фактически нормативно неограничен в своем праве нормативного правового регулирования порядка формирования органов власти субъектов.

Отражения этому в относительно небольшой истории действия Конституции Российской Федерации неоднократно имели место быть. Так, широкий общественный и политический резонанс вызвало решение отказаться от прямых выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в 2004 году, введение как называемой процедуры «муниципального фильтра», которая привлекала к формированию органов власти субъектов Российской Федерации органы местного самоуправления. Во многом резонанс был вызван, по мнению некоторых выступающих против указанных изменений, установлением со стороны Российской Федерации необоснованных и чрезмерных норм, регулирующих порядок формирования органов власти субъектов. При учете того, что в контексте данной статьи неуместно давать оценки указанным реформам, необходимо остановиться на одном важном аспекте: Российская Федерация, внося изменения в Федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», может устанавливать дополнительные ограничения к формированию органов власти субъектов Российской Федерации в зависимости от собственных интересов, в том числе в целях создания единой системы публичной власти в Российской Федерации.

Указанный аспект напрямую влияет и на формирование Совета Федерации. Во — первых, в соответствии со статьей 4 Федерального закона от 03 декабря 2012 г. № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» в зависимости от порядка избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации зависит и порядок наделения полномочиями представителя от исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Так, в случае если высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается депутатами законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации, то и представитель от исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации избирается депутатами. В то же время при избрании высшего должностного лица субъекта путем прямого голосования населения высшее должностное лицо вправе самостоятельно определить представителя от исполнительного органа государственной власти субъекта.

Во-вторых, порядок избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации как вид формирования органов государственной власти субъекта Российской Федерации напрямую влияет и на результат определения представителя в Совет Федерации. Следовательно,

возникает риск невозможности полноценной реализации полномочий представителя субъекта Российской Федерации в Совете Федерации, поскольку роль представителя Совета Федерации (за исключением представителей Российской Федерации, назначаемых Президентом Российской Федерации) заключается в представлении интересов субъектов Российской Федерации при осуществлении нормативного правового регулирования в рамках компетенции федерации, то есть при принятии федеральных законов как по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, так и по предметам исключительного ведения Российской Федерации.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что на сегодняшний день существует риск необоснованного вмешательства в порядок формирования органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Это может привести к невозможности реализации субъектом Российской Федерации своих прав самостоятельно и полноценно, невозможности учета мнения субъекта Российской Федерации в верхней палате отечественного парламента, что напрямую склонит федеративные отношения в Российской Федерации в сторону унитаризма, и идет вразрез с основными конституционными принципами.

В этой связи, одним из решений, направленных на снижение указанного риска, является установление единого для законодателей и иных субъектов правотворчества понимания «общие принципы», которое могло бы установить определенные пределы компетенции субъектов общественных отношений.

Для достижения указанной цели существует несколько возможных путей развития. Прежде чем переходить к ним, необходимо отметить, что выведение четкой дефиниции «общие принципы» представляется крайне затруднительным. В то же время, в данной ситуации можно

воспользоваться методами толкования права, обратив внимание на научные толкования или же на толкования, содержащиеся в решениях Конституционного Суда.

Например, возможно применить определенные признаки, свойственные определению «основа», к понятию «общие принципы». Так, С. А. Авакьян дает определение «основа», определяя ее как базу, базис, фундамент чего-либо. Однако данное определение не дает понимания, чем ограничен этот базис, и ограничен ли вообще. Исходя из этого, можно предположить, что наиболее эффективным методом установления понимания, что такое «общие принципы», является толкование Конституционным Судом Российской Федерации.

Эффективность участия Конституционного Суда Российской Федерации в федеративных отношениях представляется достаточно высокой. Так, С. М. Шахрай указывает, что разъяснения по вопросам разграничения компетенции Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, в частности по вопросам организации органов государственной власти, содержатся в большинстве актов Конституционного Суда [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что стабильное состояние современного отечественного федерализма, а именно свободное легитимное избрание депутатов законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации, высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, реализация принципа представительной демократии путем наделения полномочиями представителя субъекта Российской Федерации в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, может быть подвержено риску необоснованного вмешательства в эти процессы со стороны федерации в силу неограниченности в нормативном правовом регулировании по некоторым вопросам своей компетенции в рамках предметов совместного ведения субъектов и Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993);
2. Федеральный закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»;
3. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»;
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020;
5. Авакьян, С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / М.: Юстицинформ, 2015;
6. Алексеев, С. С. «У истоков Конституции России. Субъективные заметки» Екатеринбург, 2009 г.;
7. Безруков, А. В. «Парламентское право и парламентские процедуры в России: Учебное пособие (2-е издание, переработанное и дополненное)» Юстицинформ, 2015 г.;
8. Шахрай, С. М. «О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований: Отд-ние общественных наук РАН. — М.: Наука, 2013 г.

Особенности проведения отдельных процессуальных и следственных действий по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности

Смирнов Виктор Александрович, кандидат юридических наук, зав. кафедрой;
Гойник Анна Алексеевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Ключевые слова: следственные действия, процессуальные действия, расследование преступлений коррупционной направленности.

Основная масса уголовных дел коррупционной направленности возбуждается по результатам оперативно-розыскных мероприятий. Это продиктовано спецификой совершенных деяний, тем, что без качественной оперативной работы детально установить важные для доказывания обстоятельства во многих случаях невозможно. Оперативными сотрудниками в орган предварительного следствия предоставляются рассекреченные материалы, в которых содержатся такие документы как стенограммы аудиозаписей, проведенных в рамках прослушивания телефонных переговоров, негласной аудиозаписи с дисками в качестве приложений, также могут содержаться рапорты, ходатайства, направленные в суд, решения суда по разрешению проведения того или иного оперативно-розыскного мероприятия. Материалы могут содержать в себе видеозаписи с камеры, их стенограммы. Данные материалы содержат в себе изобличающие сведения о совершенном преступлении, о договоренностях, связи того или иного должностного лица или служащего с лицами, причастными к совершению коррупционных преступлений, об их взаимодействии, о роли каждого из них в совершенном преступлении. Анализируя представленные материалы следователь может представить картину совершенного преступления, понять какие следы преступления необходимо закрепить процессуально, то есть у следователя появляется возможность оценить так называемую судебную перспективу дела, достаточно ли доказательств можно собрать для установления факта совершенного преступления, причастности к его совершению определенного лица. В этой ситуации главная задача следователя — оценить имеющуюся оперативную информацию. Оценивая поступившую оперативную информацию, в первую очередь необходимо проверить законность проведенных мероприятий с точки зрения ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», так как на практике зачастую в ходе судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела по существу стороной защиты заявляются ходатайства о признании доказательств полученным незаконным путем, а, следовательно, недопустимым.

Также данная категория дел может возбуждаться и по заявлению лица (допустим о вымогательстве взятки), либо по рапорту следователя. Проводя проверку в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ [1], необходимо оценивать возможность утечки информации и сокрытия следов пре-

ступления. При наличии достаточных признаков, свидетельствующих о совершении преступления, необходимо возбуждать уголовное дело и совместно с оперативными сотрудниками осуществлять тактическую операцию по задержанию лица возможно при получении взятки.

На первоначальном этапе расследования проводятся следственные действия по изъятию возможных следов преступления, это может быть осмотр места происшествия, обыск, выемка, личный обыск при задержании. Осмотр места происшествия является упрощенной аналогией обыска в данном случае, однако если речь идет об осмотре в жилище, то требуется судебное решение, позволяющее ограничить права лица, в жилище которого будет проводиться данное следственное действие. Осмотр же места происшествия в жилище может проводиться только с согласия проживающего в нем лица, на что заинтересованное лицо согласие не даст. Поэтому обычно при расследовании сложного коррупционного преступления проводятся групповые обыски, когда разные группы следователей совместно с оперуполномоченными, понятыми, специалистами одновременно приступают к проведению обысков по разным адресам, это могут быть адреса места работы преступника, места его проживания, пребывания, места проживания лиц, причастных к совершению преступления и так далее.

Целесообразность проведения групповых обысков заключается именно в том, чтобы изъять как можно больше следов преступной деятельности, не позволив при этом уничтожить их заинтересованным лицам. Особое внимание необходимо уделить документации, а именно уставу организации, должностным инструкциям, регламентам, приказам о назначении на должность, приказам о предоставлении отпусков, больничных на лицо, причастность которого к совершению преступления устанавливается в ходе следствия.

В некоторых случаях изымается бухгалтерская документация для проведения бухгалтерской экспертизы, в данном случае если в регионе проводятся данные экспертизы целесообразно привлечь эксперта для участия в следственном действии в качестве специалиста, который подскажет, какого рода документацию необходимо отыскивать и изымать. Кроме этого в некоторых случаях бухгалтерская информация может содержаться на компьютерных носителях в таких программах как, например, «бухгалтерия 1 с». При производстве выемки необходимо

учитывать, что из смысла ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ следует, что при изъятии любых информационных носителей необходимо участие специалиста. В УПК РФ нет определения электронного носителя, однако исходя из практики к ним относят носители для однократной или многократной записи (обычно цифровой) электрическим способом. То есть не важно, что из себя представляет носитель, будь то обычный компакт диск либо компьютер, из которого необходимо извлечь жесткий диск. Специалист может извлечь носитель из компьютера без повреждения, деформации содержащейся на нем информации. В случае, если специалист участвовать не будет, а изымет компьютер или содержащийся в нем жесткий диск оперативный сотрудник или следователь, в последующем при производстве по делу, сторона защиты может ходатайствовать о том, что добытые сведения получены следствием с нарушением закона, что будет служить формальным основанием для признания доказательства недопустимым. То же самое касается и изъятия компакт-дисков и других предметов, относящихся к категории электронных носителей. Однако судебная практика по данному вопросу неоднозначна. Так, из приговора по уголовному делу № 1–9/2018 (1–430/2017), вынесенного Свердловским районным судом г. Иркутска следует, что при рассмотрении уголовного дела по существу стороной защиты было заявлено ходатайство о том, что результаты проведенных в ходе расследования обысков следует признать недопустимыми доказательствами, поскольку изъятие электронных носителей информации осуществлялось без участия специалистов. Однако данное ходатайство суд отклонил, мотивируя это тем, что из протоколов следственных действий следует, что изъятие производилось без вмешательства в технические устройства, без снятия какой-либо содержащейся в них информации, поэтому и участия специалиста для изъятия технических устройств как предметов не требовалось. Дальнейший осмотр изъятых технических устройств производился с участием специалиста. [2] Далее судебная коллегия по уголовным делам Иркутского областного суда соглашается с мотивированными выводами суда первой инстанции о допустимости протоколов обысков как доказательств, ссылаясь на то, что в жалобе защиты отсутствуют доводы, как повлияло на результаты произведенных обысков не участие в нем специалиста по эксплуатации компьютеров и электронных носителей информации. Таким образом, не всегда буквальное нарушение требований ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ является формальным основанием для признания доказательства недопустимым.

Далее на первоначальном этапе расследования проводятся допросы свидетелей с целью закрепления доказательственной базы, выяснения всех обстоятельств совершенного преступления. Расследование может осложняться тем, что свидетелей совершенного преступления нет, однако есть лица, которые косвенно могут указать на незаконное обогащение лица, подтвердить наличие у него нетрудовых доходов, совершение крупных трат, заключение крупных сделок. Очень ценными оказы-

ваются показания свидетелей, которые освобождаются от ответственности в соответствии с примечанием к ст. 291 УК РФ, согласно которому лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки. [3] В таком случае показания, данные свидетелем являются изобличающими.

Не менее важным следственным действием при расследовании преступлений коррупционной направленности является допрос подозреваемого (обвиняемого). Особенность производства данного следственного действия связана с тем, что по данным делам, в некоторых случаях, привлекаются к ответственности лица, имеющие высокий образовательный уровень и социальный статус. Такие лица могут применять и психологические методики в общении с людьми, кроме этого, в стрессовых ситуациях могут контролировать и оценивать свои действия также, как и в обычной ситуации. Ввиду этого оказывать на указанных лиц вразумительное воздействие крайне не просто. Обычно к моменту выяснения обстоятельств следователем или оперативным сотрудником такие лица уже готовы к тому, что у них будут выясняться те или иные обстоятельства совершения преступления, ответы данные ими логичны, выстроены в взаимосвязи друг с другом, не противоречат друг другу. Более того заранее продумана позиция защиты, которая проработана опытным и грамотным адвокатом, в отсутствие которого лицо в каком-либо процессуальном действии участвовать не будет. В таком случае без специальной подготовки перед проведением следственного действия следователь желаемых результатов не получит. При таких обстоятельствах следователь должен быть готов и к возможному нарушению со стороны защитника норм профессиональной этики и даже уголовно-процессуального закона, о чем необходимо делать отметки в протоколе следственного действия, а в последующем выносить представление в адвокатскую палату а также при наличии оснований составлять протокол в соответствии со ст. 118 УПК РФ. Со стороны подозреваемого или обвиняемого могут поступать притворные заявления о плохом самочувствии, о необходимости вызова скорой медицинской помощи для того, чтобы избежать участия в том или ином процессуальном действии. К такому поведению лица необходимо относиться критически. Как правило, в ходе допроса, очной ставки подозреваемый либо обвиняемый пользуется правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ в целях того, чтобы в ходе следствия невозможно было выявить противоречия между его показаниями и иными собранными материалами уголовного дела. [4] Следователь должен оценивать психологическое состояние допрашиваемого и в зависимости от этого применять тактико-психологические приемы. При этом необходимо привести аргументы того, что сотрудничество со

следствием и признание вины может освободить не только от наказания, связанного с лишением свободы на длительный срок, но и от меры пресечения, связанной с лишением свободы, а также указать на наличие уже достаточных собранных доказательств. Кроме этого, УПК РФ предусмотрена возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с главой 40.1 УПК РФ. Подозреваемый или обвиняемый указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. При этом, согласно ч. 2 ст. 62 УК РФ в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом «и» части первой статьи 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Также на первоначальном этапе расследования необходимо назначить экспертизы, в целях соблюдения требования законодательства о разумном сроке уголовного судопроизводства, так как большинство экспертиз проводятся длительное время, особенно если речь идет о таких видах как строительная, бухгалтерская экспертизы, а сроки расследования строго регламентированы.

Судебно-бухгалтерская экспертиза позволяет выявить нарушения в организации ведения бухгалтерского учета, способствовавшие образованию материального ущерба либо сокрытию образовавшейся недостачи; установить условия, способствовавшие совершению злоупотреблений; выявить должностное лицо, ответственное за принятие конкретного решения, повлиявшего на незаконное отражение операции в данных бухгалтерского учета. С помощью судебно-бухгалтерской экспертизы можно также установить схемы легализации денежных средств, отраженные в бухгалтерской документации. При обнаружении в документах, определяющих должностные полномочия государственных и иных служащих, подчисток, исправлений, дописок, они направляются на техническую, почерковедческую экспертизы, для определения времени внесения правок, их авторства и других вопросов. [5] В некоторых случаях проводятся судебно-товароведческие экспертизы в целях установления суммы взятки. Для определения химического состава обработанных специальным веществом предметов взятки — судебная химическая экспертиза. Зачастую по уголовному делу проводятся фоноскопические экспертизы, объектом которых служат видеозаписи, их стенограммы. Здесь важно отметить, что работая с видеозаписью на электронном носителе информации, следователю нужно быть предельно внимательным. Поясню, предоставленная оперативными сотрудниками следователю видеозапись может содержать в себе признаки фальсификации элементов изображения путем удаления участков записи, добавления вставок, а также компьютерной об-

работки отдельных кадров. Для удостоверения того, что видеозапись не имеет признаков фальсификации, целесообразно показать данную запись эксперту. Важно понимать, что в случае фальсификации видеозаписи, все результаты оперативно-розыскной деятельности, основанные на ней, могут быть признаны в суде недопустимыми доказательствами. Так, согласно приговору Иркутского областного суда от 27.06.2013 по делу № 2–29/2013 (2–173/2012;) при исследовании доказательств, просмотрев видеозапись, суд установил, что акт наблюдения, показания свидетелей не совпадают по объёму и содержанию с видеозаписью и стенограммой. Видеозапись, в свою очередь, не совпадает по содержанию со стенограммой. Установлено несоответствие акта наблюдения и видеозаписи по содержанию и объёму. При допросе следователь пояснил, что на его взгляд доказательственное значение имеет лишь момент передачи денег, поэтому часть видеозаписи отсутствует. Такую «укороченную» версию видеозаписи представили ему оперативные сотрудники. Полную версию он не видел. Оперуполномоченный в ходе допроса подтвердил, что следователю и суду предоставлена лишь часть видеозаписи, фиксирующая противоправную деятельность лица. Несовпадение данных, отражённых в акте наблюдения и показаний свидетелей стенограмме и видеозаписи, которая, в свою очередь, не имеет «ни начала, ни конца», суд признаёт существенными недостатками, препятствующих использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе. Установлено, что документы о результатах проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые протоколом осмотра от 06.06.2012 и постановлением от 06.06.2012 признаны и приобщены к уголовному делу в качестве доказательств имеют недостатки, влекущие их недопустимость в качестве доказательств. [6]

Важность проведения фоноскопических экспертиз подтверждается судебной практикой, так заключения данных экспертиз имеют доказательственное значение по делу. Из апелляционного определения Иркутского областного суда по уголовному делу № 22–4471/2017 от 18.01.2018 по ч.3 ст.290 УК РФ следует, что «в обоснование выводов о виновности Ревякина С. С. суд первой инстанции обоснованно сослался в приговоре на заключение компьютерно-технической экспертизы, в ходе которой на телефоне свидетеля О. была обнаружена база данных «Recordings.db», содержащая сведения об аудиозаписи, продолжительностью 238,954988662132 секунд, имя записи «Новая запись.t4a», файл записи «/var/mobile/Media/Recordings/Новая запись.t4a». Суд пришел к обоснованному выводу, о том, что отсутствие на момент исследования записи разговора Ревякина С. С. и К. на телефоне О., не свидетельствует о недопустимости содового телефона О. как вещественного доказательства, и не влечет за собой ничтожность протокола его осмотра, а также диска, на который был скопирован разговор и с которого также была составлена стенограмма, приобщенная к делу. Вопреки доводам апелляционной жалобы осужденного, заключение проведенной по делу судебной

фоноскопической экспертизы подтвердило результаты переговоров между Ревякиным С. С. и свидетелем К. и отсутствие на аудиозаписи признаков монтажа или иных изменений, привнесенных в процессе или после ее окончания, о чем обоснованно сделана ссылка в приговоре суда». [7]

В процессе расследования нередко возникает необходимость получения сведений по счетам, вкладам физического лица в банках и иных кредитных организациях. Однако в уголовно-процессуальном законе нет однозначного требования по процедуре получения данных сведений. С одной стороны, в ч. 3 ст. 183 УПК РФ предусмотрена возможность проведения выемки: «Выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 настоящего Кодекса». Однако ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусматривает возможность истребования предметов и документов до возбуждения уголовного дела. Речь идет о составлении запроса следователем (оперативным сотрудником по поручению следователя) и истребование с его помощью документов. Проблема в том, что УПК РФ не указывает на невозможность истребования сведений, содержащих банковскую тайну и другую охраняемую федеральным законом тайну при проведении проверки в порядке ст. 144 УПК РФ и даже при проведении расследования. Законом предусмотрен способ истребования данных сведений: путем выемки — то есть проведения следственного действия в рамках уголовного дела, по судебному решению и, с другой стороны, путем направления запроса. В данном случае логика законодателя, предусмотревшего альтернативные способы истребования сведений, содержащих банковскую и иную, охраняемую законом тайну, отсутствует. Согласно п. 1.2. ч. 1 ст. 144 УПК РФ «полученные

в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса». Понятие запроса в УПК РФ отсутствует, порядок его составления, форма также не регламентированы. Упоминается данный вид документа в ч. 2 ст. 7 ФЗ № 403 от 28.12.2010 «О Следственном комитете РФ»: «требования (запросы, поручения) сотрудника Следственного комитета, предъявленные (направленные, данные) при проверке сообщения о преступлении, проведении предварительного расследования или осуществлении других полномочий, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными и иными лицами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок». [8] В связи с вышеизложенным в правоприменительной деятельности возникают определенные трудности, связанные с признанием доказательств недопустимыми.

Таким образом, грамотное, спланированное производство следственных действий на первоначальном этапе расследования позволит собрать и закрепить достаточно доказательств совершения преступления, причастности лица к совершенному преступлению; дальнейшее проведение всех необходимых следственных действий позволит обеспечить полноту и объективность расследования, устранить противоречия, после чего направить уголовное дело в суд. Одновременно, неукоснительное соблюдение процессуального закона и грамотное применение следователем результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании коррупционных преступлений имеет важное значение для привлечения виновных к уголовной ответственности, предотвращает возможное прекращение уголовного дела на стадии предварительного следствия и оправдания преступника в ходе судебного разбирательства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 173-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.)
2. Приговор Именем Российской Федерации [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 13.02.2020)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.)
4. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) от 12 декабря 1993 г.
5. Ищенко, Е. П. Топорков, А. А. Криминалистика. М.: Проспект. 2011. с. 219. 13 Кузьмин М. Н. Методы преодоления противодействия при расследовании преступлений, совершенных лицами, по должности обладающими правовым иммунитетом // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. с. 107.
6. Приговор Именем Российской Федерации [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal>. (дата обращения: 13.02.2020)
7. Апелляционное определение Иркутского областного суда [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html>
8. ФЗ № 403 от 28.12.2010 «О Следственном комитете Российской Федерации» (ред. от 28.12.2010 г.)

Проблемы, возникающие при расследовании преступлений коррупционной направленности и возможные способы их преодоления

Смирнов Виктор Александрович, кандидат юридических наук, зав. кафедрой;
Гойник Анна Алексеевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Ключевые слова: противодействие следствию, проблемы расследования, расследование преступлений коррупционной направленности.

Расследование преступлений коррупционной направленности является одним из наиболее сложных по разным причинам. Данная категория преступлений характеризуется скудной следовой картиной. В большинстве случаев отсутствуют свидетели совершения самого преступления. Участники совершенного преступления, к примеру, взяточдатель либо посредник, заинтересованы в положительном исходе преступного деяния. Ввиду высокой латентности раскрыть и доказать данную категорию преступлений крайне непросто.

В ходе расследования уголовного дела коррупционной направленности нередко следователи сталкиваются с активным противодействием со стороны лиц, причастных к совершению преступления, чьи интересы и репутация затрагиваются.

В криминалистике выделяют внутреннее и внешнее противодействие. Под внутренним понимается противодействие, оказываемое лицами, причастными к расследованию с целью изменить или скрыть криминалистически значимую информацию. Внешнее противодействие — это деятельность лиц, не связанных с расследуемым событием и следователем, либо связанных со следователем процессуальными, служебными или иными властными отношениями, или другими зависимостями. К наиболее распространенной форме противодействия относится сокрытие преступлений, которое включает такие способы, как утаивание, маскировка, уничтожение, подделка (фальсификация) информации. Если речь идет о лицах, обладающих правовым иммунитетом по должности, то в данном случае противодействие следствию выражается в воздействии на источники криминалистически значимой информации до выявления совершенного преступления, а также в воспрепятствовании в любой форме производству всестороннего, полного и объективного расследования.

Совершенное коррупционное преступление подчиненным лицом, это всегда репутационный риск для руководства. Во избежание отставок, привлечения к уголовной ответственности, данные лица задействуют свои социальные связи, знакомства, в некоторых случаях свои полномочия для того, чтобы узнать, какие доказательства есть у следствия, о перспективах расследования; пытаются воздействовать на следователя, его руководство для того, чтобы выработать сообразную выигрышную позицию защиты, а также чтобы следователем было при-

нято решение о прекращении уголовного дела либо о его переквалификации и прекращении. Для сокрытия следов преступления, лицо может установить коррупционные связи с субъектами ведомственной служебной проверки. Следователь, назначая проведение служебной проверки в основном получает заключение о том, что каких-либо нарушений выявлено не было, либо же нарушения выявлены, но незначительные. В данном случае, речь не всегда идет о том, что имеются какие-либо коррупционные связи между лицом, совершившим преступление и проверяющим, здесь имеется ввиду вопрос престижа и авторитета учреждения и эффективности работы руководства.

Кроме того, сложность расследования подобной категории уголовных дел обуславливается тем, что совершение сложных многоэпизодных коррупционных преступлений заранее планируется лицами их совершающими, а именно продумываются способы сокрытия следов преступления, версии защиты, которые могут быть подкреплены показаниями свидетелей, какими либо документами. Зачастую, чтобы скрыть совершенное коррупционное преступление субъект формально соблюдает процедуру, придерживается формальных требований, придает своему действию ту форму, которая не противоречит его обязанностям, закрепленным в законе, должностной инструкции. Например, преподаватель формально проводит процедуру сдачи экзамена взяточдателя, якобы проверяя его знания по предмету, при этом объективно уровень владения материалом не проверяет, последний получает положительную оценку, не соответствующую его знаниям; либо директор муниципального унитарного предприятия, являясь представителем предприятия, формально заключает договор купли продажи с лицом, искусственно завышая стоимость предмета договора, присваивая себе часть бюджетных средств; либо же заместитель главного врача медицинского учреждения, являясь по совместительству заведующим отделением, формально проводит осмотр взяточдателя, оформляет медицинские документы, выдает взяточдателю медицинское заключение, согласно которому у последнего выявлены признаки заболевания, препятствующего прохождению военной службы, хотя на самом деле взяточдатель данным заболеванием не страдает. Таким образом субъект преступления формально исполняя требования должностной инструкции, иных актов, содержание которых нарушает, маскируя противоправный характер

выполняемых действий. Выполняемым противоправным действиям придается вид законных путем проведения обсуждений, созыва комиссий, составления протоколов, оформления документов, фальсификации документов, что образует уже другой состав преступления, который следователь также должен вменить. В данном случае речь идет о ст. 327 УК РФ. В ряде случаев субъект преступления заранее продумывает, каким образом сможет уйти от ответственности, а именно совершает действия, формально соответствующие должностной инструкции, в присутствии свидетелей, которые в ходе опроса или допроса подтверждают, что он (субъект) свои обязанности выполнял в соответствии с требованиями, что существенно может повлиять на ход расследования. Например, преподаватель в присутствии других студентов, тестирует студента взяточника по тому вопросу, который ранее им был подготовлен по предварительной договоренности. У свидетелей складывается впечатление, что взяточник действительно показал уровень знаний, соответствующий положительной оценке. Либо же если следователь устанавливает факт передачи денежных средств преподавателю, то последним выдвигается версия о том, что данные денежные средства он действительно получал от студента, но за услуги репетиторства. Далее находятся те лица, которые подтверждают данный факт, так как видели или сами пользовались такими услугами. Оспорить данные контрдоказательства в ходе следствия непросто. В данном случае необходимо приобщать к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств результаты оперативно-розыскной деятельности, свидетельствующие о совершении преступления.

Также противодействуя следствию, с целью сокрытия следов совершенного преступления, лицо, совершившее преступление может инициировать изготовление подложных документов, которые в дальнейшем будут использоваться субъектом преступления. Например, при производстве проверки в порядке ст. ст. 144–145 УПК РФ [1], когда следователь для анализа или производства судебной экспертизы либо исследования, запрашивает данные документы или производит их выемку в ходе осмотра места происшествия.

Также нужно отметить, что к одной из самых острых проблем доказывания по данной категории дел относится проблема установления должностных обязанностей лица. К примеру, при расследовании дела в отношении заместителя главы муниципального образования следователь сталкивается с тем, что данный заместитель действительно имеет властные полномочия, которые использует в своих интересах. Однако у данного чиновника нет никаких должностных инструкций, нигде не прописаны его полномочия. Действующее законодательство и сложившаяся судебная практика требуют, чтобы в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого было прописано, что нарушил, чем злоупотребил, сослаться на конкретную должностную инструкцию, на конкретный пункт, так как данное обстоятельство входит в предмет

доказывания по данной категории дел. Таким образом, необходимо на законодательном уровне предусмотреть обязанность для органов исполнительной власти разных уровней четкой регламентации должностных полномочий должностных лиц, а также предусмотреть ответственность за нарушение данной нормы.

По мнению Кузьмина М.Н., недостаточно эффективное преодоление противодействия расследованию — одна из основных причин количественного и качественного ухудшения показателей деятельности органов предварительного расследования, этими же причинами объясняется высокий уровень латентности преступлений, совершенных лицами с особым правовым статусом в России. [2] Ввиду загруженности следователя, в некоторых случаях его непрофессионализма в силу отсутствия опыта расследования данной категории преступлений, уровень следствия не всегда соответствует уровню противодействия следствию. В таких случаях необходимо проводить учебные мероприятия, где освящать тактические рекомендации, выявлять уязвимые места для соответствующего преодоления противодействия.

Материалы судебно-следственной практики относят к числу основных мер по преодолению противодействия расследованию преступлений, совершенных лицами с особым правовым статусом, меры, направленные на неразглашение данных предварительного расследования при проверке сообщений о преступлении, о планах производства следственных действий; — применение мер принуждения в отношении участников уголовного судопроизводства; — осуществление оперативно — розыскных мероприятий, направленных на выявление и устранение воздействия на следователя, потерпевшего и свидетелей со стороны лиц, связанных с преступниками; — пресечение воздействия на понятых, специалистов и экспертов; — обеспечение мер безопасности участникам уголовного процесса. Законодательно предусмотрена возможность обеспечить защиту свидетелей в соответствии с ФЗ № 119 от 20 августа 2004 года «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Однако многие положения данного закона несовершенно, содержат оценочные понятия в принципиально важных нормах, так, например, ч. 1 ст. 16 данного закона гласит: «Основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы безопасности защищаемого лица». [3] Что именно законодатель подразумевает под реальностью угрозы, в законе не сказано. Такие положения дают правоприменителю возможность отказать в удовлетворении ходатайства о применении мер защиты. Кроме этого, зачастую, чтобы свидетель дал показания, необходимость обеспечения мер безопасности свидетелей возникает до того, как появятся реальные угрозы по отношению к данному свидетелю. Целесообразным в современных условиях является усилить меры по защите лиц, способствующих раскрытию коррупционных преступлений, лиц, которые готовы оказать содействие в раскрытии преступлений. Для этого необходимо внести изменения в вышеуказанный закон, что

позволит шире использовать институт государственной защиты свидетелей, кроме этого, необходимо во взаимодействии со средствами массовой информации проводить работу по разъяснению гражданам законодательных, экономических государственных мер по защите свидетелей и потерпевших.

Для более эффективного преодоления противодействия следствию необходимо внести изменения в УПК РФ, направленные на упрощение процедуры привлечения к уголовной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом; — интенсивнее использовать институты дисквалификации и отрешения от должности в связи с утратой доверия. На данный момент для того, чтобы лицо отстранить от должности на время проведения предварительного следствия, требуются подчас титанические усилия, что сводит на нет интенсивную работу следователей. А ведь без отстранения лица от должности невозможно добиться минимизации его влияния на свидетелей и потерпевших, работающих в его подчинении. В этой связи возможно предусмотреть дополнительные гарантии в рамках трудового законодательства, например, урегулировать институт дисциплинарного воздействия на работника, являющегося

свидетелем по делу либо потерпевшим, предусмотреть гарантии сохранения рабочего места либо предоставления такого же уровня работы в ином учреждении.

Особую роль в минимизации противодействия следствию играет деятельность по пресечению фактов нарушения УПК РФ сотрудниками органов предварительного следствия. Ведь, в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Сторона защиты в таком случае имеет возможность оспорить основные доказательства по делу, что может сказаться на итоговом решении суда.

В заключении, отметим, что исходя из практики, расследование уголовных дел может быть ещё эффективней при рассмотрении вопроса о заключении досудебного соглашения ещё до возбуждения уголовного дела с предоставлением лицам, осуществляющим поддержку в раскрытии преступлений, определённых гарантий и минимального наказания, а в отдельных случаях и освобождение от уголовной ответственности.

Таким образом, в рамках борьбы с коррупцией необходимо совершенствовать процесс расследования данной категории преступлений.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 173-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.)
2. Кузьмин, М.Н. Методы преодоления противодействия при расследовании преступлений, совершенных лицами, по должности обладающими правовым иммунитетом // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. с. 107.
3. ФЗ № 119 от 20 августа 2004 года «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 07 февраля 2017 г.)

Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних

Сосновская Екатерина Алексеевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье проанализированы нормы, регламентирующие виды и особенности уголовной ответственности несовершеннолетних. Также автором обозначены отличительные признаки уголовной ответственности несовершеннолетних от ответственности совершеннолетних лиц.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетние, назначение наказания, преступность несовершеннолетних.

В современных условиях развития и существования Российского государства нельзя отрицать тот факт, что проблема, связанная с преступностью несовершеннолетних, стоит особенно остро — это связано, в том числе, с недостатками в воспитании, с негативными социальными процессами, протекающими в современном обществе, а так же с несовершенством системы предупреждения преступности. На сегодняшний день на первое место в числе важнейших мер, связанных с предупреждением преступности несовершеннолетних, уверенно

вышла уголовная ответственность. Уголовная ответственность несовершеннолетних представляет собой реакцию общества в ответ на противопоставленное ему противоправное поведение несовершеннолетних.

Следует отметить, что эффективность уголовной ответственности несовершеннолетних, безусловно, зависит от важнейших принципов дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Однако, не стоит забывать и о том, что возможность реализации этого принципа на практике во многом связана с наличием у су-

дебных органов возможности применять по отношению к несовершеннолетним весь спектр уголовно-правовых мер, предусмотренных законом.

В настоящее время в обществе существует много различных проблем, но преступность несовершеннолетних является одной из самых важных и серьезных проблем современности. Она обусловлена различными факторами, прежде всего, сложной криминальной ситуацией в государстве и увеличением количества преступлений, совершаемых лицами, не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности.

Говоря о несовершеннолетнем в уголовном праве, необходимо определить, каких лиц можно относить к данной категории. Закон определяет (ч. 1 ст. 87 УК РФ) что несовершеннолетним признается лицо, которому к моменту совершения опасного деяния исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. Таким образом, возрастные границы определены в самом уголовном законе. Нижняя возрастная граница вытекает из определения ч. 2 ст. 20 УК РФ, в которой указаны составы преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, верхние возрастные рамки определяется общепринятым правовым мнением, из которого следует, что совершеннолетие наступает с 18 лет. Таким образом мы обозначили один из признаков понятия «несовершеннолетний».

Наше исследование не будет полным без определения обязательного признака субъекта уголовно — правовых отношений. Таким признаком является вменяемость. Вменяемость, как признак субъекта уголовной ответственности, также привлекал внимание многих ученых юристов. Нужно отметить что определение вменяемости отсутствует в уголовном законе, предполагается что вменяемость является антиподом невменяемости, определение которой дано в ст. 21 УК РФ. «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики».

По мнению Б. А. Спасенникова, это утверждение является ошибочным, утверждая, что вменяемость — это обязательный признак субъекта преступления, а невменяемость свидетельствует об отсутствии этого элемента состава преступления. На его взгляд, З.А. Астемиров справедливо указывает, что вменяемость не следует рассматривать антигипотезой невменяемости.

Уголовная ответственность несовершеннолетних — это особая категория, так как ответственность данных лиц отлична от той, которую несут совершеннолетние преступники.

В первую очередь необходимо отметить то, что основной проблемой является непосредственно возраст наступления уголовной ответственности. Обратимся к определению понятия «несовершеннолетний» данное в уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ). В ч. 1 ст. 87 УК РФ

указывает на то, что лица, которым на момент совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет, являются несовершеннолетними.

Таким образом, законодатель закрепляет низший и высший уровень возраста для признания лица несовершеннолетним. Но не за все преступления уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет, только за отдельные составы преступлений, которые перечисляются законодателем в ч. 2 ст. 20 УК РФ. К ним законодатель относит убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, кража, грабеж, разбой, вымогательство, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и др.

За преступления, которые не вошли в данный перечень, уголовная ответственность наступает с шестнадцатилетнего возраста.

Многие отечественные ученые и практика выступают с предложением о том, что необходимо брать пример с зарубежного законодательства и установить возраст уголовной ответственности с 12 лет.

Закрепление законодателем границ возраста, с которого наступает уголовная ответственность за совершенные преступления, подразумевает собой то, что на момент совершения преступления в указанном возрасте несовершеннолетний в состоянии оценить свои действия, то какой характер они носят и ту общественную опасность, которую может причинить подросток своими противоправными действиями.

Если подросток не понимает и не осознает реальную опасность от своих противоправных действий, то законом он освобождается от уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ). В данном случае для установления того, что ребенок не может осознавать последствия своих противоправных действий, проводится судебно-психологическая экспертиза для компетентного исследования личности подростка и вынесения заключения о том, что несовершеннолетний имеет признаки отставания в психическом развитии. Если же экспертиза покажет обратное, то по данному основанию несовершеннолетний не может быть освобожден от уголовной ответственности и в случае признания судом его виновности должен понести наказание.

По нашему мнению, снижение возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних недопустимо при существующей в стране системе профилактики, пенитенциарной системе, которая на данный момент не выполняет своих задач по перевоспитанию несовершеннолетних.

Итак, в ст. 20 УК РФ установлен минимальный возраст, при достижении которого лицо может считаться субъектом преступления — четырнадцать лет. Малолетние, не достигшие данного возраста, не могут нести уголовную ответственность. Законодатель исходит из того, что ребенок до 14 лет не может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. В то время как, лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, нахо-

дятся на таком уровне интеллектуального, волевого развития и социальной зрелости, который позволяет им принимать осознанные решения, избирать модель поведения, адекватно оценивать социальную направленность своих поступков и нести за них ответственность. Что касается исчерпывающего перечня деяний, за которые ответственность наступает с четырнадцати лет, то осознание их антисоциальной направленности, общественной опасности очевидна и доступна для понимания и в этом возрасте.

Несмотря на достаточно большое количество нормативно-правовых актов, регулирующих уголовную ответственность несовершеннолетних, как на национальном, так и на международном уровне, нельзя говорить о том, что система уголовной ответственности несовершеннолетних является безупречной. Эта система нуждается в постоянном обновлении и актуализации в связи с особенностями развития современного общества, она требует постоянного улучшения, как на государственном, так и на мировом уровне. В научной среде, в частности, возникало предложение о создании единого нормативно-правового акта, с учетом особенностей международного права, регулирующего вопросы ответственности несовершеннолетних, особенности привлечения несовершеннолетних к ответственности, а также содержал бы в себе особенности процесса отбывания наказания.

Также не стоит забывать о перенимании опыта зарубежных стран в части мер воспитательного воздействия, специализированных санкций и других способов действительного исправления и воспитания несовершеннолетних преступников.

Уголовная ответственность несовершеннолетних несколько отлична от уголовной ответственности совершеннолетних. Обусловлено это, прежде всего, тем, что при назначении наказания также учитываются условия жизни подростка, уровень его воспитания, психического развития, способности адекватно оценивать свои действия, степень социальной и физиологической зрелости. Большое значение имеют причины, побудившие подростка совершить противоправное деяние. Все это производится для того, чтобы максимально объективно вынести наказание, закрепленное законодательством.

Криминологические исследования и статистические данные свидетельствуют, что совершение общественно опасных деяний в несовершеннолетнем возрасте существенно повышает их рецидив, а рецидивная преступность и ее стремительный рост, в свою очередь, напрямую связаны с преступностью несовершеннолетних. Так, на фоне общего уменьшения количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, количество лиц несовершеннолетнего возраста, ранее совершавших преступления, остается примерно на одном уровне — около 13 тысяч. Это свидетельствует о том, что такие цели наказания, указанные в ст. 43 УК РФ, как исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, не достигаются, несмотря на достаточно обширный спектр уголовно-правовых мер, применяемых в отношении несовершеннолетних.

При установлении того или иного вида наказаний для несовершеннолетних, законодатель руководствовался в первую очередь принципами гуманизма и справедливости, учитывал возрастные и социально — психологические особенности физических лиц, не достигших совершеннолетия. Учитывая вышеизложенное, мы можем отметить, что перечень наказаний, которые могут применяться к несовершеннолетним, очень ограничен. Действительно, несовершеннолетние не могут подвергаться последующим наказаниям: лишение права занимать определенные должности; лишение специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; ограничение по воинской службе; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; пожизненное лишение свободы; смертная казнь.

При этом, при назначении наказания минимальный срок, установленный ст. 163 УК РФ делится пополам, а в ходе рассмотрения учитываются не только обстоятельства совершения преступления, но и социальная обстановка в семье обвиняемого, сведения характеризующее его из образовательного учреждения и от участкового уполномоченного, повторность или первичность совершения деяния. Если суд назначает наказание в виде штрафа, то при наличии дохода лицо в возрасте от 14 до 18 лет выплачивает его самостоятельно, если собственных средств нет, то его законные представители.

Уголовным кодексом РФ не предусматриваются какие-либо новые виды наказаний. В отличие от совершеннолетних, к которым могут применяться все двенадцати видов наказаний, указанных в статье 44 УК РФ, к несовершеннолетнему применимо только шесть из них. К ним относятся: штраф, лишение права заниматься определённой деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определённый срок. В целях последующей гуманизации уголовной ответственности несовершеннолетних закрепляются значительные ограничения сроков наказания, которые уменьшены в отношении несовершеннолетних практически в два раза.

Виды наказаний, которые можно применить к несовершеннолетнему, ограничены и указанный в УК РФ перечень является исчерпывающим. По словам В. Г. Ермакова данный перечень является не корректным. Объяснением этому служит то, что применение ареста и обязательных работ в РФ на практике отсутствует.

Штраф как наказание в отношении несовершеннолетнего достаточно проблемно исполнить на практике, так как чаще всего в данном случае подросток не является платежеспособным и оплату штрафа производят его родители (опекуны).

Стоит отметить, что ограничение свободы, в соответствии с ч. 5 ст. 88 УК РФ может быть применено в отношении несовершеннолетних только как основное наказание (хотя в практике применения данного вида наказания наблюдалось и его назначение в качестве дополнительного и может быть назначено на срок от двух месяцев до двух лет. Социальное значение такого переосмысления ранее существовавшей нормы заключается в уменьшении

её репрессивности, предоставлении несовершеннолетнему осуждённому относительной свободы передвижения, возможности поддержания социально полезных связей с обществом, родными, близкими, сверстниками, друзьями.

Таким образом, постоянный поиск новых, наиболее эффективных приемов и способов обращения с несо-

вершеннолетними правонарушителями должен стать обычной практикой, как среди представителей научной общности, так и среди практических работников различных правоохранительных, социальных и медицинских служб, так или иначе связанных с правонарушениями несовершеннолетних.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. — 10 декабря 1998 г. — № 325.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63 — ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // СПС Консультант Плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.01.2019).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019).
5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2011. — № 4.
6. Быстров, В.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних в России и за рубежом // Молодой ученый. — 2016. — № 8.1. — с. 3–5.
7. Ермаков, В.Г. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник ВИ МВД России. — 2017. — № 2. — с. 23–27.
8. Иванов, О.В. Уголовные наказания, применяемые к несовершеннолетним, по уголовному законодательству России и стран ближнего зарубежья / О.В. Иванов // В сборнике: Государственное и муниципальное право: теория и практика Сборник статей Международной научно — практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. Уфа, 2015. — с. 43.
9. Ожгибесова, В.М. Уголовная ответственность как специальная мера профилактики преступности несовершеннолетних // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. — Курск, 2014. — с. 183–185.
10. Спасенников, Б.А. Невменяемость в уголовном праве. / Спасенников С.Б. — М.: «Юрлитинформ», 2013.
11. Сутурин, М.А. Система наказаний в отношении несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. — 2016. — № 2 (73). — с. 101–105.

Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий на примере государственных программ

Темченко Дарья Павловна, магистрант юридического факультета
Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

Государственные программы представляют собой правовой механизм решения проблем устойчивого социально-экономического развития сельских территорий за счет повышения занятости, доходности и улучшения качества жизни сельского населения, рационального использования их природно-ресурсного потенциала, сохранения территориальной целостности страны. В статье рассматриваются меры государственной поддержки села и разработан ряд предложений по их корректировке.

Ключевые слова: устойчивое развитие, сельские территории, правовое регулирование.

Обеспечение продовольственной безопасности субъекта и страны в целом, воспроизводство трудовых ресурсов, сохранение народных традиций — все это является одной из основных функций сельской территории,

чрезвычайно важной и в экономическом и социальном аспектах. В связи с этим устойчивое развитие сельских территорий является одной из основных целей современной государственной политики. Для ее достижения в последние годы сформирован набор инструментов правового регулирования.

Уже не раз высказывались предложения о разработке специального федерального закона, посвященного устойчивому развитию сельских территорий. Однако в настоящее время, несмотря на ряд проведенных научных исследований, еще недостаточно четко сформировалось само понятие устойчивого развития сельских территорий, а также направлений, по которым должно осуществляться такое развитие, круга проблем, которые охватывает обеспечение этого развития, и тех правовых средств, которые можно было бы применить к решению этих проблем [6].

Одно из первых и наиболее часто цитируемых определений термина «устойчивое развитие» предложено Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию в докладе «Наше общее будущее» в 1987 году, под которым понимается развитие человечества, позволяющее удовлетворять потребности сегодняшнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять их собственные потребности.

В российском законодательстве понятие устойчивого развития сельских территорий впервые было закреплено в статье 5 Федерального закона от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», где под ним понимается стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель [1].

Действительно, проблемы обеспечения занятости сельского населения, доступности для него социальных услуг, комплексного развития сельских населенных пунктов, включающего как строительство дорог и иной инфраструктуры, так и сохранение окружающей природной среды и традиционного образа жизни являются актуальными. И одним из основных правовых инструментов развития села выступает разработка целевых программ, регламентирующих направления, формы и размеры государственной поддержки развития экономики и социальной сферы сельских территорий. Данные государственные программы помимо четкого определения целей и задач, сроков исполнения и ресурсного обеспечения проектировок регионального развития предполагают осуществление постоянного контроля их реализации. [7].

Во исполнении Указа Президента России № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [5] разработана и утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 № 696 государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» (далее — Госпрограмма) [4].

Стоит отметить, что в часть ведомственных проектов Госпрограммы включены мероприятия ранее действовавшей ведомственной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий (далее — Госпрограмма УРСТ) [3].

На сегодняшний день в федеральном законодательстве не определено понятие сельской территории, а право определять статус населенного пункта принадлежит субъектам Российской Федерации. Под сельскими территориями в Госпрограмме понимаются сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района, сельские населенные пункты, рабочие поселки, входящие в состав городских округов (за исключением городских округов, на территории которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации), городских поселений и внутригородских муниципальных образований г. Севастополя» [4]. Указанное определение не содержит конкретных критериев отнесения органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации того или иного рабочего поселка к сельской территории.

В Госпрограмме приведена формула расчета субсидии, предоставляемой бюджету субъекта Российской Федерации на соответствующий финансовый год, аналогичная формула действовала в Госпрограмме УРСТ. Расчет субсидий на улучшение жилищных условий в сельской местности гражданам, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам, субъектам по данной формуле в 2019 году привел к диспаритету распределения субсидий. К примеру, из 1457,7 млн. рублей, предусмотренных Сибирскому федеральному округу на реализацию мероприятий по улучшению жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, в том числе молодых семей и молодых специалистов, 774,0 млн. рублей направлено Алтайскому краю, что в 10 раз больше, чем направлено Новосибирской области (77,6 млн. рублей) [2].

В настоящее время на уровне Российской Федерации отсутствуют отдельные (самостоятельные) программы в рамках реализации которых было бы возможным привлечение средств федерального бюджета на территорию субъектов на строительство газовых сетей в сельской местности. Госпрограммой предусмотрена реализация мероприятий, направленных на развитие инженерной инфраструктуры на сельских территориях. Однако софинансирование за счет средств федерального бюджета данных мероприятий с 2022 года не предполагается.

Еще одной проблемой развития сельских территорий является старение кадров, в связи с этим привлечение молодых специалистов одна из важных задач. Госпрограммой предусмотрены мероприятия, направленные на оказание содействия сельскохозяйственным товаропроизводителям в обеспечении квалифицированными специалистами, предусматривающие возмещение работодателям, осуществляющим деятельность на сельских

территориях, до 30 процентов фактически понесенных затрат по заключенным с работниками, проходящими обучение в федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, ученическим договорам. Однако данная мера государственной поддержки не предусматривает возмещение затрат по заключенным ученическим договорам с гражданами, поступающими на обучение в федеральные государственные образовательные организации высшего образования и заключившими соглашения с работодателем о трудоустройстве на сельской территории по окончании указанных образовательных организаций.

На основании изложенного автором разработан ряд предложений для внесения изменений в Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на мероприятия Госпрограммы:

1. Указанное в Госпрограмме определение «сельской территории» не содержит конкретных критериев отнесения органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации того или иного рабочего поселка к сельской территории. В связи с этим необходимо сформулировать более четкие критерии отнесения рабочих поселков к сельской территории либо определить, что критерии отнесения рабочих поселков к сельской территории устанавливаются органами исполнительной власти субъек-

екта Российской Федерации, либо использовать понятие из ранее действующей Госпрограммы УРСТ.

2. Для предотвращения диспаритета в распределении субсидий субъектам Российской Федерации, расчет субсидий целесообразно производить пропорционально численности сельского населения в регионах.

3. В целях повышения уровня газификации сельских территорий, необходимо продлить реализацию мероприятия строительства газовых сетей до 2025 года (на период действия Госпрограммы).

4. Необходимо включить в мероприятия Госпрограммы возмещение затрат по заключенным ученическим договорам с гражданами, поступающими на обучение в федеральные государственные образовательные организации высшего образования и заключившими соглашения с работодателем о трудоустройстве на сельской территории по окончании указанных образовательных организаций, что положительно повлияет на решение проблемы кадрового обеспечения.

5. Всем государственным и муниципальным органам власти, бизнесу, с учетом инициатив сельских жителей, необходимо активизировать работу по участию в мероприятиях Госпрограммы, максимально использовать возможности для привлечения средств федерального бюджета в регион для улучшения условий жизни и социально-экономического развития сельских территорий.

Литература:

1. О развитии сельского хозяйства: федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.2007, № 1 (1 ч.), ст. 27.
2. О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов: федеральный закон от 29.11.2018 № 459-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 03.12.2018, № 49 (часть VI), ст. 7531 (прил. 22 (продолжение), прил. 23, 26, 27, 31–33, 35–39).
3. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 08.02.2019) // «Собрание законодательства РФ», 06.08.2012, № 32, ст. 4549.
4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 № 696 (ред. от 17.10.2019) «Собрание законодательства РФ», 10.06.2019, № 23, ст. 2953.
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) // «Собрание законодательства РФ», 14.05.2018, № 20, ст. 2817.
6. Минина, Е. Л. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий // Под ред. С. С. Собянина и др. Журнал российского права. — Юридическое издательство «Норма», 2019. с. 31–38.
7. Петросянц, В. З., Ниналалова Л. Г. Программно-целевые методы в системе регулирования развития проблемных регионов // Журнал Региональные проблемы преобразования экономики, 2016. С 63–70.
8. Темченко, Д. П. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий: программно-целевой подход // VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, февраль 2020 г.) / Под ред. И. Г. Ахметова и др. — Казань: Молодой ученый, 2020. с. 27–31.

Трансграничная несостоятельность (банкротство) в международном частном праве

Уварова Юлия Александровна, студент

Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Правовые системы государств различно регулируют институт несостоятельности (банкротства), в связи с этим возникают проблемы при установлении применимого права.

В юридической литературе понятие «трансграничная несостоятельность» достаточно дискуссионное. Это предопределяется тем, что отсутствует легальное определение рассматриваемого термина.

Представляется целесообразным под трансграничной несостоятельностью понимать совокупность правоотношений по поводу несостоятельности лица, осложненных иностранным элементом. Данное определение отражает как процессуальные аспекты, так и материальные аспекты трансграничной несостоятельности [2, с. 3].

К видам иностранного элемента в трансграничной несостоятельности относятся:

- иностранные по отношению друг к другу кредиторы и должник;
- иностранные по отношению друг к другу участники (учредители) — юридического лица и сам должник;
- наличие имущества должника за рубежом;
- возбуждение в отношении одного и того же должника производств по делу о несостоятельности в двух и более государствах [4, с. 452].

В настоящее время существует две модели регулирования трансграничной несостоятельности (банкротства):

- принцип универсализма;
- принцип территориализма.

Универсализм, как модель правового регулирования трансграничной несостоятельности основан на двух принципах: принцип универсальности процедуры, то есть в процедуру банкротства включается вся совокупность имущества должника и судебные акты имеют экстерриториальный характер; принцип единства производства по делу о несостоятельности, согласно которому дела о банкротстве в отношении всех кредиторов и всего имущества должника рассматривается одним судом.

Противоположной моделью правового регулирования трансграничной несостоятельности является территориализм. Данная модель предполагает параллельное и самостоятельное рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) одного и того же должника в разных государствах.

Данные модели регулирования не применяются в чистом виде. Поэтому были разработаны модифицированные модели: территориализм, основанный на сотрудничестве (страны общего права) и модифицированный универсализм (в странах Европейского союза) [1, с. 89].

Проблема применимого права является одной из основных для трансграничной несостоятельности.

Установление применимого права необходимо для определения оснований возбуждения дела, процедуры банкротства, круга возможных должников, режима имущества должника, состав конкурсной массы, порядка предъявления требования кредиторов и другое.

В рамках модифицированной модели территориализма регулирование процедур несостоятельности (банкротства) полностью подчиняется праву суда (*lex fori*), что исключает неопределенность в выборе применимого права. В свою очередь, в рамках модифицированной модели универсализма применимое право устанавливается с помощью концепций «центра основных интересов» и «места ведения основной деятельности должника», а производство по делу о несостоятельности (банкротстве) регулируется правом того государства, в котором оно ведется [3, с. 10].

Проблема применения права страны суда чаще всего становится почвой для злоупотреблений, мотивом для выбора благоприятной юрисдикции должников. Также право страны суда не всегда может быть единственным применимым правом в случаях трансграничной несостоятельности.

Ярким примером злоупотребления правом является дело *Maxwell Communication Corporation*, где Апелляционный суд второго округа США отказался рассматривать вопрос экстерриториальности, основывая свое решение на доктрине международной вежливости, исключающей применение американского закона, так как в данном деле интересы английского кредитора имеют преимущества [7].

В деле *Maxwell Communication Corporation* суды исходили не из формального подхода применения коллизийной привязки «*lex fori*», а из фактических обстоятельств дела, основывая свои выводы на основных началах справедливости.

Разрешая проблему неприменимости права страны суда к некоторым правоотношениям, возникающих при трансграничной несостоятельности следует выявить какие пути решения предлагает юридическая наука.

Michael Bütter предлагает оградить от действия принципа «*lex fori concursus*» право, применимое к обязательствам должника, в том числе в отношении недействительности сделок; право, применимое к обеспечению требований кредиторов; право, определяющее личный закон должника; право, регулирующее порядок назначения руководителей должника [6].

В. В. Ярков предлагает исключить из-под действия данного принципа право места расположения недвижимого имущества; право, регулирующее возникновение вещных прав; право, применяемое к трудовым правоотношениям; право регистрации вещных прав; право государства, судом которого производится процессуальное действие по поручению [5, с. 298].

Вышесказанное позволяет заключить, что единый подход к определению исключений из принципа «lex fori concursus» в юридической доктрине не сформировался.

Следует учитывать, что определение применимого права зависит от характера правоотношения. Например, к правоотношениям работников как кредиторов и должника должна применяться коллизионная привязка «lex fori concursus», а к правоотношениям работников, продолжающих трудовые, и должника следует применять специальную коллизионную привязку [3, с. 82].

На основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что под трансграничной несостоятельностью (банкротством) следует понимать совокупность правоотношений по поводу несостоятельности лица, осложненных иностранным элементом. При определении применимого права суду следует учитывать характер правоотношений, а также возможность злоупотреблений сторон. В целях сохранения конкурсной массы должника и пресечения злоупотреблений судам надлежит анализировать каждую сделку на предмет выгоды применимого права для заинтересованной стороны.

Литература:

1. Лиджанова, А.Э. Трансграничная несостоятельность (банкротство): проблемы правового регулирования. Статья/ А.Э. Лиджанова// — Москва Изд-во Стартап, Вып. 4, 2015. — 84–93 с.
2. Мохова, Е.В. Несостоятельность, осложненная иностранным элементом: вызовы российской судебной практики. Статья/ Е.В. Мохова// — Москва Изд-во Юрист, Предпринимательское право, Вып. 2., 2013. — 2–10 с.
3. Рягузов, А.А. Правовое регулирование трансграничной несостоятельности. Дисс. канд. юрид. наук/ А.А. Рягузов// — Москва, 2008. — 229 с.
4. Карелина, С.А. Институт несостоятельности (банкротства) в таблицах и схемах: Учебно-методическое пособие/ С.А. Карелина// — Москва Изд-во Юстицинформ, 2017. — 476 с.
5. Ярков, В.В. Конкурсное производство. Учебно-практический курс/ В.В. Ярков// — Санкт-Петербург Изд-во Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. — 568 с.
6. Butter, M. Cross-Border Insolvency under English and German Law // Oxford U Comparative L Forum 3. 2002 [Электронный ресурс] — <https://ouclf. iuscomp. org/cross-border-insolvency-under-english-and-german-law/> (дата обращения 14.02.2020).
7. Clarke, T. Case Study: Robert Maxwell: Master of Corporate Misfeasance // Corporate Governance. Vol. 1 (3). 1993.

Антикоррупционная политика Банка России и пути ее реализации

Федотов Александр Владимирович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье анализируются вопросы антикоррупционной политики Банка России и пути ее реализации. Анализ проведен путем обзора нормативных правовых актов, которыми регулируется антикоррупционная политика Банка России.

Ключевые слова: Банк России, антикоррупционная политика, Национальный план противодействия коррупции.

Коррупция как негативное социальное явление, в той или иной степени, присуще всем странам мира. Появилась коррупция с появлением государства и аппарата чиновников, которые могут принимать решение и распоряжаться средствами и ресурсами от имени государства.

В государствах с развивающейся экономикой коррупция может оказывать значительное влияние даже на политическое развитие государства.

Борьбу с коррупцией ведут все страны. В некоторых странах эта борьба проходит более успешно, и эти страны занимают лидирующие позиции в рейтинге исследований по индексу восприятия коррупции, проведенных Автономной некоммерческой организацией «Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси

Интернешнл-Р», а например, Российская Федерация наоборот теряет баллы и опускается все ниже и ниже:

Таблица 1. Индекс восприятия коррупции

Место	Баллы	Страна
1	88	Дания
2	87	Новая Зеландия
3	85	Финляндия
...		
138	28	Папуа — Новая Гвинея
138	28	Россия
144	27	Кения
144	27	Нигерия
...		

«Последние три года Россия набирала 29 баллов, а в 2018 году потеряла один балл и опустилась на три места. Тем самым в 2018 году Россия оказалась в одном ряду с Папуа-Новая Гвинея, Кенией и Нигерией» [1].

Видимо, принятый в Российской Федерации Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], подзаконные акты, Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 года № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» [3] не в полной мере удовлетворяют требованиям современного общества и не позволяют в должной мере и на должном уровне организовать борьбу с коррупцией в Российской Федерации.

По мнению Липинского Д.А.: «Образно говоря, государственный аппарат продолжает сопротивляться ограничительным мерам. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» должны были принять в числе «пакета» законов, которые остаются на уровне законопроектов и в настоящее время. Так, до настоящего времени не принят закон «Об антикоррупционной политике», находятся на рассмотрении законопроекты о внесении изменений в уже существующие законы, которые направлены на предупреждение коррупции» [4].

Примеров, где российское законодательство оказывается бессильно с коррупционными действиями можно привести множество, так заместитель министра транспорта Российской Федерации господин Т., разбавляя традиционные подарки на день рождения с конфетами, бутылками, календарями обнаружил конверт, содержащий взятку в размере 10 тысяч долларов. Господин Т. Вызвал службу собственной безопасности, а те в свою очередь следственно-оперативную группу Следственного комитета России. Правоохранительные органы установили, что подарок был преподнесен генеральным директором ООО «Экспертный центр» господином К.

«Несмотря на то, что господин К. признал, что именно он преподнес подарок господину Т., его причастность к инкриминируемому ему преступлению следствию нужно будет доказать, ведь подарив данный подарок, господин К. не просил заместителя министра транспорта совершить какие-либо преступные действия или бездействия в свою пользу, из которых он бы мог получить выгоду» [5].

Если со взяткой все более-менее понятно, настораживает тот факт, что заместителю министра транспорта Российской Федерации господину Т. на день рождения поступило множество подарков различного содержания, видимо действие законодательно установленного запрета получать подарки в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей (пункт 7 части 3 статьи 12.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», пункт 6 части 1 статьи 17 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», подпункт 3 пункта 1 статьи 575 Гражданского кодекса Российской Федерации) распространяется только

на избранных граждан Российской Федерации, а не на руководство федеральных министерств и ведомств.

На наш взгляд, серьёзный удар по коррупции может нанести определение Конституционного суда Российской Федерации от 02.10.2019 № 2653-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Дмитрия Викторовича и Семьиной Марины Александровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [6], данным документом суд указал, что «изымать незаконно нажитое имущество можно не только у супругов и детей чиновников, но и у знакомых и дальних родственников». По заключению Конституционного суда Российской Федерации, данное решение направлено на эффективную борьбу с коррупцией.

Жизнь не стоит на месте, все развивается, так и коррупционные пути совершенствуются. Чиновники ищут новые лазейки обхода российского законодательства. Один из коррупционных путей оказать влияние на чиновника, это предоставление кредитов, открытие вкладов в зарубежных кредитных организациях. Рассмотрим, как Центральный банк Российской Федерации организовал антикоррупционную борьбу по этому направлению.

В 2017 году Министерство финансов Российской Федерации инициировало внесение изменений в Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [7] с целью исключения конфликта интересов при осуществлении работниками банка своих функциональных обязанностей.

По мнению Министерства финансов Российской Федерации, «банк России как мегарегулятор осуществляет надзор за профессиональными участниками финансового рынка, которые также могут предоставлять определенные преференции служащим Банка России, осуществляющим в отношении них надзорные или иные административные действия» [8].

С практикой регулирования конфликта интересов сталкиваются мегарегуляторы и в других странах. Но регулирование конфликта интересов в развитых странах осуществляется на основе рекомендаций или принципов. «Так в Банке Англии существует Code of Conduct (кодекс поведения), данный документ регулирует, какие действия попадают под ограничения, а также кто и как контролирует операции сотрудников с целью недопущения возникновения конфликта интересов, а в Центральном банке Кипра кодекс поведения руководства дополнительно распространяется на родственников руководителей» [9].

В Российской Федерации, с целью исключения возникновения дополнительных рисков связанных с конфликтом интересов и повышения прозрачности процедур принятия решений Центральным банком Российской Федерации было принято решение отойти от регулирования данных вопросов внутренними актами Банка России и

перейти на их регулирование нормативными актами, зарегистрированными Министерством юстиции Российской Федерации.

25 января 2018 года Центральный банк Российской Федерации, своим указанием № 4706-У утвердил новую редакцию «Перечня должностей служащих Центрального банка Российской Федерации, которые могут получать кредиты на личные нужды только в Банке России» [10]. Необходимость поддержания в актуальном состоянии данного Перечня обусловлена ограничениями, которые вводятся статьёй 91 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в части «свободного выбора кредитных организаций для получения кредита на личные нужды служащими Банка России».

Кроме руководства банка России и руководителей департаментов, запрет на получение кредитов в коммерческих организациях распространяется и на сотрудников надзорных структур, специалистов, являющихся кураторами банка или участвующих в его проверке.

Анализируя перечень запретов и ограничений, вводимых Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» можно убедиться, что вводимый для определённого круга лиц Центрального банка Российской Федерации запрет на получение кредитов на личные нужды в кредитных организациях не регламентирован настоящим законом. Отсутствуют данные ограничительные меры и в Указе Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 года № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы».

Статьей 7 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» служащим Банка России, занимающим должности членов Совета директоров Центрального банка Российской Федерации, «запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». Своим указанием от 27 апреля 2016 года № 4006-У «О Перечне должностей служащих Банка России, при замещении которых запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках,

расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [11] Банк России расширил перечень лиц, на которых распространяется данный запрет, дополнив его понятием — «должности служащих Банка России, исполнение обязанностей по которым предусматривает допуск к сведениям особой важности». В отличие от перечня лиц, утвержденного указанием Банка России от 25 января 2018 года № 4706-У, данный перечень содержит формулировку «допущенных к сведениям особой важности», что не вносит конкретики в перечень должностей сотрудников, на которых будет распространяться ограничение на открытие счетов (вкладов), а перечень приобретает собой обтекаемый вид списка должностей, под который могут в той или иной степени попадать многие сотрудники Банка России. По нашему мнению, в целях исключения возникновения рисков возникновения конфликта интересов, Банку России необходимо провести работу по конкретизации перечня должностей, утвержденных указанием от 27 апреля 2016 года № 4006-У.

С целью исключения ситуации, возникшей с заместителем министра транспорта Российской Федерации господином Т. И. описанной выше, 27 апреля 2016 года, Банк России своим Положением № 540-П «О порядке сообщения служащими Банка России о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими должностных обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации» ввел запрет на получение служащими подарков от физических или юридических лиц «в связи с их должностным положением или исполнением ими должностных обязанностей, за исключением подарков, полученных в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими должностных обязанностей» [12].

Предпринимаемые Банком России действия по исключению конфликта интересов, направлены на то, чтобы обеспечить правовую защиту служащих от судебного преследования за их действия и (или) бездействие, допущенные при добросовестном исполнении служебных обязанностей.

Литература:

1. Отчет о работе «Трансперенси Интернешнл-Россия» в 2018 году // [transparency.org.ru](https://transparency.org.ru/dokumenty/godovye-otchety/otchet-o-rabote-tsentra-transperensi-interneshnl-r.html). URL: <https://transparency.org.ru/dokumenty/godovye-otchety/otchet-o-rabote-tsentra-transperensi-interneshnl-r.html> (дата обращения: 09.02.2020).
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. — № 52 (часть I). — Ст. 6228.
3. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 года № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // Собрание законодательства РФ от 2 июля 2018 г. N 27 ст. 4038.
4. Липинский, Д.А. К вопросу о понятии коррупционного правонарушения // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2017. — № 3 (41). — с. 100–108.

5. Замминистра поздравили взяткой // [www.kommersant.ru](http://www.kommersant.ru/doc/4218726). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4218726> (дата обращения: 09.02.2020).
6. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 02.10.2019 № 2653-О // www.doc.ksrf.ru. URL: <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision432187.pdf> (дата обращения: 09.02.2020).
7. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // www.home.garant.ru. URL: <https://home.garant.ru/#/document/12127405/> (дата обращения: 09.02.2020).
8. Сотрудникам ЦБ РФ запретят брать кредиты в банках // www.finance.rambler.ru. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/34706615-sotrudnikam-tsb-rf-zapretyat-brat-kredity-v-bankah/> (дата обращения: 09.02.2020).
9. Информационно-аналитический интернет-проект Законодательство & Инвестиции // www.lin.ru. URL: http://www.lin.ru/news_item.htm?id=6267567572480822009 (дата обращения: 09.02.2020).
10. Указание Банка России от 25 января 2018 года № 4706-У // www.cbr.ru. URL: http://cbr.ru/anticor/cor_act/actbr/ (дата обращения: 09.02.2020).
11. Указание Банка России от 27 апреля 2016 года № 4006-У // www.cbr.ru. URL: http://cbr.ru/anticor/cor_act/actbr/ (дата обращения: 09.02.2020).
12. Положение Банка России от 27 апреля 2016 года № 540-П // www.cbr.ru. URL: http://cbr.ru/anticor/cor_act/actbr/ (дата обращения: 09.02.2020).

Право на обязательную долю в наследстве

Чикарёва Екатерина Павловна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассматривается сущность обязательной доли в наследственном законодательстве Российской Федерации с точки зрения прав и обязанностей наследников. Проводится анализ категорий лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве.

Ключевые слова: обязательная доля, обязательный наследник, наследственное право, завещание, наследодатель, наследник.

В целях социальной защиты лиц, утрачивающих в значительной степени средств к существованию в связи со смертью наследодателя, законом в отдельной статье 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] предусмотрено право на обязательную долю в наследстве.

Сформулированы нормы таким образом, чтобы избавить государство, хотя бы в некоторой части, от содержания несовершеннолетних и нетрудоспособных лиц, переложив бремя такого содержания на наследников по завещанию в подавляющем большинстве случаев [2, с. 303].

Несмотря на то, что обязательная доля является социальным гарантом, устанавливаемым государством в целях поддержки отдельных категорий граждан, посредством перераспределения материальных ценностей наследодателя внутри малой социальной группы, обязательные наследники должны выполнять обязанности, которые являются общими для всех принявших наследство. Речь идет о возмещении расходов, вызванных смертью наследодателя, расходов на охрану и управление наследством, а также обязательные наследники отвечают по долгам наследодателя.

Обязательная доля представляет собой часть наследственного имущества, на которую имеет право исчерпывающий перечень лиц,

Обязательными наследниками являются лица, которые в соответствии с гражданским законодательством вправе требовать выделения части из наследственной массы, независимо от содержания завещания. Следует отметить, что термин «обязательный наследник» не точен, поскольку закреплено лишь право на обязательную долю, содержащее правомочия по принятию или отказу от полагающейся по закону доли, т. е. указанная категория лиц решает, воспользоваться данным правом или нет.

Нотариус, удостоверяющий завещание, лишь предупреждает о наличии у указанных лиц права требовать выделения из наследственного имущества соответствующей части [3, с. 168].

Согласно российскому законодательству к числу тех, кто имеет право на получение обязательной доли, относятся несовершеннолетние и нетрудоспособные дети наследодателя (в том числе усыновленные), а также его нетрудоспособный супруг, родители и нетрудоспособные иждивенцы (ст. 1148 ГК РФ), которые наследуют независимо от содержания завещания не менее 1/2 доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону.

Право на обязательную долю имеют несовершеннолетние дети, несмотря на достижения ими трудового совершеннолетия, вступления в брак, эмансипацию (ст. 21, 27 ГК РФ).

Что касается нетрудоспособных наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве, то ГК РФ не содержит прямого указания на то, каких граждан можно отнести к нетрудоспособным.

Понятие «нетрудоспособные граждане» закреплено в Федеральном законе «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (ст. 2), согласно которому нетрудоспособными гражданами являются инвалиды, в том числе инвалиды с детства, дети-инвалиды, дети в возрасте до 18 лет, а также старше этого возраста, обучающиеся по очной форме по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет, потерявшие одного или обоих родителей, и дети умершей одинокой матери, дети, оба родителя которых неизвестны, граждане из числа малочисленных народов Севера, достигшие возраста 55 и 50 лет (соответственно мужчины и женщины), граждане, достигшие возраста 70 и 65 лет (соответственно мужчины и женщины) [4].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» содержит разъяснения об определении наследственных прав при наследовании нетрудоспособными иждивенцами наследодателя и касательно права на обязательную долю в целом.

Согласно ст. 31 вышеупомянутого постановления, к нетрудоспособным лицам относятся: во-первых, несовершеннолетние лица (п. 1 ст. 21 ГК РФ), во-вторых, граждане, достигшие возраста, дающего право на установление трудовой пенсии по старости (п. 1 ст. 7 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации») вне зависимости от назначения им пенсии по старости (лица, за которыми сохранено право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости к нетрудоспособным не относятся), в-третьих, граждане, признанные в установленном порядке инвалидами I, II или III группы (вне зависимости от назначения им пенсии по инвалидности) [5].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Белов, В. А. Гражданское право. В 4 т. Том III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. В 2 кн. Книга 2. Права исключительные, личные и наследственные: учебник для бакалавриата и магистратуры. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 443 с.
3. Абраменков, М. С., Сараев А. Г.; Отв. ред. Белов В. А. Наследственное право. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 346 с.
4. Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4831.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 23.04.2019) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.
6. Федеральный закон от 25.12.2018 № 495-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8421.

Постановление содержит разъяснения и касательно лиц, находившихся на иждивении наследодателя. Нетрудоспособным иждивенцем является лицо, получавшее от умершего в период не менее года до его смерти полное содержание или такую систематическую помощь, которая была для него постоянным и основным источником средств к существованию. Нетрудоспособным иждивенцем признается лицо вне зависимости от родственных отношений с наследодателем.

Совместное проживание с наследодателем не менее года до его смерти является условием призвания к наследованию лишь нетрудоспособных иждивенцев наследодателя из числа граждан, которые не входят в круг наследников, указанных в ст. 1142–1145 ГК РФ.

Важно заметить, что в настоящее время проводится пенсионная реформа 2019–2028 годов, предусматривающая поэтапное повышение пенсионного возраста, в связи с которым последует повышение соответственно и возраста, с которого обязательные наследники приобретают право на обязательную долю.

В целях сохранения дополнительных гарантий защиты имущественных прав граждан, принят Федеральный закон «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», который внес изменение в ГК РФ: «правила о наследовании нетрудоспособными лицами, установленные статьей 1148, пунктом 1 статьи 1149 и пунктом 1 статьи 1183 Гражданского кодекса Российской Федерации, применяются также к женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, и мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста» [6]. Таким образом, изменения, вступившие в силу с 1 января 2019 года, позволяют сохранить возраст, с которого граждане приобретают право на получение обязательной доли по нетрудоспособности.

Перечень лиц, имеющих право на обязательную долю, является исчерпывающим и распространительному толкованию не подлежит.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 7 (297) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 26.02.2020. Дата выхода в свет: 04.03.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.